

НОВОГОДНЯЯ КОЛЛЕКЦИЯ ДЕТЕКТИВА

ТРИ РОМАНА ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ!

Татьяна УСТИНОВА
Татьяна ПОЛЯКОВА
Екатерина ОСТРОВСКАЯ

Великолепные детективные истории

Татьяна Полякова

Новогодняя коллекция детектива

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Новогодняя коллекция детектива / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2020 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-116037-1

Под Новый год все мы готовим подарки для наших родных, друзей и близких. Издательство «Эксмо» представляет отличный презент – сборник «Новогодняя коллекция детектива»! В него вошли остросюжетные романы самых популярных и любимых писательниц – Татьяны Устиновой, Татьяны Поляковой и Екатерины Островской, – действие которых происходит в новогодние праздники. Они увлекут захватывающей интригой, подарят по-настоящему радостное настроение, и вы убедитесь, что интересная книга – по-прежнему лучший подарок!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116037-1

© Полякова Т. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Татьяна Устинова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Новогодняя коллекция детектива

Татьяна Устинова

Мой личный враг

Моему мужу, самому лучшему парню на свете

Движущийся сноп света рассек темноту, почему-то сильно напугав ее. Звякнули приготовленные заранее ключи, и сердце замерло, сжавшись в ледяной кулачок и мешая дышать. Во двор въехала машина и, расплескивая лужи, проползла к соседнему подъезду.

Ничего страшного, просто какие-то запоздалые соседи вернулись домой.

Она знала, свет в подъезде горел только начиная с третьего этажа, а взбираться предстояло на пятый. И лифт, как всегда, не работал.

Повздыхав около двери в могильную черноту подъезда, она решила, что нет ничего глупее, чем стоять во втором часу ночи, можно сказать, в двух шагах от собственной спасительной двери и бояться сделать эти два шага.

Надо себя заставлять, вспомнилось ей из какого-то анекдота.

Она открыла дверь, шагнула раз, другой и нащупала холодные ночные перила, наводящие на мысль о маньяках-убийцах, подстерегающих в темноте невинных барышень. Впрочем, невинные барышни не работают до двух часов ночи, тут же уточнила она.

С площадки первого этажа она оглянулась. Теперь казалось, что на улице гораздо светлее, чем в подъезде. Ей стало неприятно: со следующего пролета она уже не увидит прямоугольник входной двери, слабо сочащийся уличным светом.

И от зажигалки никакого толку. Горячий дрожащий язычок освещал только руку, делая окружающий мрак еще более непроглядным. Чтобы не затягивать путешествие, она спрятала зажигалку в карман и понеслась вверх по лестнице. В конце концов, где-то там, на третьем этаже, горел свет...

Ее ударили, когда до света осталось добежать совсем немного. Ударили вполне профессионально – она не слышала ни шагов, ни шума, ни даже вдоха. Она свалилась лицом вперед, стукнувшись головой о ступеньки, как кукла.

Человек, ударивший ее, был мастером своего дела. Он быстро посветил фонариком, убедился, что женщина жива, и достав нож, слегка полоснул ее по щеке и еще раз – по уху. Чуть слышно звякнула серьга.

Затем он убрал нож и стал неторопливо спускаться вниз, где его ждала машина.

Комната была какая-то странная – очень знакомая и все-таки чужая. И люди в ней были смутно знакомые. Кажется, один из них – ее муж. А остальные кто?

Чудно все выглядело: то ли нарушение пропорций, то ли искривление пространства...

Ну да, конечно! Это оттого, что она смотрит на них сверху. И не с потолка даже, а с какой-то небывалой высоты.

И эта женщина на диване, с залитым кровью лицом, – она. И комната – ее собственная. С ней что-то случилось, и, кажется, совсем недавно.

Почему они так суетятся, если с ней все в порядке и она их отлично видит и слышит? И почему такое бледное и потерянное лицо у человека, который вроде бы ее муж?

Нужно его успокоить. Разве он не видит, что с ней все хорошо?

Она сделала попытку шевельнуться и стала вдруг стремительно падать со своей высоты прямо в эту комнату, полную людей и острого запаха беды – валокордина, нашатыря и белых халатов.

И это падение было гораздо страшнее того, что произошло с ней до этого.

Скорость падения все увеличивалась, и в последнее мгновение она увидела прямо перед собой собственное лицо с разрезанной щекой и синевой вокруг рта и глаз.

«Я не хочу обратно в нее, – молнией сверкнула мысль. – Я боюсь! Там темно и страшно».

И сразу навалилась боль, тупая, унижительная, мерзкая...

Она застонала, хватая за руки того человека, которому собиралась сказать, что с ней все хорошо.

– Вернулась... – отчетливо проговорил кто-то у нее над головой, и больше она ничего не видела и не чувствовала.

Пятью месяцами раньше

Французик, из-за которого Вика и затеяла все представление, был так себе, ничего особенного. Да и разглядеть его толком не удалось – гостей было великое множество, и французик в них потерялся, как воробей в курятнике, хотя Вика исправно подводила к нему знакомить всех вновь прибывающих.

Для Александры он перестал существовать, как только она поняла, что он меньше ее ростом.

Мужчин, которые были ниже ее, она просто не замечала. Слишком долго она проторчала у стенки на школьных и институтских дискотеках, где все потенциальные кавалеры доставали ей как раз до плеча, слишком свежи были в памяти многочисленные дурацкие прозвища, которыми ее начали награждать еще в детском саду, слишком долго она пробыла неизменной «правофланговой» на всех без исключения школьных спортивных мероприятиях, чтобы сейчас тратить жизнь на всяких низкорослых недоумков. Теперь, когда у нее есть Андрей, ей в высшей степени наплевать, какое впечатление она производит на всех остальных.

Ее позвали оценить заграничное Викино приобретение – французского журналиста, приехавшего творить в Москву. Она оценила – не слишком высоко. Теперь оставалось со спокойной душой поесть и дожидаться Андрея.

Стоя в углу, она жевала бутерброд с тоненьким ломтиком вкусной белой рыбки и хрюкала от удовольствия.

За день она устала, набегалась, дважды промочила ноги, поругалась с оператором, чуть не опоздала с сюжетом к эфиру и получила выговор от желчного Михаила Андреевича, выпускающего редактора.

«С вашей организованностью, Саша, – сказал Михаил Андреевич, возвращая ей подписанный текст репортажа, – только на складе утильсырья работать».

И ни о чем не захотел слушать. Ни о пробках, ни об операторе, решившем именно сегодня помотать ей нервы, ни об опоздании политика, у которого она брала интервью.

Ну и ладно, день прошел – и слава богу, следующий будет лучше. В это Александра верила свято. Самое главное – сейчас приедет Андрей и можно будет тихонечко убраться восвояси.

Взяв еще один бутерброд, Александра перехватила тоскующий взгляд Димы Тимофеева, собственного корреспондента «Вестей» в Багдаде, который толковал о чем-то с Викой, и бегло ему улыбнулась. Димка закатил глаза и поднял брови, выражая отчаяние, но Александра спастись ему не собиралась. Она слишком устала, неохота ввязываться в Викины светские беседы. Прилаживая бутерброд, чтобы половчее откусить, она осторожно повернулась в сторону балкона, где было не так людно, и нос к носу столкнулась с французом.

– Пардон, – пробормотал он и вежливо посторонился. Рядом с ним Александра чувствовала себя слонихой.

– Ничего, – лучезарно улыбнулась она с высоты своего роста.

Весь он был какой-то невзрачный. На худом загорелом лице – очки, одет то ли бедно, то ли непривычно для русского глаза – темный свитер, темные джинсы, нелепая жилетка. И – господи, спаси и помилуй! – волосы собраны сзади в короткий хвост.

Он тоже улыбнулся. Улыбка у него оказалась приятной.

– Я, наверное, за всю жизнь столько не знакомился, сколько за сегодняшний вечер, – сказал он Александре по-русски. – И никого не запомнил.

Очень удивленная, Александра замерла с бутербродом в руках – со всегдашней своей неловкостью, за которую ее так ругал Андрей, она даже не догадалась пристроить его на тарелку. Знакомясь, французик пробормотал что-то вроде «Нотр-Дам, норсульфазол...», то есть изъяснялся явно по-своему, по-иностранному, это она точно запомнила. А теперь вдруг – на великом и могучем...

– Вы говорите по-русски? – с изрядным опозданием удивилась она.

– Говорю, – подтвердил он. – Как у каждого или почти каждого порядочного француза, у меня имеется русская бабушка вполне княжеского рода. Учить русский язык в семье считалось хорошим тоном.

– Надо же! – искренне восхитилась Александра – чуть ли не впервые в ее журналистской практике ей попался иностранец, говорящий по-русски.

Он учтиво стоял рядом, и было непонятно, что ей теперь делать – протиснуться мимо него вместе со своим бутербродом к окну или завязать с ним легкую и приятную беседу. Места между столом и французом было мало, поэтому Александра выбрала беседу, проклиная на чем свет стоит Вику, флиртующую с Димкой. Пусть бы сама развлекала своего француза – она, Александра, светскими талантами никогда не блистала.

– Вы впервые в Москве? – поинтересовалась она со всей непринужденностью, на которую только была способна. Должно быть, со стороны они выглядели забавно – изящный француз и она, зажавшая бутерброд в горсти, как последнюю гранату.

– Родители привозили лет тридцать назад. Я помню все очень смутно, – ответил он и опять улыбнулся смущавшей ее улыбкой. – Сейчас многое в Москве изменилось, верно?

Пожалуй, акцент в его речи все-таки был. Вернее, даже не акцент, а легкий намек на него, некая приятная неправильность интонации, которую трудно сразу уловить. Да, а как же его зовут? Она не собиралась с ним разговаривать и была уверена, что его имя ей не понадобится, поэтому плохо слушала Вику, когда та представляла их друг другу. И что теперь делать? Спросить? Или обойтись предложениями без обращения?

– Прощу прощения, – сказала Александра несколько смущенно, – но я не запомнила вашего имени. Меня зовут Александра Потапова. Я журналистка. Работаю корреспондентом в «Новостях» на Первом телевизионном канале. – До сих пор, представляясь, она испытывала прилив гучей гордости. – А вы?

– Меня зовут Филипп Бовэ, – ответил француз, ничуть не смущенный нарушением этикета: наверное, он сам разбирался в нем не слишком хорошо. – Я приехал в Россию писать книгу. Пробуду здесь, возможно, около года.

– Вы журналист? – спросила Александра. В то, что он знаменитый писатель, она как-то не очень поверила.

– Не совсем журналист, – ответил он, подумав. – Когда-то хотел быть журналистом. Но так им и не стал. Появились... другие дела.

Понимающе кивая, Александра думала о том, как бы повежливее отойти от него. Конечно, она уже не школьница-переросток, а вполне зрелая женщина с надежно упрятыми

комплексами, но все-таки возвышаться над ним – маленькое удовольствие. Хотя он был не намного ниже, сантиметра на три, пожалуй... Но и три сантиметра ее нервировали.

– Кажется, я не даю вам есть, – догадался француз.

– Я сегодня очень устала, – доверительно сообщила ему Александра, с сожалением рассматривая рыбу на прозрачном ломтике свежего хлеба: откусить при нем она не решалась. – Пятница – самый трудный день. Обязательно произойдет что-нибудь непредвиденное. Перед выходными все стараются как следует накачать народ, чтоб никто, не дай бог, не забыл, в какое ужасное время мы живем...

– Накачать? – переспросил он недоуменно.

Александра засмеялась.

– Ну, вывалить очередную кучу чернухи, – пояснила она весело.

– Ага. Чернухи, – сказал француз и тоже засмеялся. – К сожалению, я знаю только классический русский язык, и мне иногда трудно с пониманием.

– Ничего. Если вы собираетесь писать о нас книгу и будете собирать материал, от вашего классического русского не останется и следа, – пообещала ему Александра. – Будете говорить, как все сейчас говорят.

– Вы меня утешаете, – пробормотал Филипп.

Девушка ему нравилась, и говорить с ней было приятно. По крайней мере, она не смотрела ему в лицо завораживающим взором и не старалась поразить его воображение неземной красотой или потрясающим интеллектом.

Чуть ли не весь вечер он старательно придурился, что ни слова не понимает по-русски, и вот – на тебе! – разговорился с какой-то случайной девицей, неизвестно как попавшей на эту вечеринку восходящих звезд и почти знаменитостей.

Она была высокой – вровень с ним или даже чуть выше – и крупной. Аристократической худосочности в ней не было и в помине. Длинные ноги, сильная шея, нежная кожа, очень короткие волосы. Филиппу этот короткий блестящий «ежик» просто не давал покоя – так хотелось его потрогать. С чего бы?

– Пойдемте на балкон, а? – не выдержала Александра. – Там никого нет и можно покурить. Вы курите?

– Курю, конечно, – сказал Филипп и как привязанный пошел за ней, разглядывая ее шею с оставленным завитком темных волос.

– Я только возьму еще бутерброд, – извиняющимся тоном сказала она. – А вы не хотите?

Филипп с удовольствием выпил бы кофе, да и не мешало бы также сделать пару звонков, однако придется выждать еще с полчаса – уехать сейчас просто неприлично.

Оказавшись на балконе, Александра заметно расслабилась. Здесь было темно и прохладно – из приоткрытой рамы тянуло осенней сыростью, пахло дождем и автомобильными выхлопами. Шум вечеринки заметно стих, но дверь, в которую должен был войти Андрей, просматривалась отсюда очень хорошо, так что она его не пропустит.

– Принести вам кофе? – спросил француз, про которого Александра совсем забыла.

– Да, если можно, – благодарно сказала она – кофе ей очень хотелось.

Глядя, как француз пробирается между гостями к столу с напитками, Александра внезапно его пожалела. Бедняга, все его бросили. Даже Вика. Он же не виноват, что не похож на Алена Делона и вообще сильно отличается от стандартного французского очаровашки, созданного русским женским воображением. Ни шарма, ни обаяния, ни пресловутой элегантности. Зачем он понадобился Вике?

Конечно, не всем удастся заполучить на вечеринку настоящего француза, а Вике удалось. Может, в этом все дело? Теперь все увидели, что француз действительно был, и больше он ей не нужен. А может, он чей-то приятель? Или друг?

– Молока не было, – сообщил француз, возникая на пороге. – Сахар я захватил.

– Спасибо, – прочувствованно сказала Александра. – Где-то здесь была пепельница. Они закурили, глубокомысленно глядя за окно, в черную осеннюю московскую ночь.

– Вы в «Останкино» уже были? – Александра съела свои бутерброды, утолив сосущий голод в пустом желудке, а кофе и сигарета настраивали ее на благодушный лад.

– Нет, – ответил француз. – Меня приглашал господин Митрофанов, продюсер программы... – Было видно, что он силился вспомнить, какой именно.

– «После бритья», – подсказала Александра. – Это хорошая утренняя программа. Кирилл Митрофанов в наших кругах человек известный.

– Я с удовольствием посмотрю ваш телецентр, хотя ничего не понимаю в телевидении. Должно быть, это интересно. Верно?

– Ужасно интересно, – воодушевилась Александра. – Я работаю уже три года, начинала ассистентом режиссера в одной крошечной программке, а сейчас – в девятичасовых «Новостях» на Первом канале.

Она явно гордилась своими успехами, эта странная девица, неловко жавшаяся в тень балкона. С ее внешностью могла бы носить себя с большей уверенностью. Такая не потеряется в любой толпе, подумал Филипп. Мимо нее никто не пройдет равнодушно. А она, похоже, себя стесняется.

– Вот вы где спрятались! – раздался вдруг торжествующий возглас хозяйки дома, и появилась Вика, таща за собой упирающуюся красавицу с длинной гривой платиновых волос и в облегающих кожаных джинсах.

Едва взглянув на эти джинсы, Филипп моментально понял, что последует дальше. Ему стало смешно.

– Это ты утащила от нас Филиппа? – Вика с дружеским укором погрозила Александре пальцем. – Он не может принадлежать только тебе. Есть и другие!

На балконе сразу стало душно от смешанного запаха экзотических духов, спиртного и сигарет. Александра съежилась на стуле, мечтая поскорее убраться отсюда и зная: стоит ей только встать, и все сразу увидят, какая она огромная. Как лошадь. И эта вобла с белыми волосами тоже увидит.

– Филипп, это моя подруга Лена, – сообщила Вика с дружелюбнейшей из улыбок, продолжая держать платиноволосую за руку. – Познакомься с моей подругой Элен, – с трудом выговорила она по-английски.

Филипп залопотал что-то, смешивая английские и французские слова, и Александра взглянула на него с веселым изумлением. Он явно делал вид, что ничего не понимает.

– Да, да, – надрывалась Вика на своем английском. – Это моя лучшая подруга Элен. Она... – Вика повернулась к Александре: – Как сказать «актриса»?

Александра подсказала нужное слово.

– Да, конечно, actress, – повторила Вика. И снова залопотала по-английски: – She is a very good actress. Last year... last year... Шурочка, скажи ему, пожалуйста, что в прошлом году ее приглашали на Бродвей!

Никто и никогда не называл Александру Шурой. Кроме Вики.

– Да ну его, Вик, пошли лучше к ребятам, – заскулила платиноволосая. – На что он тебе сиделся? Плюнуть некуда...

Александре стало неловко:

– Last year, – быстро начала она, пока разговор двух задушевных подруг не зашел слишком далеко, – Helen was invited to visit New York and to take part in one of the Broadway shows.

– Fine! I spent a lot of time in NY last winter, and I like Broadway shows very much! What movie did you take part, or maybe musical? – восхитился Филипп.

– Он говорит, что прошлую зиму часто был в Нью-Йорке и что он очень любит бродвейские постановки. Он спрашивает, в каком спектакле вы играли, или, может, это был мюзикл?

– Пошел он в баню! – возмутилась платиноволосая. – Какое ему дело? Скажи, что это был спектакль для богатых. Для бо-га-тых. Он на такие не ходит.

Вика дернула подругу за руку.

– Заткнись, Ленка, – проговорила она с ангельской улыбкой. От этой улыбки Филипп внутренне содрогнулся. – Ты мне обещала. Он, конечно, ни черта не понимает, но тон есть тон. Сбавь обороты. Ты хочешь в Париж или не хочешь?

– С этим? – Сара Бернар смерила Филиппа взглядом. – У тебя что, крыша съехала?

– Да какая тебе разница, с этим или с другим? Паспорт-то у него вполне французский...

Филипп, не в силах сохранять на лице выражение приятной заинтересованности, торопливо затянулся и фыркнул. Александра с оглушительным, как ей казалось, грохотом стала выбираться из своего угла. Платиноволосая посмотрела на нее с высокомерной жалостью: сама она была ровно вдвое тоньше и изящней.

– Стой, – вдруг сообразила Вика, – не уходи. Я переводить совсем не могу, а Ленка только fuck you знает – ты же понимаешь, что это такое. Так что давай, Шурок, поработай. Ленка, спроси его о чем-нибудь. Ну соображай, соображай!..

За их спинами в глубине квартиры раздался взрыв смеха, и платиноволосая с сожалением оглянулась.

Это было уже слишком.

– Извините, я должен поговорить с мистером Королевым, – быстро проговорил по-английски Филипп и, повернувшись к Александре, добавил (также по-английски): – До скорой встречи, Алекс. – Сказав все это и коротко поклонившись, он удалился с балкона.

– Чего-чего?.. – переспросила Вика. – К Королеву ему надо? Подумать только, какая срочность!

«Хорошо, что он вообще с балкона не бросился, – мрачно подумала Александра. – А мог бы».

– И давно он называет тебя Алекс? – Вика вовсе не была дурой, и поспешный уход Филиппа ей не понравился – что-то тут было не так.

– Да не называет он меня Алекс, – с досадой ответила Александра. – Он вышел покурить, а я тут... уже курила. Ну вот и разговорились...

Почему-то Вика всегда заставляла ее оправдываться.

– Вик, ну хватит, а? – заныла истомившаяся по большой компании бродвейская знаменитость. – Можно я пойду? Или мне нужно при тебе весь вечер стоять?

– Лучше иди постой при этом французском дяденьке и Вальке Королеве. А потом пригласи его потанцевать, – настойчиво посоветовала Вика. – А лучше всего – в койку. И не выпускай, пока он тебе предложение не сделает.

Освобожденная из-под опеки платиноволосая радостно прогарцевала в квартиру, напоследок посоветовав Александре:

– Худеть нужно, девушка!

Вика засмеялась:

– Ленка всегда в своем репертуаре. Считает, если она красавица, то все остальные должны быть на нее похожи. Но говорят же – чем больше хорошего человека, тем лучше... Мужики всяких любят, верно, Шура? Я, правда, таких не встречала, но ведь Победоносцев-то пал жертвой... Сколько вы уже женаты? Год? Два?

– Полтора, – мрачно отозвалась Александра.

Под благодатным дождичком Викиных высказываний все ее комплексы ожили и выползли наружу. Сегодня ей уже обратно их не загнать. Скорее бы Андрей приехал!

– Ленку нужно пристроить, – доверительно сообщила Вика и вытащила у Александры из пачки сигарету. – Так невозможно жить, как она живет. В Москве – никого, ни родных, ни близких. Любовник, старый хрен, того и гляди бросит – уже давно на сторону поглядывает. А

Ленка устраиваться никуда не хочет. Да без прописки особенно и не устроишься. Я ее попыталась секретаршей к нам пропихнуть, а Сорокин говорит – неси паспорт. Ему налоги на иностранных тоже нет резона платить. А у Ленки идея-фикс, хочет в шоу-бизнес или в модели...

Александр совершенно неинтересны были Ленкины злоключения, но она зачем-то слушала, как всегда, не смея уйти или прервать всемогущую Вику.

– Да еще машину разбила, – продолжала та, – а старый хрен пока ничего не знает. Узнает – вот будет история с географией... Хорошо бы ее замуж выдать, хоть за Филиппа этого. Он и впрямь не так чтобы очень, но гражданство, гражданство...

В комнате начались танцы. Изрядно набравшийся Вовик Бородин, молоденький мальчик из политической редакции, в приступе танцевального усердия налетел на стол. Зазвенела посуда, завизжали девицы.

– Пойду, – озабоченно сказала Вика и потушила сигарету. – А то еще кто-нибудь в салате уснет. Пошли, Шурка.

Александра поплелась за ней. Ноги ее уже не держали, настроение было испорчено окончательно. Андрей опаздывал просто по-свински, опять ужасно захотелось есть, да еще эта девица растревожила всегдашнюю рану.

Александра и сама знала, что не слишком изящна, но что с этим можно сделать? Худеть у нее не получалось. Работала она по двадцать часов в сутки, иногда по ночам, а ночью, как известно, всегда почему-то хочется есть. Не тратьте же нервы и силы еще и на голодание! Ну не получается у нее – и все тут! Хватит ей постоянной и ежесекундной телевизионной нерво-трепки со сменой начальства, сокращениями, увольнениями, появлением новых фаворитов и изгнанием старых! К тому же ко всем новым любимчикам следовало искать – и находить! – новый подход, а со старыми сохранять добрые отношения: кто знает, в один прекрасный день они могут быть с почетом возвращены на прежнее место, и тогда позволившие себе лишнее в момент временного унижения горько об этом пожалеют.

Где уж тут худеть...

Да и бабушка всегда говорила: «В нас ты пошла, Александра, в Потаповых. Все такие были: и мои мать с отцом, и тетки, и дядья, и ты такая же». Прикрываясь, как щитом, этими бабушкиными словами – что поделаешь? Судьба! – Александра малодушно позволяла себе плыть по течению.

И за это свое малодушие она себя ненавидела.

Свет в квартире погасили, остались только замысловатые светильники, привезенные Викиным отцом из каких-то дальних странствий. Разоренный стол сдвинули к стене, возле него бесшумно суетилась Люда, Викина домработница, собирая тарелки, стаканы и окурки.

Андрей все не ехал.

Платиноволосая сирота, несколько не опечаленная собственным неустройством, плыла в объятиях какого-то типа, кажется, из редакции «Московских новостей». Странно, почему Вика не заставила ее пригласить француза?

– Я думал, что вы уехали, – проговорил Филипп прямо ей в ухо, как будто материализуясь из ее мыслей, – и даже грустил, что не успел сказать вам «до свидания».

– Муж опаздывает, – пояснила Александра, поворачиваясь в сторону темного силуэта, маячившего на фоне освещенной двери. – Обещал меня забрать и что-то не едет.

Почему-то ей было приятно говорить ему о том, что у нее имеется муж. Ей казалось, что это сообщение непременно удивит его. Но, похоже, он проглотил факт присутствия в ее жизни мужа, даже не заметив его. Так, по крайней мере, показалось Александре.

– Могу я пригласить вас потанцевать? – спросил Филипп.

– Потанцевать?! – изумилась Александра.

Ну ладно, разговаривать с мужчиной, который ниже тебя ростом, – еще куда ни шло, но танцевать с ним... Полный идиотизм!

– Я сказал что-то не то? – спросил Филипп, заметив ее реакцию. – Или Россия перешла теперь в мусульманство и танцевать с замужними женщинами запрещает Коран?

– Я не знаю, что там запрещает Коран, – начала Александра довольно громко, но тут же понизила голос, увидев, что Вика поглядывает в их сторону, – но я не могу танцевать с человеком, который... которому я... который мне...

– ...который вам не нравится, – закончил Филипп и, обняв ее за талию, слегка подтолкнул к середине комнаты.

– ...который ниже меня ростом, – прошипела смущенная Александра. – Над нами будут смеяться, слышите, Филипп?

– Никто не будет над нами смеяться, – успокаивающе заметил он, покачивая ее в ритме музыки.

Держать эту странную особу в объятиях, совсем близко от себя, было приятно. Появилось какое-то забытое чувство новизны и ожидания чего-то значительного, возможно, самого главного. Он уже давно забыл это светлое ощущение, точнее, радостное предчувствие чуда. А может, никогда его и не знал?

Хорошо, что ему попала на глаза эта девушка с бутербродом, нежно прижатым к груди. Иначе бы он весь вечер злился на себя, что теряет время, или в лучшем случае выслушивал бы дифирамбы хозяйки дома, воспевающей артистический талант ее подруги.

Поначалу Александра упиралась, как осел на горной дороге, но Филипп, как ни странно, оказался сильнее.

– Если хотите помериться со мной силой, пойдемте лучше в другую комнату, – негромко посоветовал он. – Если мы свалимся, это и вправду будет смешно. Хотите попробовать?

– Нет, – буркнула Александра, покоряясь судьбе, – не хочу. Но это шантаж.

– Согласен, – кивнул Филипп. – А что прикажете делать? Ждать, когда на меня бросится малышка Элен, решив, что мой паспорт ей вполне подходит?

Втайне удовлетворенная тем, что француз не клюнул на платиновые волосы и обтянутую черной кожей попку в виде сердечка, а вот – поди ж ты! – танцует с ней, Александра заметила рассудительно:

– Они не знали, что вы понимаете по-русски.

– Но я понимаю по-русски, и мне даже не хочется думать, что было бы, узнай они об этом.

Александра осторожно двигалась в танце, стараясь по случайности не отдавить ему ноги. У него были широкие плечи и поджарое, жилистое тело. И пахло от него очень хорошо, каким-то дорожным парфюмом.

Приятный мужик – с юмором, сдержанный и симпатичный, хотя сразу его и не разглядишь. Надо будет познакомить его с Андреем, и можно дружить. Вика удивится от злости.

Улыбнувшись, Александра кинула взгляд в сторону Вики и обнаружила Андрея. Он стоял в дверях, высоченный и красивый, ее драгоценный, любимый, талантливый муж.

– Прощу прощения, – быстро сказала она Филиппу, – приехал Андрей, мой муж. Мне хотелось бы познакомить его с вами. Вы не возражаете?

– Ничуть, – ответил Филипп галантно, и Александра начала пробираться к Андрею.

– Я тебя заждалась, – сказала она со счастливой улыбкой, добравшись наконец до мужа, и быстро потерлась щекой о его пиджак. – Познакомьтесь. Филипп Бовэ, журналист из Франции. Андрей Победоносцев, тоже журналист. Андрей у нас знаменитость. – Это было сказано с величайшей гордостью, заметил Филипп. Она сияла, как начищенный песком самовар из коллекции Филипповой бабушки. И Филиппу это не понравилось.

– Дела задержали, – как бы извиняясь, бросил Андрей и протянул Филиппу руку.

У него был красивый низкий голос, очевидно очень подходивший для телевизионного журналиста, и представительная внешность. Вдвоем с Александрой они смотрелись до неприличия хорошо – высоченные, спортивные, улыбающиеся ровными дружелюбными улыбками.

– Андрюша! – воскликнула Вика, оказавшись рядом. – Что такое? Почему ты опоздал? Александра познакомила тебя с господином Бовэ?

Она подставила щеку для поцелуя, и Андрей аккуратно, но с некоторой неловкостью, как показалось Филиппу, ее поцеловал.

Они заговорили о каком-то совещании, на котором сегодня утром объявили то ли о сокращении, то ли о перестройке в редакции политического вещания, и Филипп сделал шаг назад.

Александра Потапова кивнула ему и улыбнулась. Он улыбнулся в ответ.

Через десять минут он уедет, и кончится это идиотское времяпрепровождение. У него куча неотложных дел, ведь только кажется, что год – это долго. Год пролетит, как один день. Кроме того, недели через четыре ему придется слетать в Париж, значит, к этому времени нужно подогнать все здешние дела. Он уже месяц в Москве, а не сделано и сотой доли того, что он запланировал. «Что поделаешь, Россия!.. – посетовал как-то его приятель. – Здесь пока раскачаются, жизнь пройдет». Но ждать, пока пройдет жизнь, Филиппу не хотелось.

Он давно потерял из виду Александру. Должно быть, она уже уехала.

В углу со стоном целовались, в кресле какая-то парочка самозабвенно тискала друг друга. Филиппу припомнилась собственная молодость, Сорбонна, дешевые обшарпанные квартирки, в которых так весело было когда-то пить пиво и щупать тощих обкуренных девчонок, чувствуя себя хозяином Вселенной.

Он направился к выходу, вспоминая, где оставил куртку – на вешалке или в машине. Пожалуй, в машине, но посмотреть на вешалке все же стоило, чтобы потом – спаси и помилуй, Пречистая Дева, – не пришлось возвращаться обратно.

Филипп подошел к вешалке, высматривая куртку. Вроде бы не видно. Приподнимая полы чужой одежды, Филипп продолжил изыскательские работы во втором ряду.

На кухне – совсем рядом – разговаривали. Сначала тихо, потом все громче и громче. Филипп вылез из вороха одежды и прислушался. Он слушал довольно долго, затем шагнул в полную темноту, к входной двери. Мимо него пронеслась Вика с красным и злым лицом.

Филипп осторожно, стараясь не щелкнуть замком, открыл дверь и стал спускаться вниз по лестнице. Ему нужно было подумать, а думать в лифтах он не умел.

То, что он услышал, очень ему не понравилось...

– Сашка, где материал о визите первой леди в питерский хоспис?

Вася Куренной, сменный редактор, выскочил на лестницу, где курили корреспонденты, и с размаху чуть не налетел на урну. Вид у него был безумный, глаза метали молнии... Ну прямо Зевс, или Прометей-громовержец, или кто там еще?..

– Сдала на эфир, – не поворачиваясь, ответила Александра – такие сцены повторялись каждый день, и все к ним давно привыкли. – А что?

– А то, что в аппаратной нет пленки, а через двадцать минут эфир! – Вася рванулся обратно в комнату, где сидели выпускающие, на ходу зывая: «Вова! Вова!»

Вовой звали ассистента режиссера, отвечающего за сбор материала на эфире.

Александра прислушалась к Васиным воплям, доносившимся уже из редакторской, и потушила сигарету.

– Пойду поищу кассету. Вдруг правда Вовка ее куда-то засунул, – сказала она своей лучшей подруге Ладе Ильиной.

Лада делала репортажи о культурной жизни столицы и отличалась необыкновенной красоты бюстом, а также умением никогда не перетруждаться. Она всем нравилась, потому что была миролюбива и незлопамятна.

– Да брось ты, – волнуящим низким голосом проговорила Лада. – Ну куда они могли ее засунуть? В унитаз спустить? Вовка мимо нас в сортир вроде не проходил, мы бы заметили...

Такой у нее был юмор.

– Покури-ка лучше со мной. – Лада чиркнула спичкой о золоченый коробок, прихваченный вчера в ресторане. – Мне одной скучно. Как твой Победоносцев? Ему правда дают собственный эфир и делают руководителем программы?

– Истинная правда, – с удовольствием подтвердила Александра.

Успехи мужа радовали и волновали ее, позволяли надеяться на какую-то новую, небывалой красоты жизнь. Давно ли они были нищими, голодными корреспондентами, рыскающими по Москве в поисках сенсаций? Давно ли Андрюша Победоносцев, ничего не умеющий, средненький журналист из Набережных Челнов, приехал покорять столицу и был готов работать кем угодно, жить где угодно, есть раз в два дня, но только бы в Москве?

Они поженились, еще ничего не зная о своем будущем, и он стал стремительно набирать обороты, догоняя и перегоняя давно устроенных рафинированных московских мальчиков из «Взгляда» и разных прочих программ, возникших из неожиданно свалившейся на журналистов гласности.

– Ты к нему в штат пойдешь или у нас останешься? – спросила Лада, вытаскивая Александру из ее грез о муже.

– Не знаю, Лад, – сказала Александра. – Вроде с ним лучше, он платить будет хорошо, ты ж понимаешь... А с другой стороны, это конец света, с мужем вместе работать...

– Да уж, – подтвердила Лада, имевшая в любовниках всех начальников по очереди. – Как только они понимают, что могут тобой командовать еще и на работе, – все, ты пропала. Лучше сразу увольняться.

– Жень! – крикнула Александра, увидев высунувшегося в коридор редактора. – Ты не знаешь, пленка моя нашлась?

– Все нашлось, – отозвался издали очкастый Женя. – Где Леша Никольский, дамы?

– Дамы не знают, – пробасила Лада и повернулась к подруге: – Ты сегодня еще снимаешь?

– И снимаю, и монтирую, – с тяжким вздохом сообщила Александра. – Сейчас поеду в Совет Федерации, там сегодня омский губернатор пресс-конференцию проводит. Может, интервью мне даст по старой памяти.

– Для кого стараешься-то? Для царицы Вики Терехиной?

– Для нее, – ответила Александра. – Отрабатываю приглашение на банкет. Не зря же она меня, ничтожную, приглашала в высшее общество. Я там целых два бутерброда сожрала. Или три.

Лада захохотала:

– А зачем ты вообще поперлась, если знала, что она тебя потом в покое не оставит?

– Андрюшке надо было с кем-то там увидаться, о чем-то поговорить... И потом, – Александра улыбнулась, – тусовка... Ты же знаешь, как это важно.

– Кому важно? – спросила Лада, вмиг перестав хохотать. – Тебе? Или Победоносцеву?

– Это одно и то же, – сказала Александра. – Сама знаешь: «Мы говорим – партия, подразумеваем – Ленин...»

– Оно конечно, – согласилась Лада, – подразумеваем. Только он, великий журналист Победоносцев, – создание собственных твоих рук. Все мы прекрасно знаем, где бы он был сейчас, если бы не ты. Ты Сорокина уговорила его в штат взять, ты его у себя прописала, ты с ним по ночам в монтажной сидела, ты за него тексты писала...

– Ну и что? – раздражаясь, перебила Александра – она не выносила разговоров о том, что сама себе сделала мужа. – Будь он тупицей, там бы и остался, где был, так что мое сидение в монтажной ни при чем. Конечно, я ему помогала в меру своих сил, но все, чего он достиг, он достиг сам.

– Я и не говорю, что он тупой, – пробормотала Лада, зная, что в подобные дискуссии с Александрой лучше не вступать. – Просто ты же с Викой стараешься не общаться, а вот Андрюше надо, и ты – сколько угодно...

– Потапова, к телефону тебя! – закричали из аппаратной, и Александра тяжело затрусила к распахнутой двери.

– Обедать пойдешь? Ждать тебя? – спохватилась Лада, позабывшая самое главное – пригласить Александра в буфет: есть в одиночестве она терпеть не могла.

– Еще не знаю, что с моей камерой, где она ездит, – задержавшись у двери в аппаратную, ответила Александра. – Если успею – пойду. Подожди минут пять, а?

Поесть как следует ей так и не удалось. Почему-то в кошельке оказалось очень мало денег: только на кофе и булку, на кусок мяса уже не хватило, а занимать у Лады Александра постеснялась – та и без того почти всегда за нее платила.

В Совете Федерации, после всегдашней волынки с пропусками, которая повторялась каждый день, хотя пресс-служба исправно заказывала Александре пропуск, а вся охрана прекрасно знала ее в лицо, она долго носилась по этажам, преследуя неуловимого омского губернатора.

Как всегда, никто не знал, будет ли пресс-конференция вообще, а если будет, то где именно. Знакомый парень из агентства Рейтер сказал, что все отменили, а Наташа Мигальцева из РИА «Новости» – что, наоборот, назначили на четыре часа. Время еще было, и Александра отправилась разыскивать министра финансов, который, по слухам, сегодня весь день провел в Совете Федерации.

Общаться с министром финансов было очень трудно – журналистов он на дух не выносил, поэтому взять у него интервью представлялось редкой удачей.

«Может, сегодня повезет, – размышляла Александра, карауля под дверью приемной председателя Совета Федерации. – Тогда в эфир пойдут два моих материала. Это хорошо, просто отлично. Вика будет довольна».

Александра боялась Вику Терехину, хотя ей стыдно было признаться в этом даже самой себе.

Министр финансов выскочил из приемной, когда Александра, устав маяться под дверью, отошла покурить и посидеть на круглом диванчике у лифта, оставив на стреме оператора Сашу. Ни на кого не глядя, наморщив чело, омраченное государственными заботами, министр быстро пошел в сторону лифтов, а журналисты кинулись за ним, как гончие за лисицей, понимая, что, если они упустят зверя, хозяин будет очень недоволен.

Александра швырнула сигарету в пепельницу и в волнении поднялась с диванчика. Ничего не подозревающий министр двигался прямо на нее, гончих его охрана теснила, увещевала и не пропускала.

– Владимир Федорович! – воскликнула Александра, когда многострадальный министр оказался рядом с ней. – Прошу прощения, меня зовут Александра Потапова, «Новости» Первого канала...

Министр покосился на нее и пробурчал, не сбавляя хода:

– И что?

– Вы не могли бы ответить на пару вопросов о вашей сегодняшней встрече с председателем Совета Федерации? Всего два, Владимир Федорович!

– Нет, – буркнул министр, – не мог бы.

Но Александра не отставала, хотя рослый охранник то и дело загораживал от нее шефа. Краем глаза Александра заметила, что ее оператор прорвался через заграждение и бегом догоняет их по коридору, неся тяжеленную камеру в обнимку, как ребенка.

– Владимир Федорович, всего пять минут! – умоляла она. – Первый канал, девятичасовые «Новости», пожалуйста, Владимир Федорович! Обещаю, что не задам ни одного вопроса про бюджет!

Министр снова покосился на нее и совершенно неожиданно засмеялся. Александра, не веря своим глазам, неуверенно улыбнулась в ответ. Подошел лифт, двери открылись, демонстрируя золотисто-малиновое богатое нутро, и министр широким жестом пригласил Александру внутрь.

– Ох, журналисты, – пробормотал он и опять засмеялся, – из гроба достанете или загоните в него, я еще окончательно не понял. Ладно, давайте ваши вопросы. Внизу, в конференц-зале. И только пять минут.

– И он дал мне интервью, ты представляешь? Конечно, никакие не пять минут, мы общались минут пятнадцать. Охрана никого и близко не подпустила, материал прошел только у нас, даже энтэвэшники сплеховали. – Александра откусила изрядный кусок раскисшего банана и перевернула на сковороде отбивную. – К началу омской пресс-конференции мы, конечно, малость опоздали, но это даже к лучшему, потому что мне нужно было всего секунд сорок видео, и вполне хватило того, что мы записали потом... Ты меня слушаешь?

– Пытаюсь, – ответил Андрей довольно холодно.

Он думал о своих делах, и сегодня Александра как-то особенно его раздражала.

Для него все это уже мелковато – радость от случайного интервью со случайным министром, а потом пресс-конференция, на которую они чуть не опоздали... У него другие, куда более важные думы, и Александра ему мешала. Какого черта он приехал с работы так рано!

– Андрюш, ну поговори со мной! – не отставала она. – Не хочешь меня слушать, расскажи, как у тебя с программой. Ладка сегодня спрашивала, уйду я к тебе или останусь в «Новостях», а я даже не знала, что ей ответить. Как ты думаешь, уйду я или останусь?

Раздражаясь еще больше, Андрей налил себе воды из стеклянной бутылки. С некоторых пор он употреблял воду исключительно в стеклянных бутылках, пластиковые презирал, как умеют презирать только те, кто еще вчера даже не подозревал о том, что вода бывает не только в водопроводном кране.

– Не знаю, уйдешь ты или останешься, – сказал он. – Сейчас обсуждать это просто глупо. Программы пока нет, штат не утвержден, и так далее, и так далее...

– Но он вот-вот будет утвержден. Садись, Андрюш, все готово...

Александра ловко постелила на крохотный столик чистую салфетку, как всегда делала ее бабушка, даже когда просто собиралась выпить чаю, поставила тяжелые фарфоровые тарелки, положила приборы. Ухаживать за Андреем доставляло ей удовольствие.

– Вика сегодня была в своем репертуаре – к эфиру чуть не опоздала, с гримершей целый скандал вышел, Вася крокодиловыми слезами плакал, потому что ей не понравились тексты, которые он написал. Писала бы сама, ей-богу. Швыряла стаканы, бесилась, орала. Стыд ужасный...

– Саш, она самая популярная ведущая, – щурясь от раздражения, сказал Андрей. – Вы даже не понимаете, что это значит! Вам бы потакать всем ее капризам, каждое слово ловить, каждое требование выполнять, а вы все языки чешете, какая она, плохая или хорошая. На ней вся программа держится...

– Программа держится на Васе Куренном и Михаландреиче, – возразила Александра, поняв наконец, что он злится. – И все об этом знают. Вику Терехину посадили в эфир потому, что у нее папа сам знаешь кто, только и всего. Викиной заслуги в этом нет.

– Да какое это имеет значение! – Андрей швырнул вилку. Есть ему не хотелось. Полдня он провел в баре, обсуждая с разными начальниками свою будущую программу, и теперь как раз подвернулся удобный повод отказаться от ужина и оставить жену виноватой. – Она там, где она есть. Никто из вас не ведет самые престижные вечерние «Новости» на самом престижном канале, и, значит, она лучше вас. Папа или мама, но у Вики есть то, чего нет у вас и никогда

не будет, потому что вы в большинстве своем жалкие, серые мыши, и больше никто. Так что вопрос исчерпан, дорогая моя. Ясно?

– Ничего мне не ясно, – сказала Александра.

В последнее время он часто раздражался, но никогда не говорил таких глупостей.

Для того чтобы пробиться в первые ряды на телевидении, мало одного таланта или неземной красоты. Должна быть поддержка. Должны быть «свои». Не важно кто – муж, любовник, отец, но кто-то обязательно должен подпирать сзади, прикрывать тыл, двигать вперед. Талант мог блеснуть, ослепить на мгновение и навсегда исчезнуть. «Долгоиграющие» звезды оставались на небосклоне потому, что, так или иначе, их постоянно кто-то поддерживал, невидимый и всесильный. Андрею это должно быть известно лучше всех. Свои едва наметившиеся связи он выгрызал зубами, охранял бдительно и ревностно, защищал, возвращал, холил, подкармливал и удобрял...

– Что это ты так разошелся? – спросила Александра, глядя в красивое, жесткое лицо. – Или у тебя с программой проблемы? Рассказал бы, что ли...

– Нет у меня никаких проблем, – холодно ответил Андрей.

У него была только одна проблема, но Александре о ней знать не полагалось.

Андрей смотрел, как она убирает со стола: вид у нее был унылый, старые джинсы висели на попе складками.

– Неряха, – пробормотал он и вышел из кухни.

Он считал себя порядочным и справедливым человеком, а ни один порядочный и справедливый человек не мог долго находиться в таком положении, в каком оказался Андрей Победоносцев.

Осень накрыла Москву с головой. Целыми днями моросил скучный дождь. В метро вода со сложенных зонтов капала в ботинки и сумки. Все время хотелось спать, и было очень холодно – «отопительный сезон», как всегда, не успевал за погодой.

Было много нудной работы. Осень – время политических перегруппировок, склок и скандалов, о которых надлежало детально информировать население, слишком расслабившееся за лето на дачных участках.

Александра подозревала, что, если бы население вовсе перестало получать информацию, жизнь стала бы гораздо спокойнее.

– Сань, ты чего такая хмурая? – окликнул ее в баре Дима Тимофеев, то ли прилетевший, то ли на днях улетающий в Багдад.

Александра подвинулась, давая ему место рядом с собой. Он подсел, пристроил на краешек неубранного стола чашку кофе и достал «Житан». Почему-то в этом сезоне все корреспонденты и редакторы курили исключительно «Житан».

– Я не хмурая. Я устала и спать хочу, а у меня сегодня монтаж только в ночь...

– Замолвила бы словечко перед Победоносцевым, пусть бы он меня в свою программу взял. Спецкором в Женеве, а? Багдад надоел хуже горькой редьки.

– А в Астрахань спецкором не хочешь? – подколола Александра. – Багдад ему надоел! Видали мы таких, которым Багдад надоел...

Они посмеялись немножко, как очень хорошо знающие и любящие друг друга люди.

– Ты сама-то к нему в программу собираешься переходить или как? – спросил Дима, отхлебывая кофе.

– Или как, – буркнула Александра. – Не знаю я ничего. Может, он еще меня и не возьмет. Зачем ему жена под боком?

– Оно конечно, – согласился Дима. – Только под Викой работать тоже радости никакой, я же знаю... Я каждый день господу молитву возношу за то, что меня тогда Доренко взял.

– Ну а меня некому взять, кроме Андрея, – сказала Александра и прикурила Димин «Житан». Он оказался сухим и крепким, как махорка, которую она однажды попробовала на съемках в каком-то дальневосточном порту. – А потому будем ждать, что он решит. И спешить особенно некуда, он только с первого января запускается.

Дима отхлебнул кофе и задумчиво посмотрел на Александру, размышляя, дошли до нее редакционные слухи или еще нет. И если нет, имеет ли смысл сообщать ей о них. Он не был сплетником, но незатейливое журналистское любопытство все же напоминало о себе. Будь это не Сашка, а кто-то другой, он бы все-таки задал наводящий вопросик. Но ее он слишком хорошо знал и любил, чтобы приставать с расспросами.

– Когда бабы-Клавина годовщина? – спросил он, внезапно вспомнив, какое сегодня число. – Завтра или послезавтра?

– Завтра, – ответила Александра. – Ты хочешь прийти?

– Я улетаю, Саш, – сказал Дима. – А то бы пришел...

Они устали в чашки, каждый в свою.

Бабу Клаву знали все Александрины друзья и подруги. Она растила внучку с двух или трех лет, после того как разошлись ее родители, подкинув ребенка уже очень пожилой свекрови. Она умерла два года назад, и Александра сильно по ней тосковала.

У входа в бар произошло какое-то движение, загремел опрокинутый стул, и Дима взглянул в ту сторону.

– Ка-акие люди! И Победоносцев с ними. Посмотри, Сашка!

Очевидно, только что закончился дневной новостной эфир, потому что в бар ввалилось сразу столько начальства, сколько бывало только после совещаний и каких-нибудь ответственных эфиров. Александра сразу углядела Вику. Яркая среди темных пиджаков – роза в густых зарослях крапивы, – она сияла ухоженным лицом и зубами американского производства. И Андрей тоже был там, будущий босс среди уже состоявшихся боссов – представительный, неторопливый, дорого и модно одетый.

У Александры никогда не хватало денег на шмотки, и Андрей ей в этом вопросе совсем не помогал, но себя одевал с умением и любовью, справедливо полагая, что встречают все-таки по одежке...

Вся компания разместилась за одним большим столом в середине зала, и Андрей с кем-то из «младших» начальников отправился за кофе с пирожными, которыми славился этот бар.

Неужели не подойдет?

Очевидно, эта мысль так ясно была написана у Александры на лице, что Дима Тимофеев решил: нужно ее срочно чем-то отвлечь.

– Хочешь еще кофейку? А может, сока, а, Сань?

– Что? – как будто очнувшись, спросила Александра и отрицательно покачала головой: – Нет, спасибо. И не делай никаких далеко идущих выводов, Димка. Просто я никак не могу освоиться с тем, что мой драгоценный муж так далеко пошел.

– Еще не пошел, – пробормотал Димка, которого раздражал успех Победоносцева.

– Пошел, пошел, – уверила его Александра. – И далеко. По крайней мере, гораздо дальше меня.

За столом в центре зала что-то бурно обсуждали, демонстрируя окружающим общий демократизм и почти американскую открытость. Вика хохотала, склонялась к плечу генерального продюсера и что-то шептала ему на ушко, как казалось Александре, завлекательно и нежно. Она была единственной женщиной за столом и держалась превосходно.

– Я пошел, – сказал Димка. – Слышишь, Сань? И перестань, бога ради, таращиться на них. Ты что, маленькая?

– Димка, когда я научусь быть такой же, а? Так же уверенно держаться, не замечать взглядов и чувствовать себя королевой? – Она повернулась к Димке, и в полумраке бара он увидел у нее в глазах отчаяние.

– Никогда, могу тебя утешить, – грубо ответил Димка. – Это совершенно не твое. Ты такая, какая есть, и этого достаточно.

В институте они пять лет просидели за соседними столами, что давало ему право быть откровенным, не боясь ее обидеть, а съеденные на кухне у бабы Клавы борщи делали это право почти законным.

– Ты не о том думаешь, – с нажимом сказал Димка. – Вика до конца жизни будет ехать в золоченой карете и вызывать фею по мобильному телефону.

Александра усмехнулась.

– И это вовсе не оттого, что она хорошая и умная, а ты глупая и плохая, – продолжал Димка. – Просто бесклассовое общество существовало только в воспаленном мозгу вождя мирового пролетариата, да и то недолго, насколько я помню историю. Мы совсем из другого класса, улавливаешь? Мы пойдем другим путем. Слышишь, Сашка?

Димка прав, думала Александра, сидя поздно ночью в монтажной. Ничего изменить нельзя. Так уж сложилось, что у Вики Терехиной и ей подобных от рождения есть все, а у нее, Александры Потаповой, только то, что она, может быть, работает, в том числе и в этой монтажной.

Видеоинженер Гоша засыпал за пультом, толку от него не было никакого, и Александра отпустила его покурить на лестнице и купить в ночном киоске пару сосисок в тесте. В предвкушении этих сосисок она включила в розетку чайник и, набросив на себя куртку, уселась в кресло.

Ночью в «Останкино» было тихо и холодно, неоновый свет разгонял по углам мрак. Все курили прямо в аппаратных, хотя это было запрещено, и днем строгие пожарные в зеленой форме гоняли и штрафовали нарушителей. Ночь забирала остатки сил. Хотелось лечь под одеяло и ни о чем не думать – ни о работе, ни об Андрее.

Хотя об Андрее подумать следовало бы. Что-то явно не ладилось у него с программой – насколько она себе представляла, – но Александру он в свои сложности не посвящал. Что-то где-то буксовало и, естественно, беспокоило его, а она ничем не могла помочь. Она же не Вика Терехина, всесильная, знающая всех и вся и на всех и вся умеющая воздействовать. Она могла помочь, пока Андрей был слаб и беспомощен, и помогала изо всех сил.

Вспоминая те времена, Александра необыкновенно гордилась собой тогдашней. Все она могла: писала Андрею тексты, учила брать интервью, ездила за него на съемки, когда он болел. И любовь, выросшая из этого необычного сотрудничества, казалась незыблемой и вечной, как скала.

Что-то изменилось.

Каким-то его идеалам она перестала соответствовать. Или никогда и не соответствовала? Ну, конечно, не топ-модель, не знатна и не богата, однако не так уж и плоха, и Андрей для нее – свет в окошке, самый главный человек на свете. Со смертью бабы Клавы Александра осталась совсем одна. Андрей тогда просто спас ее от отчаяния и вселенского могильного одиночества...

И все-таки что-то изменилось.

Предчувствие надвигающейся катастрофы было таким острым, что она не могла усидеть в кресле. Откинув куртку, Александра вскочила, уронив стул, на который водрузила было уставшие за день ноги. В пачке, лежащей на столе, сигарет не оказалось, и она полезла в портфель за новой.

Вряд ли он совсем уж ее разлюбил, утешала себя Александра. Утешала и не верила себе. Она ведь всегда догадывалась: если что – он пойдет по трупам, но пребывала в наивной уверенности, что ее труп ко всем остальным никогда не присоединится.

Она знала, что не годится для той роли, которую Андрей с некоторых пор стал отводить своей жене. Всем ее «достоинствам» предшествует частица «не»: не светская львица, знакомств в нужных кругах не имеет, на каблуках больше пяти минут не простоит, бассейн и салон красоты не посещает – на бассейн нет времени, а на салон красоты – денег, Андрей спонсировать ее никогда не стремился.

Александра быстро закурила и выглянула в коридор: ей не хотелось, чтобы видеоинженер застал ее в таком состоянии.

Гоши на горизонте не было.

Александра выбросила сигарету, заварила себе кофе и, обхватив руками тяжелую фарфоровую кружку, натянула куртку чуть ли не на голову. Под курткой было тепло и приятно пахло меховой подкладкой.

Когда-то Андрей приходил к ней на ночные монтажи, даже когда сам не работал. Он сидел рядом, носил ей сигареты из киоска и писал смешные названия на ее кассетах. Счастливая, она была готова работать и днем и ночью, только бы он приходил...

Но он стал играть по другим правилам, и началось это, похоже, минувшей зимой. Тогда его, бесстрашного, отважного и талантливого корреспондента, поставили вести дневные «Новости». Потом он очень быстро перешел на вечерние и блестяще вел их, чередуясь с вечной суперзвездой Викой Терехиной, пересидевшей в кресле ведущего всех своих партнеров, а в сентябре главный продюсер общественно-политических программ предложил ему собственную программу – по вечерам в субботу, в самый что ни на есть прайм-тайм.

Все, о чем еще год назад они не смели и мечтать, внезапно свалилось им в руки. Александра была счастлива и горда, Андрей – раздражен и озабочен.

Она уговаривала себя, что все нормально, просто он осваивает новое жизненное пространство, примеряет на себя новое положение и новую должность, в которых ему, такому демократичному и, в общем, провинциальному, пока неуютно. Но время шло, настроение Андрея не менялось, хотя он давно и легко вошел в роль, будто надел пиджак, идеально подошедший ему по размеру.

Кофе остывал, грея ее ледяные пальцы. Вытяжка утробно гудела под потолком, и этот низкий настойчивый звук проникал, казалось, в самые глубины мозга и застревал там, путаясь в вялых ночных мыслях, которые уже ничто не могло прояснить – ни сигареты, ни кофе.

Видеоинженер Гоша плюхнулся в свое кресло, потирая уставшие за ночь глаза.

– Замерзла? – спросил он, обращаясь к бесформенной куче, громоздившейся на соседнем кресле. Александра выглянула из-под куртки и сказала, улыбнувшись:

– Наоборот, согрелась.

– Много еще? – Гоша хотел казаться сердитым и не мог: на Александру Потапову видеоинженеры никогда не сердились.

– Совсем чуть-чуть, Гошенька, солнышко, – подхалимским голосом сказала Александра. – Сейчас быстренько доделаем материалчик – и спать. Кстати, а где сосиски? Или ты их по дороге слопал?

Михаландреич позвонил часов в двенадцать. Александра спала, с головой накрывшись одеялом. Она приехала с работы в восемь утра и, не выпив даже чаю, заснула под монотонный перестук дождика по жестяному подоконнику.

– Потапова, выручай, – сказал Михаландреич без предисловий. – Юлия Громова руку сломала, работать некому. Слышишь, Потапова? Ты проснулась или спишь еще?

– Сплю, – пробормотала Александра, понимая уже, что шеф-редактор не отвяжется. Все равно придется вставать, продирать заплывшие глаза, рисовать лицо на том месте, где ему полагается быть, и ехать на работу. Причем делать все это надо быстро.

– Потапова, это я, твой начальник, – ласково говорил в трубке голос Михаландреича. – Я знаю, ты всю ночь клеила Таджикистан (Александра монтировала фильм о Таджикистане) и работать сейчас не можешь. Но Громова в гипсе, она тоже работать не может. Придется тебе смочь, Потапова. Вставай, давай вставай! Машину я, так и быть, за тобой пришлю.

– Спасибо и на этом, – пробормотала Александра, не открывая глаз.

– Саша, вставай, – уже другим, твердым голосом повторил шеф-редактор. – Если ты не встанешь, то через полминуты заснешь. Я все это сто раз проходил. Кстати, Таджикистан вышел очень даже неплохо, это я тебе говорю! Вставай, Саша. Громовская съемка, на которую тебе ехать, через два часа.

– Удружил, Михаландреич, – поблагодарила Александра, нащупывая ногами тапки.

В квартире было холодно, как в склепе, и так же промозгло. Она встала с постели и, волоча за собой одеяло, вылезти из-под которого не было сил, отправилась в ванную. Там она включила горячую воду, а на кухне все конфорки и духовку. Дышать сразу стало нечем, но холод отступил к стенам и залитому дождем окошку.

Хлеба не было. Александра вчера не купила, зная, что будет всю ночь на работе, Андрея же такие мелочи жизни никогда не интересовали. Кофе тоже было маловато, всего полторы ложки. Хлопая дверцами шкафов, она искала, чего бы поесть.

Была бы жива бабушка, она бы ее накормила. Сердясь на ее «непутевую, не как у людей» работу, поджав презрительно губы, она поставила бы перед Александрой плошку вкусно пахнущей деревенским молоком каши, большую кружку сладкого и крепкого кофе и, конечно, ломоть сказочной мягкости хлеба.

Где-то она все это умела добыть. И деревенское молоко, и свежий, будто только что из печи, хлеб никогда не переводились, когда бы Александра ни садилась за стол: утром так утром, ночью так ночью...

В шкафах тоже не нашлось ничего интересного, лишь засахаренный, старый мармелад, оставшийся от каких-то давних гостей.

Еще три дня назад следовало попросить у Андрюшки денег и запастись какой-нибудь едой. Неудивительно, что у нее быстро кончаются деньги – живут-то они вдвоем. В конце концов, нужно с ним поговорить, чтобы часть расходов он брал на себя, это будет справедливо...

В холодильнике оказались два яйца.

Александра воспряла духом – голодная смерть отступила перед омлетом с молоком и кусочками черного хлеба, которые, тоже неожиданно, обнаружили в хлебнице. Собрав воедино все составляющие будущего завтрака, она отправилась в ванную и, отмокая, долго стояла под горячим душем.

После кипятка она даже немного порозовела, и глаза открылись сами собой, без дополнительных усилий.

Проглотив омлет и запив его кружкой кофе, Александра переложила бумаги и документы из черного портфеля в коричневый и, моментально изменив таким образом собственный стиль, надела джинсы, водолазку и клетчатый пиджачок трехлетней давности. Потом она уселась на подоконник и, покуривая, стала ждать редакционного водителя Витю, которого выслал за ней Михаландреич.

Впереди маячил длинный, как школьный коридор, день, и даже в самых тяжелых ночных кошмарах Александра не могла себе представить, чем он закончится...

– Мне бы на кладбище съездить, – сказала Александра шеф-редактору, вернувшись с первой за этот день съемки. – У меня бабушка два года назад умерла, как раз в этот день.

Михаландреич, сдвинув очки на лысину, потыкал горячей сигаретой в разложенные перед ним бумаги:

– Что пишут, Потапова, что пишут... Сдохнуть можно, как они пишут и что!.. Ты вот послушай, Потапова: «Противостояние на границе, обусловленное геополитическими интересами сверхдержав в данном регионе, ведет к перегруппировке сил, возрастанию конфронтации и в конечном итоге усилению военного давления не только внутри региона, но и на пограничных участках всех сопредельных держав...» Ты слыхала что-нибудь подобное, Потапова? Про «пограничные участки всех сопредельных держав» ты слыхала, а? Понимаешь, о чем речь? Понимаешь, Потапова?

Михаландреич щелчком сбил с сигареты пепел и кинул испепеляющий взгляд в сторону одного из молодых, только что пришедших с факультета журналистики корреспондентов.

«Молодой» с независимым и несчастным видом сидел в кресле в некотором отдалении от разошедшегося шефа. Вальяжно закинув ногу на ногу, он вцепился в кассеты так, что рука мелко дрожала.

Очевидно, представление продолжалось уже довольно долго, потому что сменный редактор Лена Зайцева за спиной у Михаландреича закатывала глаза и пилила себя ладонью по горлу, давая понять Александре: давно пора заканчивать промывать мозги несчастному страдальцу.

– Так вот, Потапова, – не унимался Михаландреич, – речь в этом бессмертном отрывке идет о наших погранцах на таджикской границе. Ты догадалась, Потапова?

– Мне бы отъехать, Михаландреич, – напомнила Александра. «Молодому» она сочувствовала, но не слишком.

«Высокий штиль» официальных сообщений она ненавидела и была совершенно убеждена: писать нужно доступно и красиво, так, чтобы за душу брало, будь то сообщение о таджикских пограничниках или о визите испанского короля. Только тогда запомнят, только тогда поймут и не переключат телевизор в первые же секунды официальной хроники. Стыдно выпускнику университета не уметь писать, прав Михаландреич...

– Заберите ваши листочки, – в сердцах сказал Михаландреич проштрафившемуся корреспонденту и зажег следующую сигарету. Александра помахала рукой, разгоняя дым. – Сядьте и напишите то, что вы хотите сказать, так, чтобы было понятно тете Шуре и дяде Васе. А также их сыну Боре и дочери Нюре, ясно вам? И никаких, избави боже, геополитических интересов! Про это вы в курилке... вот... с Потаповой потолкуете. Она у нас умнькая, про интересы, да еще геополитические, все соображает. Или нет... Вань! – крикнул шеф-редактор так, что корреспондент вздрогнул, а Александра, покоровшись судьбе, опустилась на стул.

В дверь заглянул плечистый загорелый мужик в сером свитере, по-военному коротко постриженный. У него было сильное лицо, накачанная шея и руки-лопаты.

– Ванечка, ты прилетел! – радостно завопила Александра. – А я и не знала!

– Привет, Сашуль. – Одним огромным шагом мужик преодолел расстояние от двери до стола и, согнувшись, поцеловал Александру в щеку. – Я только ночью вернулся. Не знал, что ты на монтаже, а то зашел бы обязательно.

Он стиснул огромной ручищей ладошку Александры и заглянул ей в лицо. У него были серые, очень внимательные глаза.

– Ты чего шумишь, Михаландреич? – не отпуская ладошку, спросил он шеф-редактора.

– Молодежь учу, – пояснил тот охотно. – Отпусти ты, Ваня, Потапову, а возьми лучше юношу, посмотри его материал и объясни, как к таким материалам тексты пишут. Тебе все равно делать пока нечего. Правильно я понимаю?

– Хорошо, – легко согласился мужик и еще раз стиснул Александре руку. – Пойдешь обедать – не забудь меня пригласить! Небось отвыкла за долгие годы разлуки?

– Ох, отвыкла, – смеясь, сказала Александра. – Совсем отвыкла...

Этот человек всегда приводил ее в самое лучшее расположение духа.

Иван Вешнепольский был знаменит в России, как Ларри Кинг в Штатах. Он был политическим обозревателем такого высокого полета и такой сверхнадежной репутации, что за право владеть его программой боролись все ведущие каналы. Иван по привычке был верен Первому, на котором начинал, и его ток-шоу, несмотря на крайнюю политизированность, уже несколько месяцев лидировало во всех без исключения рейтингах.

Он был бесстрашен, упрям, в меру задирист и очень хорошо образован. О политике он умел рассуждать так, что даже у циничных коллег захватывало дыхание, а зрители присылали в его программу столько писем, сколько не получала ни одна передача за всю историю отечественного телевидения.

Поговаривали, что за спиной Вешнепольского маячит КГБ и даже контрразведка, что сам он пребывает в полковничьем звании и что его отец – большой человек в каком-то секретном ведомстве.

Слухи всегда носятся в воздухе. Ничтожества сами создают их себе, а титаны – не обращают внимания. Иван Вешнепольский был титаном.

– Как Андрюха? – спросил он напоследок, забирая со стола Михаландреича злосчастный текст. – Все нормально?

– Нормально, – улыбнулась Александра. – С первого января у него свой эфир.

– Ну, вот тогда он и помается, помяни мое слово. Не забудь про обед-то!

Он коротко кивнул «молодому», приглашая его следовать за собой. Тот смотрел на него во все глаза. Еще бы, такая знаменитость! Будет что рассказать семье за ужином или любимой в университетской столовке.

– Чего тебе надо-то, Потапова? Я так и не понял. Увлекся, понимаешь, этим молокососом...

Михаландреич придвинул к себе следующий текст и, нашарив рукой пульт, выключил громкость у вечно работающего телевизора в углу комнаты «Новостей». Александра вытянула у него из-под руки бумаги и отодвинула их на край стола.

– Что за фамильярности? – грозно спросил шеф-редактор.

– Никакие не фамильярности, Михаландреич! – сказала Александра. – Поговорите со мной, я уже полчаса сижу.

– Ну говори, – распорядился шеф-редактор. – Куда ты ехать-то хотела?

– Здесь недалеко, на кладбище. Сегодня у моей бабушки годовщина, я должна съездить, а после работы уже ночь будет...

Шеф-редактор посмотрел на Александру с сочувствием. Все знали, что, кроме бабушки, никого из родных у нее не было. Победоносцев не в счет.

– Езжай, Саша, – сказал Михаландреич. – Только пленку, которую наснимала, не забудь оставить. Я кого-нибудь посажу за монтаж и за комментарий. Тебе, поди, и машина нужна?

– Неплохо бы, конечно, – ответила Александра смущенно. – А то я буду ездить незнамо сколько.

– Водить давно пора, – пробурчал Михаландреич, но машину все-таки вызвал.

На лестнице Александра вспомнила, что у нее совсем нет денег, а приезжать к бабе Клаве с пустыми руками стыдно. Искать Андрея было некогда, поэтому Александра отправилась к Ивану Вешнепольскому.

– Вань, одолжи мне денежек, – попросила она, приоткрыв дверь его кабинета, где он что-то негромко втолковывал давешнему корреспонденту. – Совсем ничего нет, а мне нужно...

Улыбаясь до ушей, Иван вылез из-за громадного, заваленного бумагами стола и пошел к ней, на ходу доставая деньги.

– Сколько тебе? Сто? Двести?

В руках у него были доллары.

– Ты, Вань, совсем оторвался от жизни, – сказала Александра и заглянула к нему в бумажник. Порывшись, она вытащила бумажку отечественного производства и помахала ею у него перед носом: – Видел? Запомни, а то будешь потом в американской валюте требовать.

– Запомню, – пообещал Иван. – Ты еще вернешься?

– Конечно, – сказала она. – Куда же я денусь?

Но когда в комнату «Новостей» позвонил Андрей Победоносцев, Лена Зайцева, оглядевшись по сторонам и не увидев Александры, сообщила ему, что она уехала и сегодня уже не будет.

Михаландреич обедал, Вешнепольский тоже не заходил, и некому было уточнить эту информацию.

Александра купила бабе Клаве желтых лохматых хризантем. В портфеле у нее лежали ножницы и пустая стеклянная банка из-под кофе, чтобы было куда поставить цветы. Длинные толстые стебли придется втрое или вчетверо укоротить, иначе не успеет она дойти до выхода с кладбища, как они отправятся на продажу по второму кругу.

Дождь все шел, и в мире было мутно и тоскливо, как в предчувствии большой беды.

По мокрой дорожке, засыпанной желтыми листьями, Александра добралась до бабы Клавы и тихо с ней поздоровалась. Старая береза над соседним памятником зашелестела под внезапно налетевшим ветром, обдав Александру дождем и жесткими листиками, похожими на золотые монеты.

Александра усмехнулась. Баба Клава, как всегда, выражала ей неудовольствие.

Не было случая, чтобы бабушка за что-нибудь похвалила Александру. Все она делала не так, всегда была нерасторопна и неумела, никогда не могла соответствовать высоким бабушкиным идеалам. Наверно, бабе Клаве казалось, что именно так нужно воспитывать детей, чтобы из них вышел толк. Наверное, она считала: если все время указывать человеку на его ошибки и промахи, он перестанет их делать.

Но Александра все время ее подводила. Промахи следовали один за другим.

Она хорошо училась, зато совсем не хотела шить, а это при более чем скудных финансах было просто необходимо. На даче ленилась полоть, забиралась под вишню и подолгу смотрела в траву, где копошились муравьи и божьи коровки. Бездомные собаки со всего района ждали ее у подъезда, и она раздавала им по частям собственный завтрак и носила в ветлечебницу их многочисленных щенков, а потом слонялась по подъездам, пристраивая их добрым людям.

Баба Клава запрещала ей близко подходить к собакам и сразу после школы усаживала ее за уроки, а потом за шитье или вязанье. Им нужно было на что-то жить – пенсии хватало только на хлеб.

В десять лет Александра всю шила фартуки на продажу в какую-то артель. Шила и сочиняла истории. Шила и мечтала о том, как у нее будет собака, а у собаки – смешные толстые щенки. Шила и думала о лете и море, которое видела по телевизору.

В шестнадцать она уже работала на почте, а в семнадцать – перепечатывала на древней пишущей машинке чьи-то курсовые работы. Но бабушка все равно была недовольна.

Так Александра и выросла, сознавая собственное несовершенство во всей его полноте...

– Привет, бабуль, – сказала она негромко. – Это я.

Пристраивая цветы, она сокрушалась про себя, что они «покупные», а не с дачи. «Покупных» цветов бабушка не любила, жалела истраченные впустую деньги. И приехала внучка не вовремя – во второй половине дня. Кто же на кладбище под вечер едет?

Нет, все, все Александра делала неправильно...

Мокрой тряпкой она протерла скромный памятник с овальным портретом.

Баба Клава строго и неприязненно смотрела, как внучка наводит порядок на оскудевшей осенней могилке, засыпанной листьями.

– Я к тебе теперь, наверное, только весной приеду, – сообщила Александра портрету. – Не сердись.

Водитель, должно быть, заждался в машине, подумала Александра, да и следующая съемка приближалась неотвратимо, поэтому она заторопилась и вскоре ушла, с дорожки еще раз оглянувшись на бабу Клаву.

«Как это вышло, что я ни разу у нее не спросила, любит она меня или нет?» – думала Александра.

Дождь барабанил по зонту, в мокрых аллеях потихоньку сгущались сумерки...

«Почему я не спросила? Это ведь самое главное...»

Пресс-конференцию министра внутренних дел вместе с архивным видео Александра смонтировала и озвучила как раз к девятичасовому эфиру. Вика в студии язвила и гоняла Лену Зайцеву и еще двух-трех бедолаг, которым по должности полагалось присутствовать на площадке рядом с барыней.

– Уволюсь к едрене-фене, – сообщил Александре Михаландреич, сдирая с лысой головы наушники. – Достала, ей-богу!

– Сашка, ты уезжаешь или будешь эфир смотреть? – звонким голосом спросила издалека Лада Ильина. – Если уезжаешь, я тебя подвезу.

– Она не уезжает! – объявил из-за двери Иван Вешнепольский. – Зря я, что ли, торчу тут полдня?

– А почему он торчит тут полдня? – спросила у Александры Лада.

– Потому что жду, когда меня Сашка обедать поведет, – провозгласил Иван и вышел из комнаты «Новостей». Руками он запихивал в портфель какие-то бумаги, а подбородком придерживал папку, отчего говорил неразборчиво.

– Ну-ну, – неопределенно отреагировала Лада. – А в честь чего намечается обед?

– В честь Ванькиного возвращения из отпуска, – объяснила Александра. – И на Ванькины же деньги, потому что у меня ничего нет.

– Это хорошо, – похвалила Лада. – На свои деньги обедать нет никакого резона, раз у Ваньки есть. Я поехала тогда. Пока.

И Вешнепольский повел Александру в бар.

Находиться в его обществе было очень приятно.

Во-первых, он знаменитость, с которой каждый почитал за счастье поздороваться. Александра даже расстроилась, что Андрей скорее всего уехал домой и ее бенефис в обществе Ивана Вешнепольского проходит без должной оценки.

Во-вторых, Вешнепольский хорошо выглядел и был заметно выше Александры, так что она не чувствовала себя Гулливером в стране лилипутов.

В-третьих, у него было родственное Александре чувство юмора и никакой «звездной болезни». Совершенно нормальный, приятный мужик, с которым легко разговаривать, в его обществе можно было не делать пресловутое «умное лицо».

Кроме того, он не провожал взглядом каждый съеденный Александрой кусок, не иронизировал по поводу ее кулинарных пристрастий и не предлагал ограничиться чашкой кофе и салатом. Для Александры, носившейся целый день из конца в конец Москвы, это было очень важно.

Они просидели в баре часа два с половиной, рассказывая друг другу последние новости и сплетни.

– Меня на НТВ зовут, – поделился Иван. – А я не знаю... Вдруг Первый канал без меня пропадет? Зато денег там больше намного...

– А тебе не хватает? – съязвила Александра.

Она знала, какие гонорары получают ведущие авторских программ, и гигантская разница в оплате между звездами и рядовым телевизионным народом приводила ее, как представителя масс, в трепет и негодование.

– Мне всегда не хватает, – нисколько не обидевшись, сказал Иван. – У меня, к примеру, джип «Тойота», а я хочу джип «Мерседес Гелиндаген». Ну и что?

– Вань, вот только не надо изображать из себя рвача и пижона, – с досадой посоветовала Александра. – Я, конечно, очень ценю твои предпринимательские способности, но свое «доброе имя», да простит мне такую банальность великий борец с пошлостью Иван Вешнепольский, ты, по-моему, никогда не продавал или продавал, но за о-очень большие деньги, – закончила она, закатив глаза.

– Продаю доброе имя! – подхватил Иван. – Продаю доброе имя за бешеные деньги! Кому доброе имя за бешеные деньги?

Они засмеялись еще и потому, что на них в недоумении оглянулась соседка и, узнав Ивана, долго потом на него косилась.

– Возьми меня в свою программу, Ванечка, – попросилась Александра. – Работаю как лошадь, денег мало, времени нет совсем, в отпуск уйти не могу, да еще все время под угрозой... Попадешь Вике под горячую руку, она вмиг уволит, ищи тогда место...

– Да приходи! – сказал Иван. – Запросто! Вот только слетаю по делам дня на два, вернусь, и поговорим. Если надоело корреспондентом, возьму редактором или исполнительным продюсером. Будешь договора заключать.

– Вань, возьми кем хочешь. – Обрадовавшись неожиданной удаче, Александра перегнулась через стол и с чувством поцеловала его в твердую, вкусно пахнущую щеку. – Правда возьмешь?

– Вот те крест! – смешно поклялся он, и они поднялись из-за стола.

На следующий день в горном кишлаке Иван Вешнепольский вместе со своим оператором попадет в плен к какому-то очередному полевому командиру, творящему на земле волю Аллаха. Ни поиски, ни переговоры никаких результатов не дадут.

Но сегодня, докуривая последнюю – одну на двоих – сигарету и строя планы на будущее, они не могли этого предположить...

– Поехали, – сказал Вешнепольский, – я тебя подвезу только до метро. У меня сегодня еще свидание.

– Неужели?

– Ужели.

– С очередной телевизионной барышней?

– Никаких барышень, Сашка, – проговорил Иван. – Все по-человечески.

– Ты меня пугаешь, Вешнепольский, – сказала Александра с напускной тревогой. – Ты что, влюбился?

Он посмотрел на нее сверху вниз и ничего не ответил.

– Ну и ну... – протянула Александра. – Как же это случилось?

– Само собой как-то, – нехотя отозвался Иван. – Пошли быстрее, уже пол-одиннадцатого. Придется мне тебя до дома везти. А где, кстати, Победоносцев?

– Если ты надеешься сплавить меня ему, то зря. Он, наверное, уже давно дома. Вань, подожди меня внизу, я только сбегая, пакет возьму. Дома ни куска хлеба, Андрюха небось голодный сидит. Хорошо еще, что я вспомнила...

– Давай, – разрешил Иван. – Я пока позвоню.

По причине позднего времени работал только один лифт, и, притоптывая ногой от нетерпения, Александра почти вслух торопила его.

На пятом этаже было пусто, в коридорах горела ровно половина ламп, но дверь в комнату «Новостей» была открыта, и Александра на цыпочках, чтобы не попасться на глаза никому из начальников, прокралась в свой закуток за шкафом с кассетами.

Пакет с хлебом был задвинут глубоко под стол, и ей пришлось лезть за ним туда же. Придерживая мусорную корзину, чтобы она не рассыпалась, Александра уже протянула руку, как вдруг услышала совсем рядом Викин голос:

– Кто там?

И голос ее мужа:

– Да никого нет.

И снова Вика:

– Ты бы запер дверь на замок, Победоносцев. Не хватает нам еще разборок с сотрудниками.

Дверь скрипнула, закрываясь, повернулся ключ. Александра затаила дыхание. Ну и ну! Прямо как в комедии. До чего же смешно – сидеть под столом и слушать их разговор. Она представляла себе, как потом расскажет об этом Андрею.

И еще много лет спустя эта идиотская, наивная доверчивость мучила ее и не давала покоя.

Прошуршали по ковру колесики Викиного кресла. В двух сантиметрах от Александриного носа прошли черные ботинки ее мужа.

– Викуш, я все понимаю, – мягко сказал Андрей. – Все вопросы я решу. Только не хочу делать это наскоком...

– Да каким наскоком! – неожиданно взвилась Вика. Или она уже была на взводе? – Скоро год, как ты со мной спишь. Я пробилла тебе эфир. Представила папаньке. Ты ему даже понравился. Все, поезд ушел, Андрюша. Обратной дороги нет, если только опять в Набережные Челны. Я уже три месяца жду, что ты разведешься. А ты? Ты морочишь мне голову! Я терплю у себя в штате твою толстую дуру, я вынуждена приглашать ее к себе домой, где мы с тобой фактически живем, я измучилась вся, у меня нервные срывы... – Она горько всхлипнула.

Александра под столом тихонько опустила руку, которой придерживала мусорную корзину, и, стиснув кулаки, прижала их к бокам.

«Этого не может быть, – тупо подумала она. – Я случайно попала в какой-то ночной кошмар. Или фарс. Скорее всего – фарс. Я забыла определение жанров.

Со мной что-то не то. Наверное, потому, что в этот день умерла бабушка».

Она пришла тогда с работы очень рано. Ее встретил вкусный запах – на плите варился куриный бульон. Бабушка сидела за швейной машинкой. Александра окликнула ее и, даже не заметив, что бабушка не ответила, стала ей с ходу что-то рассказывать. Потом вымыла руки – бабушка всегда очень сердилась, если, придя с улицы, она не сразу отправлялась в ванную, и подошла к ней. И поняла, что баба Клава умерла.

– Зайка, не плачь, – сказал Андрей, утешая Вику, как всегда утешал Александру. – Я знаю, что тебе трудно, мне тоже трудно. Но я ведь прожил с ней полтора года...

– Чести это тебе не делает, – проговорила Вика сердито, но уже с намеком на то, что прощение вскоре будет даровано.

– Мне нужно было где-то жить в Москве. Как бы я нашел работу, если б у меня не было прописки? – рассудительно заметил Андрей. – Я получил прописку и теперь свободен, солнышко. Не плачь.

– Я ее ненавижу, – явно накручивая себя, сказала Вика. – Толстая, мерзкая баба, только и всего. Вечное хихиканье с мужиками, неуверенная улыбка, безотказность эта коровья... Господи, как она меня бесит! Угораздило же тебя жениться на такой прописке! Я бы через два дня руки на себя наложила, если бы с ней жила...

– Да ну ее, – сказал Александрин муж. – Уволишь ее, как только захочешь. Обещаю тебе, сегодня или завтра я с ней поговорю. Развод получить легко, делить с ней квартиру я не собираюсь.

– И напрасно, – язвительно проговорила Вика. – Ты имеешь такое же право, как и она, ты ж там прописан...

– Я специально узнавал, Вик, – доверительно сообщил Андрей. – Квартира приватизирована на ее имя, и в завещании оговорены какие-то условия. Судя по всему, эта ее бабка была не промах, хотела внучку застраховать от неприятностей с жилплощадью...

– Да х... с ней, с бабкой! – капризно протянула Вика. – Я попрошу папаньку, и мне эту квартиру так отсудят, без всяких завещаний.

«Они делят мою квартиру, – подумала Александра. В голове у нее шумело, как с похмелья. – Они хотят отнять ее у меня. А где тогда мне жить?»

– Ну не сердись, – умоляющим голосом попросил Андрей. – Не сердись. Ты умница, красавица, ты деловая женщина...

– А женат-то ты на ней! – плаксиво пробормотала Вика. – Ну поговори ты с ней, ради бога, или я убью ее. Отравлю. Не доводи до греха. Уверю тебя, эта сука давно все знает. Все всё знают. Просто она за тебя держится, надеется, что ты останешься. Подожди, она тебе еще заявит, что беременна, и ты тогда втюхаешься в миллион судебных разбирательств. Или будешь по гроб жизни алименты платить. Я знаю этих сук, которые виснут на мужиках, путаются у них под ногами, липнут к ним, потому что сами ни на что не способны. Нищенка проклятая, как я ее ненавижу...

– Все будет хорошо, – заверил ее Андрей, – и очень скоро. Убери ее с телевидения, если она так тебя раздражает. Уволь ее с волчьим билетом, расскажи знакомым, что она у тебя деньги украла или идеи какие-нибудь. Кассеты, например. Ты же все можешь, радость моя, и прекрасно знаешь всю эту кухню. Ну что?..

Александра поняла, что ее судьбу давно определили. Ей от них не уйти. Захотят – уволят. Или выгонят из квартиры. Или отравят. Или что там еще...

Неожиданно дверь у нее за спиной дернулась, и Иван Вешнепольский проорал совсем рядом:

– Александра!

Скрипнуло кресло, и в комнате все затихло.

– Сашка! – громче прежнего завопил в коридоре Вешнепольский. – Ты где? Выходи, или я сейчас уеду. Сколько ждать-то можно?!

– Она что, здесь? – еле слышно спросила Вика. – Почему Вешнепольский так орет?

У Александры оборвалось дыхание.

Какими-то остатками разума она поняла: если Иван сейчас уйдет, тогда ей совсем пропадать. Вика найдет ее здесь и выставит вон, при этом будет издеваться и потешаться над ней.

Это мгновение нужно пережить, приказала она себе. Просто пережить, сейчас, сию минуту, а потом – будь что будет.

Непослушной, как будто чужой, рукой она оттолкнула кресло, прикрывавшее ее убежище, и выбралась наружу. На застывшую в изумлении пару она не смотрела.

Александра открыла дверь, когда Иван дернул ее в последний раз, и почти что вывалилась наружу.

Иван не сразу ее узнал.

– Ты что? – спросил он, сообразив, что это Александра Потапова.

– Я же говорила тебе, какая это подлая тварь, – слабым голосом проговорила за ее спиной очнувшаяся Вика. – Конечно, она подслушивала. Ты бы проверил, может, у тебя «жучки» в телефонах? Может, она давно ведет наблюдение? Нет, ты видел эту сучку, а?

– Саш, ты что? – повторил Иван в полной растерянности.

Прижимая к себе пакет с хлебом и не оглядываясь на Ивана, не поспевавшего за ней, Александра стремительно шла по коридору, все убыстряя и убыстряя шаг. Не дойдя до лифта, она выскочила на лестницу и опрометью кинулась вниз по ступенькам.

Они пили уже часа три. Пили и ревели.

Александр с ее «полетным весом», как деликатно сформулировал когда-то сосед по даче, бывший летчик-испытатель, напиться было труднее всех, хотя она очень старалась. Ладка набралась в два счета, а третья лучшая подруга, сублистная Маша Вершинина, заливалась слезами два часа подряд, и, как подозревала Александра, выплакала весь поглощенный алкоголь, так что он пропал даром.

Лада узнала обо всем происшедшем сразу, когда появилась на работе.

Вся редакция «Новостей» гудела, как осиное гнездо, в которое только что наведалься медведь.

Вика провела свою партию безукоризненно – от начала до конца.

Во все перипетии минувшей ночи были немедленно посвящены пять или шесть самых надежных подруг. Подруги отработывали расположение всесильной звезды с исключительным рвением. Через два часа все «Останкино» было ознакомлено с Викиной версией событий. Все знали, что Александра Потапова, выслеживая своего несчастного мужа, забралась под стол в комнате «Новостей», чтобы поймать влюбленных с поличным.

Выскочив из-под стола в самый разгар трудного объяснения двух благородных, но связанных обязательствами влюбленных – ибо какой-то муж всегда маячил у Вики на заднем плане, – Александра Потапова устроила дебош и непристойную драку. Она вцепилась в кроткую Вику, порвала на ней эфирный костюм, испортила прическу, перевернула кресла и папки с бумагами. Даже Андрей не мог ее утихомирить. С ней как будто сделался какой-то припадок.

Вы никогда не замечали? Может, у нее проблемы с психикой?

Вполне возможно и, знаете, даже скорее всего...

Утихомирить Потапову смог только подоспевший Вике на помощь Вешнепольский, знаток восточных и разных прочих единоборств. Кое-как скрутив хулиганку, он утащил ее из комнаты, но она вырвалась, прибежала обратно, но уже рыдая и умоляя не выгонять ее с работы. Даже в своем болезненном состоянии Потапова поняла, что Виктория Терехина, при всей ее кротости, не сможет терпеть на работе буйнопомешанную.

Иван, в ночь улетевший на Кавказ, ни подтвердить, ни опровергнуть ничего не мог.

Шеф-редактор, пришедший утром на работу, обнаружил в комнате «Новостей» полный хаос: разбросанные материалы, раскуроченные кассеты, опрокинутые кресла и разодранные папки.

В этот момент остолбеневшему от изумления шеф-редактору позвонила Вика, с точностью до секунды рассчитавшая время. Сообразить ему ничего не дали. Специальный корреспондент Александра Потапова в течение часа была уволена «за нарушение трудовой дисциплины».

– Радуйся, что уголовное дело не завели, – сказал Александре Потаповой Михаиландрич. – Хулиганство все-таки, не хухры-мухры...

Он все понимал, этот пожилой человек, проработавший на телевидении тридцать лет.

Он ничем не мог помочь специальному корреспонденту Александре Потаповой, ибо его непосредственный начальник, продюсер общественно-политического вещания, был назначен на эту высокую должность Викиным отцом.

– Иди к Вешнепольскому в программу, – мучаясь от стыда, посоветовал шеф-редактор. – Он никого не боится, Ванька-то... А ты с ним дружна...

– Зачем ему лишние неприятности? – спросила Александра, улыбаясь. Она все время улыбалась, как фарфоровая китайская кукла, – в дверь постоянно заглядывали любопытные. – Мне теперь надо не в программу, а на лесопилку куда-нибудь.

Шеф-редактор закурил, забыв про сигарету, дымившуюся в пепельнице.

– Все образуется, девочка, – тихо сказал он Александре. – Пережди. Затаись.

Но как ей было затаиться, когда после неправдоподобно ужасной ночи, которую она провела одна, сидя на полу в кухне, за ней прислали машину с «жандармом», как она выразилась про себя, чтобы тот доставил ее на место преступления!

Лада Ильина, приехавшая, как всегда, к часу дня, застала коллег в непередаваемо возбужденном состоянии. Узнав пикантные подробности происшедшего, она кинулась звонить Александре домой, потом приехала ночевать, и вот уже три часа они усердно и истово напились, не понимая, как жить дальше.

– И знаете, – сказала Александра, не слишком уверенно пристраивая свой стакан на полированную поверхность ветхого пианино, – я еще с ней встретилась, когда уходила. Я уходила, а она прибыла. Мы столкнулись на выходе. Она говорит: «Ну что, скушала? И это, говорит, моя дорогая, не конец. Это только начало. Посмеешь пикнуть при разводе или еще где, я тебя из Москвы выселю, не то что из квартиры твоей поганой. У Победоносцева, говорит, великие дела впереди, так ты лучше вообще его фамилию забудь, не позорь его имя...»

– Вот сука, – пробормотала Лада. – Не реви, Марья!

Маша судорожно всхлипывала, не в силах остановиться.

– Да к-как же мне н-не реветь, если к-кругом такое дерьмо!.. И Ваня пропал на Кавказе...

Даже в нынешнем бредовом состоянии, когда мозг, оглушенный алкоголем и снотворными, которые она приняла под давлением ночевавшей у нее Лады, не в состоянии был ничего воспринять, Александра не могла пропустить мимо ушей Машин истерический всхлип.

Она уже знала, что Вешнепольский и Серега Быстров, всегдашний оператор Ивана, попали в засаду в горах и были увезены в неизвестном направлении. Об этом с утра до ночи твердили в «Новостях», которые Александра смотрела теперь только по телевизору. Выдвигались версии, предлагались деньги за информацию, похитителей призывали освободить заложников, горы прочесывал спецназ, ситуацию контролировал президент... В общем, все как всегда.

Или почти как всегда. Невозможно было представить, чтобы на Ивана Вешнепольского, знаменитого и всеми любимого, кто-то осмелился вот так запросто напасть.

Но при чем тут Машка, лучшая подруга и провизорша из аптеки в Воротниковском переулке?

– Ты чего, Мань? – спросила Александра со своим обычным тактом, еще обострившимся от трехчасовых возлияний. – При чем тут Вешнепольский? Ты же его знать не знаешь! Это я рыдать должна, потому что он мой друг, а не твой...

– Как же я его не знаю, когда я его люблю!.. – икая, возразила Маша.

– Кого? – спросила Александра.

– Его. – И Маша опять залилась слезами.

– Чего это она, а? – Лада подошла поближе, достала платок из кармана джинсов и бесцеремонно вытерла Машину физиономию. – Тронулась с горя?

– Кого любишь? – спросила Александра. – Победоносцева?

– Пошел в ж... твой Победоносцев! – взвилась Маша. – Если хочешь знать, я его всегда терпеть не могла! Поду-умаешь, великий журналист, покоритель московских девиц! Хреноносцев он, а не Победоносцев!

– А тогда кого? – спросила Лада, до которой с некоторым опозданием стало доходить, о чем говорят подруги.

– Что – кого?

– Кого ты любишь-то, идиотка? Мы сегодня все одинаково любим Победоносцева Андрея...

– Ва-а-аню-у-у, – почти завывала Маша. – Я без него жить не могу...

– Да где ты его взяла-то? – почему-то рассердившись, спросила Александра. – А? По телевизору видела?

– Он в аптеку приходил... – с трудом выговорила Маша, – ас-аспирин покупал...

– О господи Иисусе, – пробормотала Александра.

Очевидно, алкоголь был ни при чем.

– Значит, он к тебе на свидание позавчера ехал, когда все это... стряслось? – подозрительно спросила она.

Маша горестно кивнула:

– Злой был, как нильский крокодил. Даже не поговорили толком. Это он из-за тебя переживал, Сашка... А теперь он пропал, пропал... И я его, наверно, больше не увижу...

– Заткнись, дура! – неожиданно вспыхнула Александра. – Он жив и здоров, конечно! Если бы его хотели убить, убили бы на месте! Подержат и отпустят, особенно если выкуп наши заплатят.

– Так ты из-за Вешнепольского ревешь? – удивилась Лада. – Он у тебя аспирин покупал?

– Он, – сказала Маша и улыбнулась, утирая кулаком слезы. – И алкозельцер. Он говорит – дайте что-нибудь от головы. А я ему – хотите цианистого калия?

– А он? – тупо спросила Александра.

– А он говорит – нет, мне пока что-нибудь полегче... За калием я попозже приду...

Лада подошла к дивану, на котором они рыдали, и посмотрела по очереди на обеих подруг.

– Что? – спросила она.

И тут они захохотали. Все втроем. Они хохотали так, что снизу стали стучать по батарее полоумные соседки, которых раздражал даже звук отодвинутого стула. Они корчились от смеха и катались по дивану. Они утирали слезы и кашляли, не в силах остановиться. Они взглядывали друг на друга, опухших от слез и горя, и хохотали еще громче.

Назло врагам.

Назло соседкам, полевым командирам и Вике Терехиной.

Ничтожество Победоносцев в качестве врага даже не рассматривался.

Отсмеявшись, они некоторое время молча полежали на диване.

– Пойду кофе сварю, – сказала Александра будничным голосом. – Сходи, Мань, за мороженым, как самая трезвая. Или за тортом. Только у меня денег нет.

– Зато у меня тьма, – таким же будничным голосом отозвалась Лада. – Я тебе сейчас дам...

– Нужно привыкать, – сказала Маша, когда они пили кофе, очень горячий и очень крепкий, – Александра умела заваривать кофе. – Как-то нужно взять себя в руки, Сашка. И тебе, и мне, и Ладе. Вика небось уже пронюхала, что она у тебя живет. Следующим номером ее уволит...

– Меня не уволит, – заявила Лада с полной категоричностью. – Меня невозможно уволить.

– Почему же? – язвительно спросила Маша.

– По кочану же, – тем же тоном ответила Лада и тряхнула своим необыкновенным бюстом. – Меня Васятка завсегда прикроет.

Васяткой звали ее нового, недавно приобретенного любовника из самых «верхов». Очевидно, с Васяткой не могла справиться даже всемогущая Вика.

– Что с работой-то будем делать? – спросила Маша. – Куда бросимся? А, Сань?

– Шут его знает, – равнодушно ответила Александра. Денег у нее не было вовсе. Два последних дня ее кормила Лада.

– Можно, конечно, попытаться и на телевидение, но когда поспокойнее станет, не сейчас. Правильно я говорю, Ладка?

– Ну, Вешнепольский, наверное, и сейчас бы взял, но его нету, Вешнепольского... Так что надо где-то на стороне искать...

– На какой? – осведомилась Александра устало.

– Что – на какой?

– На какой стороне искать, я спрашиваю? Я умею только кино снимать и тексты к нему писать. Могу еще фартуки шить. А больше ничего...

– Хочешь, я поговорю с тетей Лидой?

Машина тетка заведовала аптекой, в которой она работала.

– Мань, я ничего не умею. Даже бутылки мыть. Разве такого работника кто-нибудь возьмет – будь это даже твоя тетя? И отстань от меня, мне нужно как следует оплакать мое телевизионное прошлое... – Внезапно голос у нее дрогнул и сорвался. Слеза капнула в чашку. Девчонки отвернулись.

– Мне нужно научиться жить без него, – продолжала Александра. – Это же наркотик, Мань, спроси хоть у нашей гетеры. Я каждый день слышала себя по телевизору. Я брала интервью у министров и вице-премьеров или вон у Ладкиного Васятки. Мне трудно... привыкнуть к мысли, что больше ничего этого в моей жизни не будет. Никогда. Никогда...

– Да пошла ты!.. – Лада вскочила и в волнении плеснула себе еще кофе. – Все забудется. Ты же знаешь, что такое наша среда. Все возникает из ничего и уходит в никуда. Через месяц никто ни о чем не вспомнит!

– Вспомнят, если Вике будет нужно, – рассудительно сказала Маша. – А значит – что?

– Что? – хором спросили Александра с Ладой.

Они привыкли, что Маша Вершинина всегда находит выход из положения. В школе она была самой умной и побеждала на всех олимпиадах, как по физике, так и по литературе. Она решала за них контрольные и выдумывала необыкновенные истории для бабы Клавы, когда требовалось «прикрыть» очередной поход в ветлечебницу.

– Нужно придумать что-нибудь, чтобы... ваша... Вика. – Маша никогда – боже сохрани! – не позволяла себе материться, в отличие от Лады, любившей щегольнуть фразочкой поцветистей. – ...Ну, чтобы она поняла, что ты не имеешь на этого козла никаких видов.

Лада с Александрой переглянулись.

– Блеск! – восхитилась Лада. – И как это сделать?

Но Маша не заметила иронии. Захваченная новой идеей, она повернулась к подругам, глаза у нее блестели.

– Пока она считает, что ты преследуешь этого козла, житья тебе не будет. Как все истерички с маниакально-депрессивным синдромом, она может убедить себя в чем угодно.

Все-таки Маша закончила почти медицинский институт и в терминологии разбиралась здорово.

– Ну, ну!.. – поторопила нетерпеливая Лада.

– Нужно убедить ее, что он тебе совершенно не нужен, только и всего. Что тебя от него тошнит. Что ты не можешь видеть его мерзкую гладкую рожу. Что последний бомж тебе милее и роднее, чем этот... типус.

– Замечательно! – похвалила Александра. – И как же мне это сделать?

– Побыстрее выйти замуж! – провозгласила Маша и с торжеством поглядела на ошарашенных подруг. – Ну, в смысле, развестись, конечно, сначала.

– Конечно, – согласилась Александра, – сначала мне придется развестись...

Они не знали самого главного: ей предстояло не только развестись, но и сделать аборт.

Развели их очень быстро, за час.

Аборт занял полтора.

За вещами бывший муж прислал шофера, унизив ее еще и этим. Теперь можно было с уверенностью утверждать, что в курсе дела все, даже шоферы.

Разговаривать с ней ее бывший муж не стал, хотя, непонятно зачем, она сделала такую попытку.

– Мазохистка! – сказала ей Лада. Но Лада не знала об аборте...

На кредитной карточке у Александры были кое-какие деньги, что позволило ей заплатить за наркоз в хорошем медицинском центре.

После аборта никаких дел в жизни у Александры не осталось.

Конечно, можно было держаться, вспоминая Викино лицо, когда та говорила, что Александра не даст теперь прохода несчастному Победоносцеву. Можно было держаться, думая о Вешнепольском и Маше.

А потом, в какую-то минуту, держаться стало невозможно.

Спать было невозможно, есть тоже невозможно, поэтому Александра не спала и не ела.

Не вспоминать тоже было невозможно. И она вспоминала, разрывая себя этими воспоминаниями, разъедавая собственное воспаленное сознание.

Она не плакала и не билась в истерике. Она думала свои думы, сидя в углу, каждый день в другом, не замечая, как зарастает пылью ее некогда ухоженный дом. Маленький рай, созданный в отдельно взятой квартире, которым она так гордилась.

Телефон не звонил, и телевизор она больше не смотрела.

Что она сделала не так? Чем не угодила? Почему именно Андрея выбрала Вика Терехина? За что заставила ее расплачиваться так жестоко?

Однажды после сильного ветра в доме погас свет, и Александра достала из буфета свечку. Свечка освещала только стол, на который Александра ее пристроила. В углах плясали и корчились тени. На лестничной клетке переговаривались соседи, выясняя, где погасло – только у них или в соседних домах тоже. Александре было все равно.

Улегшись щекой на полированную поверхность стола, она смотрела на пламя, такое отчетливое в темноте, что оно казалось ненатуральным.

Господи, она была уверена, что проживет с Андреем всю жизнь. Что они родят детей, и заработают кучу денег, и будут ездить на море, и в Лондон или Париж, и что там есть еще, такое же увлекательное и несбыточное?

Все случившееся было несправедливо. Несправедливо! Но что она могла поделать, слабая, глупая, не умеющая бороться – и побеждать! Наверное, родители, которых она никогда не видела, тоже не хотели ее, поэтому она и получилась такая... неудачная.

Ненужная.

Непонятное существо, которое всем мешает и путается у всех под ногами, доставляя лишние, ненужные хлопоты.

Свет все не давали, и Александра была этому рада. В темноте было не то чтобы уютно, а... безопасно.

И баба Клава умерла из-за нее. Из-за того, что ей пришлось надрывать, поднимая на ноги ребенка, который оказался Александрой. Даже из могилы она заботилась о непутевой внучке – если б не хитро составленное завещание, осталась бы она сейчас и без квартиры!

Бедная баба Клава! Она надеялась вырастить из внучки человека... Но ничего у нее не получилось. Внучку выкинули с работы, вытолкали взащей, отобрав к тому же ребенка и мужа.

У таких, как она, не может быть ни ребенка, ни мужа – недостойна, не заслужила.

Хорошо бы просидеть так всю жизнь, без света, перед тонко дрожащей свечкой. Не видеть, не разговаривать, не вспоминать...

Маша умоляла ее попить транквилизаторов и снотворных, но лекарства действуют на тех, у кого внутри что-то болит, и это что-то можно лечить и даже вылечить. А у нее внутри ничего не осталось, только вязкая черная гуща, в которой трепыхалась крошечная, слабая, трусливая душонка, оказавшаяся неспособной отстоять жизнь собственного ребенка.

– Что же мне делать? – прошептала Александра, и пламя свечи заколебалось. Тени бросились врассыпную. – Не знаю, не знаю...

Дали свет, но она все сидела, глядя на почти растаявшую свечку. На часах было четыре утра.

Четыре утра – трудное время, самое трудное, когда сидишь на ночном монтаже и кажется, что этой ночи не будет конца. Ручка выпадает из пальцев, забываются самые простые слова, и сигареты не помогают. Хочется только одного – спать. Спать долго и сладко, накрывшись ватным одеялом, вытянувшись на угретой постели и зная, что можно долго-долго не просыпаться.

В четыре часа почему-то обязательно перегреваются видеомагнитофоны, и нужно ждать, пока они остынут, подремывая в кресле под недовольное ворчание видеоинженера на извечную тему – только идиот мог придумать ночные монтажи, дня им не хватает, видите ли...

Александра тускло улыбнулась.

Это был ее мир, ее работа, вся ее жизнь с тех самых пор, как очередной Ладкин любовник пристроил Ладку на телевидение и не в меру боевая подруга моментально сосватала туда и Александру. Как счастливы они были, как гордились собой и своими успехами, какое интересное, важное, необыкновенное дело они делали вместе со всеми ребятами из общественно-политической редакции!

Все остались, только Александры больше нет. Нет и, наверное, никогда не будет.

Но ей нравилась эта работа! Она хорошо, добросовестно и профессионально делала ее уже несколько лет.

Однако профессионализм и умение работать не сможет отнять у нее даже Вика Терехина. Пусть муж предал ее, пусть программа, в которой она работала, перестала в ней нуждаться, но ведь то, что она знает и умеет, осталось с ней!

Эта неожиданная мысль как-то приободрила ее.

Раздумывая над тем, что вдруг пришло ей в голову, и спасаясь от непрерывных телефонных звонков Лады и Маши, Александра собралась и под вечер вышла на улицу, доплелась до метро, проехала несколько станций и вышла где-то, как впоследствии оказалось, на «Маяковской». Она немного постояла на Тверской, соображая, куда бы пойти, вверх или вниз, и пошла вниз, к Пушкинской площади.

Вспоминая потом этот вечер, Александра не могла понять, какая сила привела ее именно на это место и именно в это время.

Почему она не уехала на метро в другую сторону или не пошла вместо Пушкинской к Белорусскому вокзалу? Почему около булочной у нее развязался шнурок на ботинке и она довольно долго завязывала его, перегнувшись через толстый пуховик, собравшийся на животе складками? Почему пережидала, пока какой-то отчаянно сигналивший идиот выберется из переулка возле Театра Станиславского на Тверскую, – тоже довольно долго?

Александра не была суеверна, и религиозна тоже не была, но мистика происшедшего всю жизнь потом занимала ее и заставляла верить в то, что провидение существует.

Она очень устала в толпе и, добравшись до перехода под Пушкинской площадью, решила поехать домой. Спускаясь по мокрым ступенькам, Александра поскользнулась и ухватилась за куртку какого-то мужчины, поднимавшегося ей навстречу.

– Добрый вечер! – весело сказал мужчина. – Вы меня не помните? Меня зовут Филипп Бовэ, мы встречались на какой-то вечеринке около месяца назад.

– Д-да, – отозвалась Александра с некоторой запинкой. – Помню...

Она тогда ждала Андрея, а он все не ехал и не ехал, и Вика суежилась вокруг с какой-то своей подругой, а потом они танцевали, и все в ее жизни было превосходно...

– Да-да, – повторила Александра, захлебываясь в этих воспоминаниях, и, чтобы окончательно не утонуть в них, быстро сказала: – У вас русская бабушка.

– Совершенно точно, – подтвердил Филипп.

Что-то с ней случилось, решил он. Человек не может так разительно измениться за короткое время.

Переступив ногами в скользких ботинках, Александра случайно взглянула ему в лицо: никакого любопытства, только сдержанное сочувствие и, пожалуй... тревога?

У нее в голове как будто щелкнуло.

Как будто хозяин дома вернулся после долгого отсутствия и, войдя, первым делом зажег свет, потом огляделся и замер в недоумении – вроде все как всегда, но появилось что-то новое. А может, ему только кажется?..

– Филипп, вы женаты? – спросила Александра совершенно бездумно.

– Нет, – ответил он, слегка удивленный. – Почему вы спрашиваете?

– Тогда вам просто необходимо срочно жениться на мне, – сказала Александра. – Понимаете?

– Нет, не понимаю, – искренне ответил Филипп. – Может, объясните?

Он оглянулся по сторонам. На ступеньках московского метро в час пик разговаривать было трудно.

– Хотите есть? – спросил он, почему-то твердо уверенный, что она голодная. Во-первых, голодная, а во-вторых, сумасшедшая. – Пойдемте поедем где-нибудь. И поговорим.

– О чем? – пролепетала Александра – ей стало страшно.

– О женитьбе, – невозмутимо ответил Филипп Бовэ. – Мне не каждый день делают предложение. Да еще на улице. Разве это не стоит обсудить?

– Так что для вас в этом – прямой резон, – проговорила она с улыбкой дельца-пройдохи, заключающего квартирную сделку со старушкой божьим одуванчиком. Ей было так стыдно, что волосы на шее противно встали дыбом. – Вам не придется платить за квартиру и... пользоваться услугами проституток...

– Вместо проституток, как я понимаю, вы предлагаете себя, – холодно проговорил Филипп. – Я не ошибаюсь?

Она взглянула на него и, дивясь собственному мужеству, кивнула. Ему показалось, что через секунду она умрет от разрыва сердца.

Александра смотрела в окно, на церквушку и театр «Ленком», у которого уже начался вечерний съезд машин. Все парковались, сигналили и ругались, и в узкой улочке в обе стороны давно и безнадежно змеилась чудовищная пробка. Светофор дисциплинированно переключался с красного на зеленый, но все его усилия были тщетны – с места никто не двигался.

Почему-то Александре показалось, что в этой безнадежной пробке сосредоточилась вся тоска, какая только существует в природе, и безысходность, и невозможность спасения – окружающий мир не пускает ни влево, ни вправо, ни вперед, ни назад...

Какой-то резкий звук заставил ее вздрогнуть. Она с изумлением взглянула на мужчину, сидящего напротив, – она совсем о нем забыла.

Филипп хмуро вернул на место упавший стакан.

Угораздило же его влипнуть в историю с этой полоумной девицей, осатаневшей от жизненных катастроф настолько, что она решила предложить себя совершенно незнакомому человеку! И можно ли ей верить? Впрочем, он же сам слышал тот разговор на кухне – ее, теперь уже бывшего, мужа и этой теледивы. Разговор совершенно недвусмысленный. Он даже вспомнил острое чувство брезгливости, охватившее его в темной передней, и сочувственной

жалости к Александре. Филиппу всегда были отвратительны карьеры, сделанные в женских постелях. Как правило, очень ненадежные, они требовали постоянных усилий именно в этом, постельном направлении...

– Почему я? – спросил он у Александры, которая тарашилась в свою пустую тарелку, и с удивлением осознал, что ее ответ ему не безразличен.

Почему для осуществления своего дикого плана она выбрала именно его? Не кого-нибудь из близких, кто понял бы ее, поддержал и... отговорил?

Она улыбнулась тарелке пристыженной, дрожащей улыбкой и забормотала, не поднимая глаз:

– Видите ли, вы приехали в Москву... издалека и надолго. Вам нужно где-то жить, что-то есть и с кем-то спать... – На этом патетическом месте она покраснела. – Мы с вами можем... сотрудничать вполне взаимовыгодно...

– Да уж! – не удержался Филипп.

– Ну вот... Вам не нужно будет за все это платить – ведь, как я поняла, денег у вас не слишком много, а у меня будет временный муж, которого при случае я смогу предъявить Вике в доказательство того, что... Андрей может чувствовать себя вполне свободно...

– Ерунда какая! – беспомощно сказал Филипп. – Ну просто редкостная ересь!

– Да нет же, – возразила Александра, стараясь говорить как можно убедительнее. Внутри у нее все тряслось, и даже мелькнула мысль отпроситься в туалет, а потом, от греха подальше, сбежать. Но, с другой стороны, он ведь еще не отказался...

– Именно так! – с досадой перебил Филипп. – Вы ведь совсем меня не знаете. Я могу оказаться кем угодно – извращенцем, алкоголиком, болезным...

– Больным, – машинально поправила Александра.

Вообще в этот вечер он говорил намного хуже, чем тогда, в гостях, хотя, по идее, должно было быть наоборот – все-таки почти месяц он провел в языковой среде, как это называется в учебниках. Но он говорил плохо, с акцентом, все время сбиваясь на английский, но какой-то такой, которого Александра почти не понимала.

– О'кей, пусть будет «больным», – согласился он с тихим бешенством. – Я – чужой. Совсем чужой для вас. Неужели у вас нет никого... поближе? Кого бы вы знали? Кто смог бы объяснить вам весь чудовищность того, что вы придумали?

– *Всю* чудовищность, – опять поправила его Александра. – *Всю*, а не *весь*... Мой самый близкий и самый хороший друг попал на Кавказе в плен. Как раз на следующий день после того, что случилось. Да и вряд ли он смог бы жениться на мне... Он любит мою лучшую подругу Машу. Правда, он мог бы взять меня на работу, хотя... хотя я не уверена, что пошла бы к нему, – добавила она, вдруг задумавшись. – У нас очень сложный мир, и портить Ивану карьеру я, конечно, не стала бы...

– Конечно, – согласился Филипп. Кое-что о ней он уже знал – сам понял, без ее объяснений.

– Понимаете, Филипп, – продолжала она, рисуя вилкой в тарелке какие-то узоры; вилка дрожала и мерно постукивала о фарфор, – сама по себе я никому не нужна. У меня нет родных, да дело даже не в этом... Я предлагаю вам сделку. На этот год, что вы пробудете в Москве. Я же не совсем ненормальная, я понимаю, как все это дико, неприглядно и... бессовестно. Но я уверена, что вам эта сделка тоже будет некоторым образом выгодна...

– Некоторым образом, – согласился Филипп, не зная, что и думать. – Более или менее.

– Ну вот, видите! – воскликнула Александра с облегчением, как будто он был новым корреспондентом, который после долгих мучений наконец-то написал читабельный текст. – Мы заранее обговорим все условия. Я не буду вам мешать, Филипп. Совсем не буду. И, если вам противно, вы, конечно, вовсе не должны будете спать со мной...

Она не сомневалась, что в основном его пугает именно перспектива делить с ней постель. Ведь все остальное было вполне приемлемо и ничем ему не грозило. Получил бы бесплатную кухарку и домработницу, вот и все. Зря она ляпнула про постель. Конечно, он перетрусил. Любой бы на его месте перетрусил. Вот счастье-то какое – переспать с Александрой Потаповой!

– О'кей, – сказал Филипп с какой-то странной, неопределимой интонацией. – Позвольте мне подумать, Алекс. Скажите мне номер вашего телефона.

Он записал телефон, держа ручку в левой руке, и спрятал записную книжку.

– Как же так, – сказал он вдруг и улыбнулся, впервые за вечер, – я ведь ниже вас ростом? Что мы будем с этим делать?

Через два дня он позвонил и официальным тоном заявил, что принимает предложение.

– И не мечтайте, что мы будем жить как соседи, – холодно добавил он напоследок. – Мы будем жить как муж и жена. Или никак.

– Ну, ты, Потапова, дура... Знала я, конечно, что ты малость с приветом, но не думала, что все так далеко зашло...

– Заткнись, Ладка, – приказала Маша. – Она уже приняла решение, так что все разговоры теперь – просто сотрясение воздуха. Только почему ты с нами-то не посоветовалась?

Лада с грохотом переставляла на кухне какую-то посуду.

– Да чего ей с нами советоваться? – заорала она оттуда. – Она все лучше всех знает. Один муж уже отбыл в неизвестном направлении, чудом ноги унесли, теперь будем выращивать второго. Вот это хорошо, вот это дело! Нет бы на работу устроиться, а она...

– Нет, правда, Сань, чего ты с нами-то не поговорила? – тихо спросила Маша. – Боялась, что отговорим?

Александра сидела на диване, уныло глядя в сторону. Теперь вся затея с замужеством представлялась ей чудовищной нелепостью. А ведь еще полдня назад все казалось таким логичным...

– А если он тебя, козу драную, убьет через три дня? – продолжала бушевать Ладка. – А?! Ты ж ни черта его не знаешь! Иностранец какой-то, да еще у Вики Терехиной в гостях взятый... Нет, Потапова, тебя лечить надо. Мань, что там у вас в аптеке есть для психов? Давай вези, будем Потапову пользоваться, так дальше жить невозможно. Ну что ты придумала, убогая? Ну куда тебя несет?!

– Ладка, не ори, – попросила Маша устало.

У нее вообще был очень усталый и какой-то неряшливый вид, будто она целый день таскала мешки с углем. Александре она не нравилась. Об Иване по-прежнему не было ни слуху ни духу.

– Ори не ори – поезд ушел... – сказала Лада и, судя по артиллерийскому грохоту, швырнула на плиту чайник. Через секунду она появилась в дверях, сердитая и взъерошенная. Уперев руки в бока, она двинулась к Александре, и та поняла, что пощады не будет.

Лада не любила просто так расставаться со своим гневом. Ей обязательно нужны были жертвы и разрушения, сопровождавшие, как правило, ее ураганные эмоции.

– Нет, ты мне скажи, Санька, как это в голову тебе пришло – сватать за себя чужого мужика неизвестной науке национальности, да еще в кафешке возле метро? – подступая ближе, снова начала она. – Чего ты морду-то воротишь? Или я не понимаю ничего? Или я не твоя подруга жизни?

– Ты моя подруга жизни, – с готовностью подтвердила Александра. – Только не наступай на меня своим бюстом, я тебя умоляю. И какая разница, где я его сватала. Если б не возле метро, то это лучше или хуже?

– Пошла в задницу со своей журналистской демагогией!

– Лада!

– Мань, если ты не можешь слушать, выйди в коридор и постой там.

– Это моя идея – насчет Сашкиного замужества, поэтому в коридор я не пойду, – сказала Маша. – А если ты будешь непрерывно ругаться, мы тебе кляп вставим в одно место, и я даже знаю в какое.

Лада от возмущения потеряла дар речи. Фыркнув, она повалилась в кресло, схватила со столика какой-то журнал трехмесячной давности и с мстительным видом начала его перелистывать.

– Ну, правда, Саш, расскажи, что за француз и почему ты за него замуж выходишь? – попросила Маша, закрывая глаза.

– Потому что ты мне велела, – буркнула Александра.

– Я велела вообще!

– Я и выхожу «вообще», – сказала Александра, с жалостью рассматривая похудевшее Машино личико. – Он журналист, приехал книгу, что ли, писать. На год. Я с ним договорилась, что на этот год он становится моим мужем. Живет у меня, за жилье не платит, я за ним ухаживаю, стираю, готовлю, убираю. Потом он уезжает обратно, а я к этому времени, имея замужний статус, уже нахожу работу. Вика про меня забывает, и Победоносцев... тоже...

– Замечательно, – похвалила Маша, не открывая глаз. – Похоже на то, как мужик, чтобы отомстить барину, на воротах повесился.

– Вот именно, – сказала Лада из-за журнала. – Нормальные люди за фиктивные браки бешеные деньги получают, а наша предприимчивая, наоборот, все расходы на себя берет. А, предприимчивая?

– Это нужно мне, – мрачно сказала Александра. – Я не хочу ставить крест на своей работе. У меня еще вся жизнь впереди. Как вы не понимаете, это же совсем просто!

Она поднялась с дивана и, протиснувшись между Ладой и пианино, подошла к окну. Ей так хотелось, чтобы ее поняли. Но как им объяснить?.. Ведь все очень логично и... хорошо продумано.

– Мне наплевать на этого мужика, – четко сказала она. На улице снова шел дождь, капли тяжело стучали о жесть подоконника. – И на всех остальных, по правде говоря, тоже. Наверное, я больше никогда в жизни никому из них не смогу доверять. И не захочу. Но если для того, чтобы меня взяли обратно на работу, мне придется ухаживать за параличным – я буду ухаживать! И если мне придется еще раз умолять чужого человека жениться на мне, я, черт вас возьми, буду умолять! Я спать с ним буду, трусы его буду стирать, морду его каждый день созерцать – только ради того, что, может быть, у меня появится *надежда* когда-нибудь вернуться на работу. Ясно?

Подруги молчали, глядя на нее во все глаза.

– Я не знала, что ты такая... фанатичная, – выговорила наконец Маша. – Ну совершенно вроде Ваньки. Он такой же придурок...

– Трусы ты, конечно, будешь стирать, в этом как раз никто не сомневается. Трусы пере-стираешь, а работу не добудешь, и что? – спросила Лада и пристроила журнал домиком себе на голову. – Куда ты его потом денешь? А если от него невозможно будет отвязаться? И ты его что, пропишешь?

– Да нет, конечно, – сказала Александра. – Не пропишу. Я тебя хотела попросить, чтоб ты нашла кого-нибудь, кто понимает во всей этой юридической кухне – контракты, сроки, условия...

– Пропади ты пропадом! – плюнула Лада. – Найду, конечно. А деньги на жизнь он тебе будет давать или ты ему?

– Об этом мы еще не договаривались, – пробормотала Александра.

– А между прочим, надо бы договориться, – подала голос Маша. – И так мы с Ладкой понять не можем, на что ты целый месяц живешь? Чужого мужика на шею сажать глупо.

– Моя шея сейчас никакого не выдержит, – улыбнувшись, проговорила Александра. – Ни своего, ни чужого. Так что хочешь не хочешь – придется обговаривать.

– Я дам тебе денег, – быстро сказала Лада. – И не выпендривайся ты, ради бога. У меня их полно. Васятка только и способен, что деньги давать, а больше он ни на что не годен. Надо же как-то использовать его высокие чувства. Давай хоть деньги его проживать, пока очередная революция не грянула.

– Без меня проживешь, – отозвалась Александра.

Баба Клава никогда ни у кого не брала в долг. Только давала. И Александре брать не разрешала.

– Ты нам его покажешь? – спросила Маша, но как-то через силу. Александре казалось, что она весь вечер разговаривает через силу. Может, потому и гроза оказалась такой непродолжительной. Маше явно было не до чужих проблем.

– Покажу, – пообещала Александра. – Ну что, девицы?

Маша молчала, а Ладка с силой махнула рукой.

– Женитесь, – сказала она с отвращением, – разводитесь, топитесь... Кроме того, как я понимаю, нам все равно ничего не изменить, если только сдать тебя в психушку...

– Правильно! – воскликнула Александра с подчеркнутым энтузиазмом и опрометью, чтоб ничего больше не слышать, бросилась на кухню, где чайник, судя по доносившимся звукам, давно уже намеревался убежать с плиты.

Когда она заварила кофе, внезапная и острая боль вдруг скрутила живот. Такое с ней часто теперь случалось.

Боль эта напоминала о том, как она сидела под столом в комнате «Новостей» и слушала разговор своего мужа с Викой, а потом стояла перед Михаландреичем, подписавшим ее заявление, а затем дожидалась в кресле очереди на аборт...

– Ты чего? – испуганно закричала Ладка, пришедшая за чашками. – Чего ты, Сашка?!

– Мне плохо, – выговорила Александра черными губами. – Очень плохо. Совсем...

Они ушли не скоро, вдоволь насуетившись над дрожавшей в ознобе Александрой.

Маша искала в коробке с лекарствами какие-то препараты, снимающие спазмы, Ладка все порывалась вызвать «Скорую», а потом поехала в аптеку, поскольку Маша, конечно же, ничего подходящего не нашла. Они бестолково метались по квартире, ругались и, кажется, даже всплакнули в коридоре – иначе почему бы у них обеих глаза стали вдруг такими красными?

Александру вся их суета раздражала.

Они ничем не могли помочь – ясно, как божий день, и метались исключительно для успокоения собственной совести, так, по крайней мере, казалось Александре.

– Не нужно мне ничего, – раздраженно цедила она, пока они поили ее ромашковым чаем и звонили Машиной тетке, которая разбиралась во всех болезнях и точно знала, что и в каком случае нужно делать.

Потом ей стало стыдно за свои несправедливые злобные мысли, и она принялась благодарить их, умоляла не поднимать паники. Это у нее не первый приступ, она консультировалась с врачом, и тот заверил ее, что в конце концов все должно пройти. Когда успокоятся расшатанные нервы.

– А когда они успокоятся? – деловито спросила Маша.

На этот вопрос Александра не могла ответить, как не могла и рассказать им про аборт. Страшно даже подумать, как много всего она потеряла. И в черном списке этих потерь работа шла вовсе не первым номером. Переложить на них еще и тот, самый черный, ужас?.. Нет, ни за что! Это ее крест, и, как бы он ни был тяжел, она должна нести его одна, сама, без посторонней помощи.

Никто ни в чем не виноват, виновата только она.

Она оказалась плохой женой, слабой и никчемной. Она не смогла защитить то, что было ей дорого, – Андрея, его ребенка и собственную жизнь. Андрей не виноват, что Вика оказалась интересней, свободней, сильнее и умнее его жены, размазни и рохли! И никогда этого не понять Маше с Ладкой, которые клянут изменщика Победоносцева на чем свет стоит. Вот она его понимала хорошо. Наверное, он бы очень удивился, если б узнал, насколько хорошо она его понимала!

Он попробовал пожить с ней, благодарный за то, что она когда-то помогла ему. А она оказалась... недостойной. Господи, это же так понятно и объяснимо!

Она никогда не оправдывала ничьих ожиданий.

Не должна была родиться – и родилась, заставив родителей разойтись и пристроить ее бабушке, которой и без Александры жилось нелегко. Она не была очаровательным ребенком, потом превратилась в некрасивого подростка, и девушка из нее получилась весьма далекая от совершенства – «слишком много мяса», как выражалась обычно та же Вика.

И она никогда не умела бороться, быстро уставала, несмотря на свою богатырскую внешность, и уставала не физически, а душевно. Ей скучно было по сто раз переписывать контрольные по геометрии, чтобы в конце концов получить вождеденную пятерку, и вовсе не хотелось драить пол в кабинете у ботанички, хотя всем было хорошо известно, что это единственный путь в самое сердце ботанического рая. Ей нравился английский и совсем не нравилась химия, и она никогда не могла заставить себя полюбить химию и разлюбить английский, и это стоило ей золотой медали.

Ей было лет восемнадцать, когда баба Клава впервые высказала мысль, поразившую Александру. «Господи, – сказала бабушка в сердцах, – кто же тебя замуж-то возьмет, такую недотепистую! Дал бы бог дожить до этого дня, я бы, кажется, в Киев на богомолье съездила, если б тебя пристроила...»

Бабушка боялась, что ее не удастся «пристроить», и переживала из-за этого. Вот так... Раньше Александра никогда об этом не задумывалась. Она даже заставила себя поверить, что баба Клава смирилась с ее недостатками и даже приняла их. Но теперь можно не сомневаться – бабушка мечтала избавиться от нее, хотя бы от взрослой. Ребенка она не могла бросить на произвол судьбы, но этот ребенок, выросший в Александру, продолжал раздражать и огорчать ее.

Баба Клава не дожила до ее замужества, да и вряд ли Андрей понравился бы ей. Ведь он не забрал Александру к себе, а, наоборот, пришел жить к ней.

Конечно, она очень старалась. Наводила немыслимый блеск в своем доме, с сумасшедшим упорством вкалывала на работе, стремясь заработать побольше денег, и отчаянно сожалела, что бабушка не видит ее успехов, когда – правда очень редко – успехи все-таки были. Ей очень нравилось, что у нее есть муж, и телевидение, и собственный дом, похожий на дома всех «нормальных». Подруги приходили к ним в гости, по праздникам собирались шумные компании, на Новый год все бегали на бульвар запускать импортную хвостатую ракету, привезенную Димкой Тимофеевым из какой-то заграницы... И все было просто чудесно. Наверное, бабушка ошибалась: Александра всем нужна, всем необходима, вон сколько у нее друзей, и – самое главное! – Андрей, с которым она проживет долгую интересную жизнь...

Только одно маленькое сомнение, затаившееся в самом потаенном уголке души, не давало ей покоя. Вьедливое и коварное, как колорадский жук, которого нужно было обирать, ползая в жару на коленях вокруг кустов ненавистной картошки, оно отравляло Александре жизнь даже в самые лучшие мгновения. И ничем его было не истребить...

Ей казалось: по какой-то неведомой причине она, Александра Потапова, временно заняла чужое место. Об этом никто еще не догадывался, никто, кроме нее самой.

Так получилось, что место жены этого красивого, преуспевающего человека, подруги этих образованных, блестящих людей однажды оказалось почему-то свободным. То ли хозяйка

отошла куда-то, то ли ее еще и вовсе не было, но Александра по какому-то непонятному стечению обстоятельств вдруг оказалась в ее владениях. И как самозванец, играющий чужую роль, как нищий, завладевший тронем принца, она ловила каждую секунду своего чужого счастья, упивалась ею и ждала беды, уверенная, что, когда обман раскроется, пощады ей не будет...

Так в общем-то все и вышло.

Нет, не осуждала Андрея его бывшая жена и – напрасно беспокоилась Вика Терехина – не собиралась возвращать его обратно.

Все наконец-то встало на свои места. Андрей прозрел и понял, что ему не место рядом с ней, никчемной толстой душой, телевидение перешагнуло через нее, так и «не заметив потери бойца», как пелось в какой-то революционной песне, – самозванка получила по заслугам. И теперь нужно было начинать заново строить себя, возрождая из пепла, как возрождалась какая-то птица Феникс, историю которой Александра с детства не могла запомнить. Однако самое трудное и печальное состояло в том, что Александра не знала, для чего нужно стараться, кому понадобится новая, возрожденная Александра Потапова. Самой себе она была не нужна. Саму себя она ненавидела и презирала и знала, что теперь так будет всегда, что бы она ни делала, за что бы она ни взялась.

И все-таки ей требовалось начать все сначала.

Она долго не могла понять, для чего именно.

Для чего она затеяла всю эту историю с Филиппом Бовэ, рискуя укрепить подруг во мнении, что от горя она все-таки спятила. Почему паралич, сковавший ее в первые дни после катастрофы, так быстро прошел, уступив место ежедневным заботам: что поесть, когда постирать, чем занять время, которого раньше так катастрофически не хватало... Ведь душа-то умерла, осталось лишь громоздкое, вялое тело, требующее постоянных забот.

И все же что-то держало ее на поверхности, не давая с головой ухнуть в отвратительную зловонную жижу воспоминаний и разодранных в клочки иллюзий. Это «что-то» осторожно прокрадывалось из фальшиво-смиранных глубин подсознания, когда Александра, наглотаившись снотворного, заставляла себя спать. Оно растекалось ледяной лужей в мозгу, заставляя ее трястись в настоящем ознобе, оно требовало – борись, не сдавайся, докажи всем, что ты лучше, умнее, сильнее, чем о тебе думают. Думают все, даже самые близкие, те, кто действительно тебя любит. Пусть они узнают, какая ты на самом деле.

Придумай себе новую жизнь и сделай ее такой, как тебе хочется, и тогда посмотрим... Тогда мы еще посмотрим, так ли ты ничтожна и слаба, как всем кажется...

Она засыпала только под утро, но просыпалась, как от толчка, всегда ровно в семь, чтобы броситься на кухню готовить Андрею завтрак. Он очень рано уезжал и много работал, ее бывший муж...

Ночные видения, в которых она неизменно была победительницей, днем рассеивались, но из них вызревало цепкое, до горлового спазма, желание сделать что-то такое – необыкновенное, удивительное, невозможное, – чтобы все поняли наконец, какая она, Александра Потапова!

Филипп Бовэ держал около уха нагретую телефонную трубку и злился. Он начал злиться с самого утра, когда принял решение позвонить, и теперь уже злился как-то по инерции, понимая, что дозваниваться все равно нужно.

Он набрал один номер, где никто не ответил, потом другой, затем, сверяясь по записной книжке, третий. В этом, третьем, месте трубку взяли сразу, но переадресовали Филиппа на четвертый номер, который он торопливо набрал, опасаясь, что не выдержит и швырнет легкую пижонскую трубку в стену.

– Это я, – сказал он, услышав ангельской чистоты голос. – Я в Москве, так что особенно не возбуждайся.

Обладательница ангельского голосочка засмеялась переливчатым бриллиантовым смехом, в котором сочетались умеренная радость от его звонка, нежный упрек, намек на чувственность, легкий вызов и еще три десятка разных оттенков, которые Филипп давно научился различать, – как будто выучил специальную азбуку для привилегированных. Сегодня ему очень не хотелось пускать эту азбуку в ход.

Переждав нежный смех, он спросил почти сердито:

– Как дела?

– Почему такой странный голос? – пропел ангел на том конце телефонного провода. Или провода уже давно отменили? И, вообще говоря, ангелы не поют, а трубят...

Внезапно развеселившись, Филипп ответил, что с голосом у него все в порядке, просто проблемы со связью.

«Да еще какие, – подумал он стремительно, – да еще какие проблемы со связью...»

– Зачем ты звонишь? – растягивая гласные, спросил ангел. – Соскучился?

– Нет, – сказал Филипп честно. – Очень много работы и очень много проблем. По правде говоря, мне некогда скучать...

Ангел обиделся. Это тоже входило в азбуку для привилегированных, поэтому Филипп понял сразу.

– Ну-ну, – сказал он неопределенно. – Не стоит сердиться, дорогая, это тебе не идет.

Иногда он ненавидел штампы, которыми разговаривал и с этим ангелом, и со всеми другими, ему подобными. Иногда, как сейчас, он радовался, что они существуют. Этот специальный язык изобрели для того, чтобы можно было говорить сколько угодно и не быть пойманным за язык, а в итоге ничего не сказать.

По-русски так разговаривать было невозможно.

– Я не сержусь, – поколебавшись, пропел – или все-таки протрубил? – ангел. – Я просто очень, о-очень по тебе соскучилась. А ты все пропада-аешь в своей гадкой Москве с белыми медведями.

– Белые медведи на Северном полюсе, – сказал Филипп, – а на Южном – пингвины.

– Что? – опешил ангел, неожиданно съехав со своего ангельского тона. – Филипп, я не понимаю, как-то плохо слышно...

– Я женюсь, – сказал Филипп, решив разом покончить с жизнью – зачем длить мучения? – Я женюсь здесь, в Москве. Ничего страшного, это всего лишь на год, потом мы разведемся, здесь же, в Москве. Этого требуют дела – и только. Я просто ставлю тебя в известность. Покуда я буду женат, встречаться мы не будем.

– Филипп, ты заболел? – спросил ангел нормальным человеческим голосом, забыв добавить в него серебристость колокольчика и свежесть утреннего средиземноморского бриза. – У тебя температура? Или тебя похитила эта... как там ее... ах нет, я забыла... Да! Русская мафия?

– Мафия? – переспросил Филипп. – Впервые в жизни слышу это слово. Где ты его взяла?

– Но как же, – растерянно забормотал ангел, – это теперь все знают. Все знают, что она в Москве всех похищает и творит всякие беззакония...

– Кто? – спросил Филипп.

– Мафия, – совсем убитым голосом сказал ангел. – Русская мафия.

– А-а... – протянул Филипп и замолчал, зная не только из литературы, но и по собственному жизненному опыту, что, взяв паузу, нужно держать ее до последнего, не сдаваясь.

Конечно, ангел паузы не выдержал, и Филипп понял, что первый раунд – за ним.

– Филипп, может, ты все-таки объяснишь, что происходит? – холодно спросил ангел. – Или я не имею совсем никаких прав?

– Ты имеешь все права, – заверил Филипп, – и можешь спрашивать о чем угодно, только я пока отвечать не буду. Я имею на это право, как ты считаешь?

– Филипп, ты невыносим! – со слезами в голосе выкрикнул ангел. В эту минуту Филипп себя ненавидел. – Ты свихнулся там, в своей Москве! Господи, как я ненавижу этот твой тон, если бы ты только знал... Зачем ты мне звонишь? Чтобы сказать, что ты меня бросаешь? Ну так придумай что-нибудь более оригинальное, чем какую-то идиотскую женитьбу! Тебе тридцать восемь, а ведешь ты себя, как... как...

– Как мальчишка? – подсказал Филипп гнусным голосом. – Как свинья? Как осел?

От злости ангел моментально овладел собой, чего Филипп и добивался, затевая все представление.

– О'кей, – сказал ангел, и в голосе его, даже не зная азбуки для привилегированных, можно было слышать ярость. – Я больше не скажу тебе ни одного слова. Считаю, что мы никогда не встречались. Но если однажды после чашки кофе ты начнешь блевать и корчиться в предсмертных муках – вспомни меня. Я не из тех, кого можно запросто бросить.

– Я и не знал, что тебе не дает покоя слава Марии Медичи, – заметил Филипп. – Но обещаю: умирая, буду думать исключительно о тебе.

– Ничтожество, дрянь, сволочь, – отчетливо выговорил ангел и положил трубку.

Слава Пресвятой Деве, представление закончилось.

Филипп брезгливо швырнул трубку в угол дивана и некоторое время сидел, унимая раздражение и что-то похожее на отвращение к самому себе, – непонятный коктейль чувств, которому он не находил названия.

Да, конечно, он сделал все правильно, и очень хорошо, что ему даже не пришлось искать предлог для расставания. Он, можно сказать, упал ему прямо в руки – его дала ему сумасшедшая девица, которая через два дня должна стать его женой.

Связь, которую он разорвал, не приложив к тому особых усилий, давно тяготила его. Он понимал: еще полгода, год – и ему придется или жениться, что было совершенно невозможно, или ввязываться в длительные унылые скандалы не только с самим ангелом, но и с его семейством. От одной мысли об этом Филиппа передернуло.

О том, что ангел вполне серьезно собирается поймать его и обратить в истинную семейную веру, Филипп догадался относительно недавно, когда его отъезд в Москву, вроде бы никак ангела не касающийся, неожиданно закончился грандиозным скандалом, да еще в общественном месте.

Филипп долго не мог взять в толк, почему он должен выслушивать явный бред о крушении какого-то божественного, ниспосланного свыше чувства, о предательстве и равнодушии от независимой и очень молоденькой девицы, с которой он спал, когда ему этого хотелось. Она решила, что он попался, вот в чем дело, и хорошо, что Филипп, хоть и с некоторым опозданием, но все же это понял. Нужно было срочно предпринять что-то такое, что заставило бы ее, хотя бы временно, держаться от него подальше.

Конечно, он был уверен, что, обдумав со всех сторон тяжкое оскорбление, нанесенное им, недоумком, не понимающим своего счастья, она вскоре бросится за ним в погоню. Изучив азбуку общения с подобного рода существами, позднее он добрался, можно сказать, до высшей математики и теперь с точностью до дня мог предсказать, как будут развиваться события.

Конечно, он справился бы с ситуацией, как справлялся всю жизнь, но эта внезапная женитьба очень ему помогла...

Филипп покосился на телефон, лежавший в углу дивана.

Может, стоит позвонить невесте и о чем-нибудь с ней поговорить?

В полированном боку телефона отражался во много раз уменьшенный прямоугольник окна, за которым, словно с трудом переставляя ноги в мокрых резиновых сапогах, тащился осенний московский день с ранними сумерками, залитыми водой тротуарами, грязными боками измученных машин и переполненными троллейбусами.

Филиппа Бовэ редко занимали такие мелочи, как погода или грязь под ногами, но в Москве все было не так, как в остальном мире, к которому Филипп за свои почти сорок лет жизни неплохо приспособился. В Москве пришлось ко всему привыкать заново.

В этом городе он чувствовал себя не в своей тарелке. В нем все было по-другому, как на Марсе. Другие правила жизни, другие отношения между людьми, другие светофоры, собаки, еда, питье, женщины, бизнесмены, автомобили...

Правильного, чистенького и блестящего, как парниковый огурец, европейца Москва ошеломила с первой же минуты, вывалив на него наглость, хамство и тяжеловесную, неотвязную услужливость таксистов в Шереметьеве, бравших «до центра» сотню долларов. Потом к этому добавились постоянно висящий в воздухе автомобильный смрад, то и дело принимающийся дождь, низкое серое небо, неприветливые лица прохожих и непрерывная истерия водителей в бескрайних, вонючих, вынимающих всю душу пробках.

Каменная сердцевина этого города пугала и завораживала одновременно. Ничего не помогало – ни вывески знаменитых европейских бутиков, ни глянец, наведенный в последние годы на несколько главных центральных улиц, ни вездесущий «Макдоналдс», подмигивающий рекламой кока-колы и телевизоров «Самсунг». Все равно этот громадный, мрачный, бестолково выстроенный город никак не становился европейской столицей. Царь Петр давно уже умер, бояре исправно научились брить бороды, пить кофе и даже полюбили европейские машины, которые в народе именовались идиотским словом «иномарка», а Европа по-прежнему отстояла от Москвы так же далеко, как Великая Китайская стена от аэропорта имени Кеннеди.

Первые несколько дней в Москве Филипп Бовэ всерьез сомневался, что сумеет довести свою затею до конца. Ему казалось: долго он тут не выдержит. Но Москва продолжала преподносить сюрпризы.

Оказалось, что в нее можно втянуться, она действовала как наркотик, да и русские Филипповы корни не дремали.

На Поварской, возле вполне обитаемого особняка, в котором родилась и выросла Филиппова бабушка, они вдруг ожили и так сдавили сердце, что Филиппу пришлось постоять возле чугунной островерхой ограды, держась за один из прутьев. Какая-то пожилая женщина с нелепой сумкой в ромашках заглянула ему в лицо, но ничего не спросила. «Все в порядке, – сказал ей Филипп и улыбнулся. – Спасибо». – «Не за что», – тихо ответила она, и Филипп еще долго провожал взглядом желтую сумку с ромашками.

Москва жила по каким-то особым законам, но Филипп пробыл в ней еще слишком недолго, чтобы понять, что это за законы. Он был уверен, что в конце концов во всем разберется, ведь именно за этим он сюда и приехал. А пока что, как и все здесь, он был малость не в себе. Наверное, потому он и согласился на эту авантюру с женитьбой. Более разумного объяснения он не мог придумать, даже для себя.

Историей о том, что ему целый год не придется платить за квартиру, пусть тешится его будущая жена. Для него самого это никак не могло быть побудительным мотивом. Думать о том, что он пытается всего лишь сэкономить, все равно что убеждать себя, будто самый лучший способ заработать – это начать петь в церковном хоре.

Конечно, она ему нравилась, эта девица. Вся, целиком, от очень коротких, стильно подстриженных волос до маленьких ступней, обутых в трогательные дешевые ботиночки. У нее была изумительная фигура – не худая, но и не слишком полная, как раз такая, о которой можно сказать – «совершенство форм». Бестелесных созданий, состоящих из острых углов, ребер, локтей и жеребьячих выпуклых коленок, Филипп не любил, красоты их не понимал, в ресторанах с ними скучал и никогда не мог взять в толк, чем хороша талия, которую можно обхватить двумя пальцами, и кому это может доставить удовольствие.

Итак, тело как раз было привлекательным. Филипп не без удовольствия думал, что целый год это тело будет в его личном пользовании. Но Александра Потапова, его будущая жена, состояла не только из тела...

Зачем ему громадный, грязный, тяжелый мешок ее проблем? Не успеет он и глазом моргнуть, как ему придется помогать ей тащить его, или он ничего не понимает в жизни.

Именно такие женщины, как Александра, и умеют подобраться совсем близко, так что очень скоро и не различишь, где одна душа и где другая и когда они начинают сливаться воедино. Именно такие женщины и могут со временем стать необходимыми, как воздух и вода, да простится ему банальность этого сравнения. Именно они, а не волшебные создания с ангельскими голосами по-настоящему опасны: с ними очень легко привыкнуть к мысли, что жизнь и вправду можно с кем-нибудь разделить, и тогда одиночество тебе не грозит...

Все это так, но решение принято, и менять его он не собирается. Он женится в Москве на неизвестной сумасшедшей только для того, чтобы отвязаться от ангела и его семейства. И только.

И все-таки – позвонить или нет, и если позвонить, то что сказать?

Филипп покосился на телефонную трубку и, тяжело вздыхая – будто старик, обремененный годами, – отправился на кухню варить кофе.

Насыпав в турку четыре ложки кофе, он неожиданно вспомнил зловещее обещание начинающей Марии Медичи: отравить его при случае. Очевидно, он и впрямь вывел ее из себя, раз она не только не сумела скрыть обиду, но еще и вслух пожелала ему смерти. Это было серьезным нарушением все того же неписаного свода правил, которому беспрекословно подчинялись все без исключения ангелы, их друзья и подруги, родственники и знакомые. Маленькая дурочка, решившая, что уж от нее-то он не уйдет.

Вновь поднялось острое, как игла, чувство недовольства собой.

Не так нужно было поступить, не так. Следовало хотя бы поговорить по-человечески. Но – Пресвятая Дева! – как он ненавидел подобного рода объяснения и разговоры, как не любил – и не желал – углубляться в лабиринты высоких душевных терзаний, предаваться которым обожают женщины!

Нет уж, пусть все остается как есть. Со своим взбунтовавшимся чувством вины он как-нибудь справится, главное, обошлось без длительных и многотрудных объяснений.

Задумавшись, Филипп чуть было не проворонил кофе.

Телефон зазвонил, когда он с цирковой ловкостью, буквально в последнюю секунду, схватил турку с огня. Чертыхнувшись, Филипп осторожно пристроил кофе на край невиданного доисторического сооружения, которое именовалось почему-то плитой, и, отыскав в углу дивана трубку, нажал кнопку.

– Аллю!

– Привет, – сказал холодный мужской голос совсем близко.

– Привет, – ответил Филипп и присел на край дивана. Этого звонка он не ожидал.

– Может, ты объяснишь мне, что происходит? – Голос окончательно заledenел. Филиппу казалось, что из трубки прямо ему в ухо дует холодный северный ветер.

– Что я должен объяснить? – спросил он, помедлив.

– Ты что, в самом деле собрался жениться? Или просто придумал себе новую игру?

– Почему это тебя интересует? – полюбопытствовал Филипп, против воли начиная говорить обычным в разговорах с этим человеком отстраненно-равнодушным тоном, ненавистным им обоим. – И как ты об этом узнал?

– К несчастью, я твой сын, и потому меня это интересует. Давай лучше не будем задерживать друг друга. Мне, как и тебе, эти разговоры не доставляют никакого удовольствия...

Поборов искушение отключить телефон, Филипп Бовэ с силой потер затылок.

Это была его пожизненная каторга, наказание за грехи, и не было на свете ничего хуже этого наказания...

– Хорошо, давай поговорим, – согласился он.

Они разговаривали, наверное, минуты три. Потом Филипп долго пил кофе, грея о большую кружку озябшие руки. Он думал свои тяжелые, как жернова, думы и совсем забыл, что собирался позвонить Александре.

Андрей Победоносцев сидел за громадным, красного дерева столом в кабинете продюсера общественно-политического вещания Первого канала, ожидая, когда Илья – так запросто он называл теперь этого великого человека – закончит разговор по телефону.

Кабинет был шикарный, только что евроотремонтированный, и очень напоминал хозяйина.

Вообще Андрей придерживался теории, что кабинеты гораздо больше похожи на своих хозяев, чем, например, автомобили или собаки. Про собак ему рассказывала бывшая жена. У нее была какая-то очередная слюнявая мечта: когда у них появятся дети, они купят им здорового доброго пса, и он будет катать их зимой на санках.

Вот, черт побери, запомнилась же ему эта глупость и до сих пор лезет в голову, хотя в его голове не может и не должно быть места ни для каких глупостей. Андрей даже опасливо глянул на великого человека, развалившегося в кресле по ту сторону громадного стола, как будто он мог подслушать крамольные Андреевы мысли. Но великий человек многозначительно кивал и иногда одобрительно похихатывал в трубку, не обращая внимания на Андрея.

Андрей поправил безупречную складку на брюках и переложил слева направо тяжелую кожаную папку, с которой никогда теперь не расставался.

Викин подарок.

Илья Цветков позвонил ему сегодня утром на мобильный и предложил встретиться после обеда. Позвонил сам, даже не через секретаршу. Это была неслыханная и невиданная милость, о которой Андрей еще месяц назад не смел и мечтать.

– Ну и что? – потягиваясь среди алых шелковых простыней, спросила Вика, когда совершенно ошеломленный, он положил трубку и сказал ей, кто звонил. – Поду-умаешь! Привыкай, дорогой. Теперь они будут с тобой считаться.

– Почему? – тупо спросил Андрей.

– Потому, что ты теперь со мной, – нараспев произнесла Вика и, перекатившись на необъятной кровати, игриво ущипнула его за живот. Ему было больно, но он стерпел. – Потому, что теперь они все будут делать то, что нужно тебе, понимаешь? Ты думаешь, этот Цветков, который в АПН три рубля зарплаты получал, не дорожит своим местом, где ему со всех сторон текут в карманы ручьи твердоконвертируемой валюты? А вывел его в люди мой папанька, благодетельствовал, можно сказать. Так что привыкай, Андрей Николаич. Не всем так везет, как тебе...

Конечно, после этого ему пришлось долго и старательно заниматься с ней любовью, как бы в порыве чувств. Он уже научился виртуозно симулировать порывы, когда этого требовал неровный Викин темперамент. Сегодня утром ей хотелось, чтобы все было быстро и грубо и как бы насильно, словно она монахиня, которую дикари-индейцы заманили в пампасы под тем предлогом, что они жаждут быть обращенными в христианство.

Но ради одного звонка от Ильи Цветкова Андрей согласился бы на все, что угодно, не только на такое в общем-то довольно приятное занятие, как удовлетворение чувственных Викиных фантазий.

Впрочем, фантазии были не так чтоб очень... Средненькие были фантазии, это Андрей уже давно понял. Потом, попозже, нужно будет дать ей понять, что он все же не электроаппарат для сексуальных развлечений, который он однажды увидел в московском секс-шопе.

При воспоминании об аппарате столичный и, конечно же, очень раскованный – никто не посмеет в этом усомниться! – журналист Андрей Победоносцев покраснел неровным морковным цветом, торопливо распахнул папку и стал быстро перебирать какие-то никому в данный момент не нужные бумажки.

Вот так с ней всегда, с этой раскованностью. Стараешься, стараешься, да и попадешь впросак. Как недавно в стриптиз-баре. Засунул красотке в трусики бумажку. Все вроде правильно. Но красотка почему-то взглянула на него, как на заразного, и вся тусовка потом пялилась на него, будто он вырядился в пиджак из магазина «Весна».

Только после третьей рюмки мужики, пригласившие его на стриптиз, сжалились и объяснили, в чем дело. Не могли сказать заранее, сволочи!.. Оказалось, что это стриптиз-бар такого уровня, где на засунутую им в прозрачные трусики аппетитно-новенькую зеленую бумажку можно купить разве что зубочистку, а девушки получают «чаевые» не в общем зале, а в «отдельных кабинетах».

Поди разберись, а ошибок, да еще таких грубых, тусовка не прощает...

Ах, как Андрей ненавидел эту тусовку! Всю целиком. Из этой тусовки он никого не знал настолько хорошо, чтобы ненавидеть именно этого человека. Он ненавидел их всех – неистово, яростно, безоглядно... Их – закормленных, устроенных, крепко вцепившихся в жирный кусок. Не то что остальные олухи. Некоторым эти куски перешли по наследству. Другие на них женились. Третьи, добывая их, в буквальном и переносном смысле закладывали душу дьяволу.

Они имели все, о чем Андрей только еще мечтал: замки в Ницце и дачи в Рублево-Успенском, джипы, любых, самых недоступных девок, яхты, виллы, конюшни и личные самолеты... И наплевать им на несправедливое устройство мира. Мир устроен ими и для них.

Вся остальная шваль, живущая на так называемые зарплаты и пенсии – кстати, никто не знает, что это такое? – и мечтающая купить к Новому году детям по шоколадке, существовала постольку, поскольку деньги, собиравшиеся в нескольких, всем известных карманах, все-таки кто-то должен был реально делать.

И – до ночных кошмаров, до дрожи в руках, до ломоты в искусственных голливудских зубах – Андрей Победоносцев мечтал стать одним из них. Тем, кого он так яростно ненавидел, – ведь они уже обскакали его, им теперь только вверх и вперед, а ему еще карабкаться, лезть, ползти, сбрасывая в пропасть слабых и зазевавшихся...

– Андрюш, проснись! – пророкотал голос положившего трубку Ильи Цветкова. – Утомился?

– Да нет, все в порядке, – торопливо выныривая из своих мыслей, отозвался Андрей.

Зря он так размечтался, да еще в кабинете большого начальника. Кто знает, что там у него на физиономии отражалось?

– ВЭГэ звонил, – многозначительно пояснил Цветков, называя самого большого телевизионного начальника всем известной корпоративной кличкой и тем самым как бы приближая Андрея к себе. Возможность произносить эти инициалы с видом некоей причастности к «самым верхам» дорогого стоила, и Андрей это оценил.

Пожалуй, Вика права – им теперь действительно придется с ним считаться.

– Так вот, Андрюш... – Илья постучал по столу немислимой красоты зажигалкой. – Ты что думаешь про свой эфир?

– А что? – насторожился Андрей.

А вдруг они вовсе и не собираются с ним считаться, а, наоборот, решили подложить свинью? Так сказать, испытать на прочность новоиспеченного тестя – прикроет или нет?

– Ты уже готовишь первую программу или еще нет?

– Ну, снимать еще не снимаю, и штат пока не утвержден... Да в чем дело-то?

– Я поговорил тут с Кириллом, – так звали генерального продюсера, который, по слухам, ничего не решал – этакий свадебный генерал, прикрывающий собой какую-то сверхсекретную

личность, реально управляющую первым каналом, – и мы решили: в январскую сетку ставим тебя на место Вешнепольского.

– Что?.. – переспросил ошарашенный Андрей. – Что?!

Ничего подобного он не ожидал.

Программа Ивана Вешнепольского была самой популярной политической программой на Первом канале, и выходила она по выходным, в самое что ни на есть лучшее время – после вечерних «Новостей». В отличие от многочисленных однодневок, она жила уже больше двух лет – срок для политической программы не просто большой, а грандиозный. Иван Вешнепольский, сгинувший несколько недель назад где-то на Кавказе, был как бы символом Первого канала, неподкупным – по крайней мере, с виду, ибо ни в чью неподкупность Андрей Победоносцев не верил, – компетентным, знающим, вызывающим безусловное, стопроцентное доверие зрителей. И он, Андрей Победоносцев, всего несколько месяцев читавший в эфире «Новости», может занять его место? Место всесильного, непобедимого, знаменитого Ивана?

– Я не очень понимаю... – начал Андрей, лихорадочно соображая, как именно ему следует реагировать на сообщение Цветкова. – А если Иван к тому времени отыщется?

– Не отыщется, – мрачно сказал Цветков.

– Почему? – глупо спросил Андрей.

– Потому, – ответил Цветков. – Н-да... Может, кофе выпьешь?

– Спасибо... – пробормотал Андрей, и Цветков, оттягивая момент объяснения, вызвал секретаршу.

– Кофе, – приказал он. – Моих сигарет и бутербродов, что ли. Ты с чем ешь? С колбасой, с рыбой?

– Все равно, – отозвался Андрей, понимая, что это вопрос «для плезуру». Он еще не дорос до того, чтобы заказывать бутерброды секретарше продюсера общественно-политического вещания.

Пока ждали кофе, Илья Цветков зачем-то внимательно изучал старую сетку вещания, а Андрей нервно курил.

Что-то здесь было не так. Если поставить на место программы Вешнепольского любую другую – например, из жизни слонов или о корейском фольклоре, – она моментально обретет невиданную популярность, просто в силу инерции зрительского мышления. Все давно привыкли включать телевизор именно в это время и именно на первой кнопке. Для Андрея возможность выхода вместо программы Вешнепольского – это даже не миллион по трамвайному билету. Это как если бы вдруг обнаружилось, что он побочный сын султана Брунея и папа перед смертью завещал ему алмазные копи и несколько нефтяных скважин...

Так не бывает. Таких предложений не делают просто так, даже если ты зять... своего тестя. Конечно, тесть – это немало, но тут есть что-то еще, это точно.

Что же?

И Андрею вдруг стало страшно. Так страшно ему было только раз в жизни – на катке. Его били одноклассники, и в какой-то момент он понял, что они забьют его насмерть. На счастье, пришел пьяный сторож с берданкой и разогнал их, но ужас, разлившийся в животе, собачий, нутряной страх, заполнивший все его существо, и обреченность, невозможность ничего изменить – ему с ними не справиться, остается лишь покорно ждать смерти – он запомнил до мельчайших оттенков. На всю жизнь. Ему никогда не отделаться от страшного воспоминания... Никогда...

– Ладно, Андрей, – сказал Илья Цветков, мешая в чашке сахар. – Скажем так: Вешнепольский пропал в очень подходящий момент. Ну, так совпало, понимаешь? Когда-нибудь он, конечно, найдется. Вешнепольский – не иголка в стоге сена и даже не собственный корреспондент НТВ. Он – фигура, а все фигуры рано или поздно возвращаются на свои места. Н-да...

Андрей затравленно смотрел на Цветкова, и ему казалось, что сейчас его будут убивать, как тогда на катке. Он чувствовал: Цветков произнесет еще две фразы, и деваться ему, Андрею Победоносцеву, будет некуда. Он влип – так, со всего маху, влипает в варенье жадная глупая оса, желающая в один присест наесться сладкого на всю жизнь. Она наедается, конечно. Но оставшаяся жизнь ее становится смехотворно короткой...

– Ты меня слушаешь? – спросил Цветков. – Ну так, значит. В своем первом эфире, сразу после Нового года, ты расскажешь зрителям, что мы решили продолжить дело принципиального и честного журналиста Ивана Вешнепольского. И потому начинаем новую программу. В этой программе мы будем так же объективно и глубоко, как Ваня, рассказывать, образно говоря, о «делах наших скорбных». А для начала мы покажем фильм, который Иван сделал накануне своего исчезновения и за который, мы уверены, он и поплатился. Понимаешь?

– Пока да, – согласился Андрей, неотрывно, словно загипнотизированный, глядя на ложку, которой Цветков зачем-то продолжал крутить в чашке.

– Потом ты поклянешься довести до победного конца расследование об исчезновении Ивана. Вот, собственно, и все. Дальше будешь просто время от времени клясться в любви к нему или что-то в этом роде...

Андрей Победоносцев, талантливый журналист и восходящая звезда Первого канала, ничего не понял.

– Ну и что? – спросил он осторожно. – Для чего это все?

Цветков швырнул ложку и воззрился на Победоносцева.

– Ты что, ни х... не понял, что ли? – как-то даже весело спросил он. – А?

Это было обидно.

– Да все я понял, – злясь и от злости обретая уверенность в себе, отрубил Андрей. – А можно посмотреть этот фильм, который Вешнепольский снимал?

Цветков довольно долго разглядывал Андрея, и невозможно было понять, что он хотел высмотреть на его лице. Андрей даже взмок немного под этим взглядом.

– Этого фильма нет и никогда не было, Андрюша, – сказал Цветков ласково. – Ты его сделаешь и поставишь в эфир. Ну? Понял, что ли?

Вешнепольского убрали, чтобы его именем подготовить небольшой общенациональный скандал. Результатом его должна была стать громкая отставка очень популярного в народе вице-премьера по делам национальностей. А уж дальше, после отставки, либо Матросская Тишина, либо место посла в теплой стране с берущим за душу названием «Тринидад и Тобаго». В «верхах» еще окончательно не решили.

Очевидно, Вешнепольский отказался копать под вице-премьера, молодого энергичного мужика, с которым, по слухам, дружил, а может, ему и не предлагали. Вице-премьер, активно занимавшийся миротворчеством, с разгону почти что затушил тлеющий в течение многих лет военный пожар. И просчитался.

Окончание войны вовсе не входило в планы экспортеров и импортеров оружия и марихуаны.

Все войны в истории человечества – может, за исключением тех, что велись за теплую и сухую пещеру, – приносили баснословные доходы тем, кто умел на них зарабатывать. В разные эпохи они велись под разными лозунгами – то крест, необходимый, чтобы обратить неверных в истинную Христову веру, то изгнание самозванцев, то чистота арийской расы... Война, пожалуй, самый доходный бизнес, куда там наркотикам и нефти...

Резвый вице-премьер, искренне считавший, что войну можно и нужно остановить, встал кому-то поперек горла. Еще одно усилие – и процесс было бы не остановить. «Процесс пошел» бы, как говаривал самый первый президент одной шестой части суши. Поэтому следовало быстро и ловко подготовить общественное мнение к отставке вице-премьера, а уж дальше –

перечисленные выше варианты. По усмотрению «верхов». Вешнепольскому доверяло процентов семьдесят россиян. Вице-премьера он наверняка не стал бы топить, а, наоборот, бросился бы спасать, и неизвестно, что бы из этого вышло.

Вешнепольского убрали, компромат на вице-премьера приготовили, выбрали время и человека, который всю эту чернуху бухнет в эфир.

За утопление вице-премьера в эфире полагались такие деньги, какие Андрею Победоносцеву не могли и присниться. Деньги переводились прямым счетом в швейцарском банке. Все солидно, как у больших.

– Ну теперь-то понял? – спросил Цветков со страдающей миной. Называть вещи своими именами ему было непривычно и неприятно. «Господи, навязали на мою голову еще и этого козла, – тоскливо думал продюсер общественно-политического вещания. – Цацкайся теперь с ним, разобъясняй очевидное, бери грех на душу...»

Бледный до зелени Андрей Победоносцев раздражал Цветкова.

«Думал небось, деньги тут просто так на всех сыплются, – распаяя себя, молча скрежетал продюсер. – Думал, к Вике в кроватку прыгнул, и все дела. Нет, дорогой, давай поработай продажной шлюхой, которую за деньги всякий купить может, ты же не Ванька Вешнепольский, ты же хлипкая, скользкая гусеница. Вон потный весь. Наверное, в сортир захотелось».

– Андрей, я понимаю, конечно, что все это для тебя несколько... неожиданно, – продолжал Цветков сердечно. – Но такова жизнь и таков мир, в котором мы живем. А ты теперь человек свой, доверенный. И поверь мне, старому и опытному волку, это немало. Со всеми подряд я, естественно, такие вопросы не обсуждаю. Материалы, из которых ты слепишь фильм про вице-премьера, я тебе поближе к делу покажу. Сейчас у меня их просто нет, – зачем-то соврал он – все давно было готово. – Нужно только сделать так, чтобы народ поверил, что это действительно фильм Вешнепольского. Ну, текст там, и все такое. Кто-нибудь из твоих гавриков напишет?

– Надо подумать, – постепенно выходя из транса, сказал Андрей. – Надо подумать хорошенько...

– Ну, подумай, подумай, – разрешил Цветков, испытывая жгучее желание швырнуть в своего собеседника чашкой с остывшим кофе. – Созвонимся тогда...

Андрей не сразу понял, что его выставляют. А когда понял, обрадовался чуть не до слез.

– Вике привет, – сказал Цветков ему в спину.

Победоносцев оглянулся. Илья сидел в кресле, по-прежнему развалившись, и в глазах у него была непонятная чернота. А в вальяжной позе привиделась Андрею расслабленность только что пообедавшей кобры.

«Это он меня схавал, – с опозданием понял он. – Ам – и нет меня...»

– Спасибо, – поблагодарил Андрей. – Обязательно передам.

– И скажи, что мы нормально поговорили, – все еще не выпуская жертву из своих когтей, добавил Цветков, наслаждаясь видом трясущегося лица, несколько минут назад еще очень даже гладкого и самодовольного. – А то она волновалась. Хотя я сам буду ей звонить, так что...

И он махнул рукой, отпуская Андрея на волю.

– Почему ты орешь как бешеный, я не понимаю! – Вика осторожно накладывала краску на дивной красоты ресницы. Время от времени она опускала руку с изящно изогнутой щеточкой и вглядывалась в свое отражение, становившееся с каждой минутой все совершеннее и совершеннее. Андрей метался по спальне, время от времени возникая и пропадая в зеркале, перед которым сидела Вика. – Чего ты так испугался, дурочка?

Андрей заскрежетал зубами.

Дурочка! Это невыносимо.

– Ты же все заранее знала! – заревел он. – И не предупредила! И не спросила у меня, хочу ли я ввязываться во все это дерьмо! Ведь сейчас я уже не могу отказаться!

– Не можешь, – с удовольствием подтвердила Вика, завинчивая тоненькую трубочку с тушью: очевидно, совершенство наконец-то было достигнуто. – А зачем тебе отказываться? Илюха сказал, сколько бабок за это положено?

– Я жить хочу, – почти застонал Андрей Победоносцев. – На эти бабки, конечно, можно устроить грандиозные похороны, но я-то хочу еще пожить!

– Поживе-ешь! – пообещала Вика. – Поживешь, мой зайчик. Кому ты нужен? Ты же не Ванька, которого все боялись, правда? Или в Набережных Челнах все до сих пор думают, что политику на Первом канале делают чистые душой работники пера и телекамеры?

Андрей вдруг перестал метаться и замер, во все глаза глядя на Вику.

– Набережные Челны-то тут при чем? – спросил он хрипло.

– При том, – ответила Вика, осматривая себя в зеркале. Осторожным пальчиком она нежно провела по своей щеке. – Тебе обратно захотелось, подальше от тягот московской жизни? Поздно, дурочка ты моя... ты же еще утром хотел карьеру делать. Или передумал?

Андрей молчал. Вика подула на пальчик и повернулась к нему:

– Привыкай, мой милый, нас с тобой ждут большие дела. Что Вешнепольский? Вешнепольский – это только начало. А поначалу всегда страшно. Ты еще выйдешь не только в генеральные продюсеры, но и в председатели совета директоров, Андрюша. С моей помощью, разумеется. И никто тебя не убьет. Этот вице-премьер – из молодых, да ранний – за своей спиной никого особенно не имеет, так что успокойся, пожалуйста. А как, ты думал, делаются деньги на политическом телевидении? Только так. Тебе кого-то «заказывают», ты его топишь и получаешь свои проценты. Даже не обязательно знать от кого. Зато как приятно – того сняли, этого убрали, а ты смотришь и знаешь, что твоими руками все сделано...

Андрей схватился за голову и тут же опустил руки: Вика смотрела на него очень внимательно, как только что на кисточку для ресниц.

– И не надо меня разочаровывать, Победоносцев, – проговорила она неожиданно жестко. – Мы еще только начинаем. Я понимаю, конечно, ты со своей короной привык мочалку жевать да голодными глазами на чужие «Мерседесы» пялиться. Отвыкай. Если хочешь чего-нибудь добиться, действовать надо! Знаешь, как мне трудно было своих убедить, что ты все сделаешь в лучшем виде? А не убедила бы – и денежки мимо носа тю-тю... Понял, зайчик?

– Значит, все это – ты, – пробормотал Андрей – скорее для себя, чем для Вики.

– Конечно, я, а кто же еще? – подтвердила Вика, снова принимаясь изучать себя в зеркале. – Ты – милый, симпатичный, удачливый журналистик. Журналюшка. Журналюнчик. Пора тебе на большую дорогу, иначе зачем мне все это? Ведущий пошлых «Новостей» в качестве постоянного мужа мне не подходит. Я могла бы иметь их два десятка. Так что – служи! Отрабатывай. А чтоб не трусил попервости, я тебе говорю точно – Вешнепольский пропал навсегда. Поиски его, как обычно, спустят на тормозах. Из окружения Глебова – так звали незадачливого вице-преьера – тебе никто угрожать не посмеет. Если будут какие-то накладки: в суд, например, какой-нибудь придурок подаст или еще что-нибудь, – тебя прикроют. А потом научишься так работать, чтобы никому ничего и в голову не приходило. Одевайся, милый, мы опоздаем...

Она прошествовала мимо Андрея, сияя ухоженным лицом, бриллиантами, немислимой красоты платьем. Он отшатнулся от нее в испуге.

Он еще не до конца осознал весь ужас случившегося. Конечно, он не откажется. Не посмеет. И... денег много. Жаль, если... того... мимо носа. Да у него никто и спрашивать не будет, согласен он или нет! Он должен отрабатывать свое место в Викиной постели, и еще место зятя, и еще множество всяких разных мест помельче, доставшихся ему вместе с Викой. Если он будет умненьким и покладистым мальчиком, денежки поплывут рекой, а если оши-

бется, прикрывать его никто не станет – врет любимая молодая супруга. Выкинут его и сделают вид, что не знают и никогда его не знали, и тут же быстренько подыщут кого-нибудь – из тех, кто идет сзади и готов в любую минуту столкнуться в пропасть Андрея, вырвавшегося вперед и закрывающего дорогу...

Еще вчера он, наивный, думал, что сам себе хозяин! Что Вика лишь придаст ему, энергичному и крутому парню, несколько дополнительных штрихов. Папа-начальник здесь подтолкнет, там поддержит, слева замолвит словечко, справа даст прямое указание. Только и всего. Он заберется на самую высокую вершину, а там будет видно – так ли уж нужна ему Вика или он вполне может обойтись без нее.

Идиот, тупица!

Итак, он займет место Вешнепольского, который, очевидно, давно гниет в какой-нибудь речке, сделает подложный фильм по подложным материалам, выдаст его в эфир вместе с подложным комментарием о причастности вице-преьера Глебова к беззакониям, творящимся на Кавказе. Вице-премьер, вполне возможно, сядет на несколько лет, Андрей же получит эфир в самое лучшее время и изрядную сумму денег.

А что будет, когда вице-премьер выйдет? Или он не выйдет? А если вернется Вешнепольский? Ведь прямо ему никто не сказал, что Вешнепольский там, откуда нельзя вернуться? Что тогда будет с ним, с Андреем Победоносцевым, милым и симпатичным журналюшкой – так, кажется, назвала его Вика?

– Дуся, ты собираешься? – крикнула любящая женушка из необъятного холла.

– Да! – отозвался Андрей, не осмелившись сказать, что ни на какую тусовку он сейчас идти не может – ему просто станет там плохо...

– Кстати, – проговорила Вика, появляясь на пороге. Она была в одной туфле, вторую осторожно, как драгоценность, держала в руке. – Я тебе советую самому этот фильм не клеить. Ну, который как бы Вешнепольского. Найди какого-нибудь козла, лучше всего безработного, и пусть он склеит, вроде по Ванькиным материалам. Конечно, его посвящать ни во что не нужно. Но если что – ты ни при чем, ты кино не делал, ты виноват только в том, что как следует не проверил информацию, которую тебе подсунул кто-то слева. С честными и неподкупными журналистами, которые стремятся донести до народа истину, такое бывает. Тебя простят...

– Да-да, – торопливо согласился Андрей, ненавидя трусливую фальшь в собственном голосе. – Конечно. Мы с тобой это еще обсудим, хорошо, Викуш?

Глубокой ночью, уже после того как он станцевал все ритуальные танцы и Вика, вполне им довольная, мирно посапывала рядом, он неожиданно придумал, как подстраховаться и прикрыть себя от возможных опасностей. Даже странно, что эта мысль не пришла ему в голову раньше.

Зачем искать кого-то, кто сделал бы за него грязную работу? Такой человек уже есть.

Похвалив себя за сообразительность, он попил на кухне воды – разумеется, из стеклянной бутылки, – на цыпочках вернулся в темную спальню и осторожно забрался под шелковое одеяло. Волнения и тревоги этого вечера наконец-то оставили его.

– Ну что, что? – торопила Лада. – Тьфу на тебя, Сашка, из тебя слова не вытянешь! Что такого-то?

– Да ничего, – зашипела в трубку Александра, – просто я не хочу это обсуждать, особенно по телефону. Я боюсь, он сейчас приедет, и мне будет стыдно...

– Что за глупости! – возмутилась Лада. – Ну ладно, ты его нам не показываешь, так хоть расскажи, как вы живете? Может, уже пора милицию вызывать?

– Нет, еще не пора, – терпеливо ответила Александра. – Когда будет пора, я скажу.

– Да, скажешь, дождешься от тебя такой милости, как же, – пробурчала недовольная разговором Лада.

Она уже минут двадцать пыталась добыть у Александры какие-нибудь сведения о ее новом муже, но Александра молчала, как партизан на допросе. И это было совсем на нее не похоже. Обычно все три девицы свободно обсуждали свои личные дела «на партсобрании», как назывались их коллективные разговоры по душам.

– Ну, хоть чего-нибудь расскажи! – жалобно попросила Лада.

Так получилось, что ни она, ни Маша не присутствовали на историческом бракосочетании Александры Потаповой и никому не известного типа «с турецким именем», как выразилась Машина тетка, узнав обо всей затее. Маша неожиданно слегла с каким-то ранним гриппом, пришедшим в Москву уже в ноябре, а могущественный Васятка увез Ладу с собой в Париж, где открывалась европейская художественная выставка. Александра «отдержала» все мероприятие в одиночестве, и теперь девчонки изнемогали от любопытства. Александра с ужасом думала, что будет, когда поправится Маша. Пока еще она была слаба, и бомбардировка по телефону шла в основном из Ладкиного района.

– Ну что тебе рассказать? – скучным голосом спросила Александра. – Я ведь уже сто раз говорила – ничего особенного не было. Подписала я какие-то бумаги сроком на год. Кстати, спасибо тебе за Александра Львовича. – Так звали юриста, который по Ладиной протекции и, как подозревала Александра, на Ладины же деньги консультировал ее по вопросам семьи и брака. – Очень толковый дядька, после того, как он просмотрел бумаги, я почувствовала себя гораздо спокойнее.

– Ну?

– Ну и все. – Александра потерлась внезапно зачесавшейся спиной о диван. – Потом нас в посольстве записали и... в загсе, ты ж понимаешь. Все как у людей.

– И ты с ним сразу переспала? – Ладино любопытство раздувалось, как воздушный шар над баллоном с гелием. Того и гляди лопнет.

– Сразу, сразу, – скороговоркой выговорила Александра. Обсуждать *эту* тему она решительно не могла. Стеснялась.

– Ну и как? – не унималась Лада. – Кто лучше, он или Победоносцев?

– Ладка, я тебя в последний раз прошу, заткнись, пожалуйста, а? Я тебе все расскажу, когда смогу. Сейчас – не могу. Ну хоть режь меня!

– Но он хотя бы не извращенец? – Лада, как профессиональный журналист, пыталась получить ответы на свои вопросы не мытьем, так катаньем. Но Александра тоже была когда-то профессиональным журналистом.

– Нет, – сказала она со всей холодностью, на какую только была способна в разговорах с Ладой. – Он не извращенец. Нормальный мужик, даже приятный. В *этом* смысле...

– В каком? – переспросила неугомонная Лада.

– В постельном, – пояснила Александра. – Ладка, если ты будешь так нахально ко мне приставать, я тебе его никогда не покажу, слышишь? А я тебя знаю, ты тогда просто подохнешь от любопытства...

Чем-то эта фраза напомнила Ладе прежнюю Александру Потапову, которую она знала с тех пор, как в первом классе их посадили за одну парту: маленькую Сашу в бантах и оборках и маленькую Ладу с короткой мальчишеской стрижкой и в юбочке, едва прикрывавшей попу.

Ладе казалось, что та Александра перестала существовать даже не тогда, когда ее драгоценный Андрей решил, что она ему больше не нужна, и, недолго думая, выбросил ее на помойку, а когда он женился на ней, преследуя свои гнусные цели... Встречая его в коридорах и барах «Останкина», она демонстративно отворачивалась, хотя Вика – Сашка этого не знала – и пыталась вызвать Ладу на дружескую беседу.

На беседу Лада не могла не пойти. Она сидела напротив Вики в полутемном уютном пресс-баре, покуривала, прихлебывала кофе и слушала Викины откровения о высокой и чистой

любви, посетившей их с Победоносцевым, о невозможности изменить течение жизни или, наоборот, дважды войти в одну реку...

Вот тут, на реках и течениях, все дело и застопорилось. К их столу стремительной походкой очень занятого человека подходил знаменитый Васятка, которого знали в лицо не только все журналисты, но и «простые россияне», как принято было писать в политических текстах.

Прижимая к уху мобильный телефон, он равнодушно кивнул Вике, подставил Ладе для поцелуя вкусно пахнущую одеколоном и офисом, чуть потемневшую от дневной щетины щеку и, закатив глаза, попилил ладонью по горлу, давая понять любимой, как его достали неотложные государственные дела. Лада с кокетливой торопливостью покидала в сумку сигареты и зажигалку и, прощепетав что-то вроде «пardon, нам пора», последовала за Васяткой к выходу.

В конце концов, не одна Вика умела режиссировать любительские спектакли...

После этого начальница от Лады отвязалась, признав в ней если не равную, то, по крайней мере, соотносимую с собой силу.

А хрена Победоносцева Лада просто не замечала. Ни в коридорах, ни в барах, ни в комнате «Новостей». Наверное, ему плевать было на ее презрение, но она ничего не могла с собой поделаться, опасаясь, что, если вдруг он заговорит с ней, она вцепится в его гладкую лоснящуюся харю и закатит такой скандалище, что уже никакой Васятка не поможет.

– Ладка, ты чего молчишь? – осторожно позвала Александра. – Обиделась, что ли?

– Конечно, – с готовностью согласилась Лада. – Конечно, я обиделась. Ты же мне не рассказываешь, каков твой новый муж в постели. И вообще, Потапова, как ты решилась переспать с чужим человеком? Ты же у нас образец высокой нравственности и моральной чистоты.

– Пожила бы ты с бабой Клавой, тоже была бы образцом нравственности и чистоты... – пробормотала Александра.

Но если честно, ответа на Ладин вопрос она не знала.

Когда Филипп позвонил ей и сказал, что согласен жениться, только если она будет с ним спать, она испытала сложное чувство. С одной стороны, ей вдруг стало противно и страшно, хотя, когда она так навязчиво предлагала ему себя и свою квартиру в придачу, ей казалось, что все будет легко и просто, – после всех бед мужчины для нее перестали существовать. С другой стороны, его намерения ей почему-то польстили.

Впрочем, понятно почему – она была уверена, что уж спать-то с ней он никак не захочет, а тут, поди ж ты, наоборот...

– Баба Клава тут ни при чем, – задумчиво сказала Лада. – Ее уже два года как нет, а ты все еще образец. Хотела бы, давно б загуляла...

Слушая вполуха Ладины рассуждения о жизни и любви, Александра думала о том, что уже скоро десять, а следовательно, вот-вот явится муж. За две с половиной недели она привыкла к тому, что он приезжает примерно в одно и то же время, а если задерживается, то всегда звонит. Недавно Александра с изумлением обнаружила у него мобильный телефон. Дорогая игрушка как-то выбивалась из его общего сиротского стиля, но попросить объяснений она не решилась. В конце концов, это вовсе не ее дело.

В замке деликатно щелкнул ключ, и Александру с ног до головы обдало ледяной волной.

– Приехал! – гиппопотамским шепотом сообщила она Ладе.

– Кто, турок? – заинтересовалась Лада. – Уже зашел, да? Ты где? На диване или на кухне?

– На ди... на диване, – выговорила Александра. Проклятая трусость! Наверное, она никогда не научится вести себя со спокойным достоинством.

– Я приехал, – негромко окликнул ее Филипп из прихожей. – Алекс!

Это чудовищное имя он дал ей еще на Викиной вечеринке и с тех пор так ее и называл. Алекс! Подумать только!

– Я здесь, – сказала Александра. – Лад, ты прости меня, я больше не могу разговаривать...

– Ты вполне можешь разговаривать, сколько тебе нужно, – сказал Филипп, услышав последнюю фразу.

– Он говорит, что можешь, – сообщила в трубку неугомонная Ладка. – Это он великодушие изображает, да?

– Нет, – сказала Александра, провожая глазами Филиппа, отправившегося в ванную. – Ему просто наплевать.

– На тебя?

– Ну и на меня, конечно, – быстро проговорила Александра. – Но я стараюсь при нем особенно не трепаться, все-таки квартирант...

– Он твой любовник, – сказала Лада отчетливо. – Любовник, понимаешь? Поэтому ты можешь разговаривать, он может разговаривать, все могут разговаривать! У вас совершенно равные права, юродивая! У него еще меньше, потому что он приезжий.

– Из Парижа, – напомнила Александра.

– А нам без разницы, – сказала Ладка. – Хоть из Вашингтона. Приезжий, он и есть приезжий. Ну ладно, не сопи, я тебя отпускаю на волю. Да, Сань, тебя что-то Света Морозова искала, это Ванькин редактор. Ну, я дала ей твой домашний телефон.

– А зачем, не знаешь? – быстро спросила Александра тихим шепотом. – Может, с Ванькой чего?

– С Ванькой все то же, – отрезала Лада. – И с Манькой. Нет, она про какое-то видео говорила. Ну, я думаю, она позвонит...

Положив трубку, Александра некоторое время посидела на диване, выжидая, когда Филипп выйдет из ванной.

– Ужин готов, – сообщила она. – Ты... будешь?

– Да, спасибо, – рассеянно сказал он, явно думая о чем-то другом.

Александра быстро постелила салфетку, как всегда делала бабушка, поставила тарелку и высокий стакан, плетенку с хлебом, вилку и нож.

– А ты? – спросил Филипп.

– Я не хочу, – соврала она. Сидеть с ним за одним столом было чертовски неловко. Во-первых, он совсем с ней не разговаривал, а во-вторых, это было слишком похоже на семейную жизнь с Андреем.

– Очень вкусно, – сказал он равнодушно. – Ты прекрасно готовишь.

– Спасибо, – поблагодарила Александра.

Деликатно щелкнул вскипевший чайник. Она насыпала себе растворимого кофе в кружку и залила кипятком.

– Я положил на твое пианино деньги, – вдруг сказал Филипп. – Мне не хотелось бы, чтобы ты покупала еду на свои. Да, я давно хотел спросить, ты водишь машину?

– Нет, – с удивлением ответила Александра. – У нас никогда не было машины. Нечего было водить.

– Тогда мы будем по субботам ездить на... базар вдвоем. – Он слегка запнулся перед словом «базар». – Это проще, чем таскаться каждый день по магазинам. А обедать вне дома, как я понимаю, у вас не принято.

– Может, где и принято, – сказала Александра несколько растерянно, – только денег очень много надо. А так – ходи хоть три раза в день.

– Понятно, – отозвался Филипп.

– А у тебя что, есть машина? – поинтересовалась Александра вежливо.

Он махнул рукой.

– Какая-то есть, – сказал он со странной усмешкой. – Для поездок на базар вполне подойдет.

Денег на пианино было довольно много, по крайней мере, так показалось Александре на первый взгляд. Взять их в руки она не решилась: вдруг он еще передумает или захочет оставить только часть – ей тогда будет стыдно.

– Пресвятая Дева, какой холод! – донеслось до нее из кухни. Александра заглянула туда. Филипп стоял, уставившись в темный омут московского сталинского двора. В стекле мутно отражалось его лицо.

– Не очень и холодно, – сказала Александра рассудительно. – Уже затопили. Было холодно, пока не топили. . .

Он повернулся к ней и внезапно захохотал, запрокинув голову и сверкая очень белыми, неестественно белыми зубами. Может, искусственные, как у Андрея?

– Что случилось? – спросила она осторожно.

– Ничего, – сказал он весело. – Ничего не случилось. Значит, сейчас не холодно, а пока не топили, было холодно? Замечательно!

Вот и пойми тут, о чем он говорит.

Как же они проживут целый год в одной квартире? Да она через три недели такой жизни взбесится. . .

Зазвонил телефон, и Александра кинулась к нему, как белогвардеец к последнему пароходу в Стамбул, отходящему от одесской пристани.

Звонила очень отдаленно знакомая Александре Света Морозова, работавшая у Вани Вешнепольского редактором.

– Ничего не известно? – первым делом спросила Александра, как только Света представилась.

– Что может быть известно, Саша? – с усталой досадой сказала Света. – Ничего не известно. Ждем, надеемся, только и всего. Надеемся, что жив. Может, и хорошо, что так долго нет никаких сведений. Труп. . . – она запнулась, – уже давно нашли бы, это же очевидно.

Совсем не очевидно, подумала Александра, но спорить не стала.

– Саша, мы готовим специальный выпуск программы. Он выйдет в эфир сразу после Нового года, по Ваниным материалам, – заговорила Света совсем другим, деловым тоном. – У нас лежит полным-полно видео, которое он приготовил к эфиру, и даже кое-какие письменные материалы. Из этого нужно собрать пятнадцатиминутный фильм. Сможете?

Александра быстро села на диван.

– Почему я, Света? – в полной растерянности спросила она. – Я уже не работаю почти два месяца, вы, наверное, не знаете. . .

– Про то, что вы не работаете, я знаю, – сказала Света деликатно. – Но сейчас дело не в том, работаете вы или нет. У нас просто физически некому этим заняться. Творческую группу расформировали сразу же, как только Быстров и Вешнепольский пропали. Я осталась фактически одна. Но я совсем не умею «делать политику». А вы пишете, насколько мне известно, очень похоже на Вешнепольского.

– Еще бы не похоже! – пробормотала Александра. – Конечно, похоже. Он же меня когда-то учил. . .

– Ну тем более! – с энтузиазмом воскликнула Света. – Конечно, это будет оплачено, и режиссер с вами будет работать.

– Я не знаю, – пробормотала Александра, опасаясь, что Ваниному редактору известны не все душераздирающие подробности ее биографии, а подводить человека под монастырь ей не хотелось.

– Это не имеет никакого отношения к Вике Терехиной, – жестко сказала вдруг Света. – И не будет иметь. Мы решили, что лучше всего сделаете эту работу вы. Вы дружили с Ваней, вы знаете его стиль, вы очень профессиональный корреспондент, и этого вполне достаточно.

– Я боюсь, что у вас будут неприятности, – призналась Александра.

– Не будут, – заверила ее Света. – Давайте встретимся послезавтра часов в двенадцать в пресс-баре. Я вас в лицо помню, а вы меня?

– Нет, – улыбнулась Александра.

– Ну, вот и славно, – заключила Света. – Пропуск-то вы хоть не сдали?

Филипп пребывал в ванной. Эта ежевечерняя и очень простая процедура почему-то занимала у него чудовищное количество времени, и свет за собой он никогда не гасил, так что, живи он в коммуналке, его в скором времени постигла бы участь Васисуалия Лоханкина, думала Александра. Пока он, как енот-полоскун, лил воду в ванной, у Александры было «личное время», единственное время за вечер, когда она чувствовала себя относительно спокойно – как смертник, которому в очередной раз отложили исполнение приговора.

Нервы – так говорила она себе.

Все дело в этих проклятущих нервах и еще в сильнейшем стрессе, который ей пришлось пережить, так формулировал ее состояние нанятый Ладкой психолог, навещавший ее первое время после катастрофы.

Через полчаса Филипп Бовэ выйдет из ванной, придет в спальню и упадет животом поперек дивана, нисколько не стесняясь своей наготы. Его кожа в скудном свете торшера всегда сияла просто неприличным здоровьем и не менее неприличным альпийским загаром. И вообще весь он был очень... приятный: широкий, плечистый, вкусно пахнущий. Пожалуй, даже нелепая прическа идеально ему подходила. Александра еще не встречала мужчин, которым бы шли длинные волосы, а Филиппа невозможно было представить с короткими. Конечно, он ниже ее ростом, но в постели это не имело никакого значения, а выходить с ним она никуда не собиралась.

Каждый вечер повторялось одно и то же.

С ужасом парализованного, оказавшегося на рельсах и уже слышавшего приближение поезда, она ждала минуты, когда оттягивать неизбежное будет уже невозможно и придется гасить свет, крепко-накрепко зажмуривать глаза и ждать этого первого, самого страшного прикосновения...

Не зря она ничего не могла рассказывать Ладке, хотя в былые времена на «партсобраниях» обсуждалось все, и с самыми мельчайшими подробностями.

Как же она его боялась!

Его неизменной и, как представлялось Александре, холодной вежливости, его телефонных звонков, его акцента, его бритвенных принадлежностей в ванной, его записных книжек, которые она не смела взять в руки и переложить. Ей казалось, что если уж Андрей, которого она любила, не смог ее вынести, то этого абсолютно чужого человека она должна постоянно раздражать.

Почему-то он благодарил ее за ужин. Почему? Может, он смеется над ней?

Александра старательно выискивала истинную причину его благодарности и вежливости по отношению к ней и никак не могла ее найти. На первый взгляд все – лучше некуда, просто образцово-показательный брак. Но... деньги? Зачем он предложил ей деньги? Чтобы потом упрекнуть в том, что она живет на чужой счет? Или обвинить в воровстве? Все возможно. Александра в этом уже убедилась. Ведь уволили же ее с работы «за хулиганство». А зачем он предупреждает ее, когда задерживается? Боится застать у нее другого мужчину?

Но это уже настоящая паранойя. И самое грустное – Александра прекрасно сознавала, что это паранойя, однако ничего не могла с собой поделать.

Хуже всего то, что ей нравилось спать с ним. Понравилось с самого начала и с тех пор нравилось все больше и больше. Это было совсем не так, как с Андреем, которому она «вверила

себя» на всю оставшуюся жизнь и должна была быть довольна всем, что бы он ни делал. С Филиппом все было проще, ярче, естественнее.

Как будто он брал ее с собой в волшебную страну, окруженную Великой пустыней и Кругосветными горами. В этой стране не было никого, кроме них двоих, не было проблем, не было неразрешимых вопросов и чудовищных ответов. В этой волшебной стране она была... нужна. Там она оправдывала любые, даже самые смелые ожидания, там она была свободна, легкомысленна и ни за что не отвечала. За все отвечал Филипп.

К этой стране было очень легко привыкнуть, и поэтому Александра всякий раз боялась предлагаемого путешествия. А вдруг в следующий раз он не захочет взять ее с собой? Или она ему наскучит? И что будет с ней потом, когда он уедет, если она к тому времени приживется в волшебной стране настолько, что не сможет без нее обойтись?

Скорее всего он сам не придавал никакого значения их отношениям и был бы очень удивлен, если бы узнал, какие нагромождения Александра возвела вокруг такой простой житейской вещи, как секс.

Вода в ванной перестала течь, и Александра, повыше натянув одеяло, заставила себя думать о другом.

Звонок Светы Морозовой разрушил хрупкое равновесие, которое она так старательно выверяла в последние недели.

Неужели она сможет вернуться на работу, хотя бы временно? Неужели кто-то вспомнил о ней, когда понадобилось доделать Ванин фильм? А вдруг сложится так, что она и дальше будет заниматься любимым делом?

Александра снова и снова вспоминала телефонный разговор, старательно ища подвох, и не находила его. Вроде бы его и не было.

Правда, что-то смутно тревожило ее, какая-то мысль билась в подсознании, но она никак не могла ухватить ее. Раньше, когда был Андрюха, можно было бы посоветоваться с ним, а сейчас советовать не с кем. Ладка, конечно, скажет «вперед и с песней», ей все равно, лишь бы деньги платили, Маша в их работе ничего не понимает.

В глубине души Александра знала, что согласится. Вдруг это и есть тот шанс, которого она ждала, о котором грезилась по ночам, страстно мечтая совершить что-нибудь невиданное, огромное, потрясающее воображение! Не упускать же такую возможность, хотя то неуловимо тревожное, что было в разговоре, по-прежнему смущало ее. Может, все дело в расхолодившихся нервах?

Скорее всего так.

И все же она продолжала сосредоточенно перебирать все детали разговора, и, когда Филипп вышел из ванной и упал животом на одеяло, она пристально смотрела в стену, и лицо у нее было бледным от напряжения.

Филипп с трудом втиснул свою побитую во всех империалистических войнах «девятку» в крошечный кусочек свободного пространства у какого-то ярко освещенного магазина. В магазин и из магазина валом валит народ, и это позволяло надеяться, что здесь можно купить все необходимое, не тратя время на бесконечные заезды в муниципальные булочные и молочные.

Внутри магазин был вполне европейским. Из дивной красоты витрин лился неземной матовый свет. Сыры были круглыми и желтыми, как и полагается сырам, куски мяса – сочными и аппетитными, фрукты – жизнерадостными и глянцевыми, как на рекламной картинке. Пирожные в легкомысленных кружевных салфеточках хотелось немедленно съесть, а потом еще облизать пальцы.

Усмехаясь, Филипп покатил свою тележку между рядами, высматривая знакомые коробки и банки. Наверное, ему придется все-таки взять продукты на себя. Три дня он ждал, что Алекс возьмет оставленные им деньги, но они так и продолжали лежать на пианино.

Очевидно, эта сумасшедшая решила: если он сказал, что в субботу они поедут на базар, значит, до субботы она не должна до них дотрагиваться. Очень на нее похоже.

Интересно, на что она живет?

С утра до ночи она писала какие-то статьи. Если он правильно понял, эти статьи ей заказывали ближние и дальние друзья и подруги, нахватавшие работы, с которой не успевали справиться. Она писала за них, они ей что-то платили, а потом публиковали под своими фамилиями.

Интересно, что можно на этом заработать? Ему казалось, что очень мало.

Каждый вечер, во сколько бы он ни приехал, его ждал накрытый льняной хрустящей салфеточкой стол с тяжелой фарфоровой тарелкой и высоким стаканом. Эта салфеточка, каждый день свежая, и тяжелый фарфор, и серебряные приборы кое-что рассказывали ему о ней, и он уже не мог бы сказать, что совсем ничего о ней не знает.

Странно, но она начинала по-настоящему нравиться ему.

Она все время пряталась от него. Он был уверен – чтобы не мешать ему. Хотя чему, собственно, она могла помешать, если он добирался до дома часов в десять вечера? По телефону она говорила приглушенным голосом, как будто из-под подушки. Однажды он даже специально зашел в спальню, чтобы посмотреть, – может, и вправду из-под подушки. Она говорила, сидя на полу, за диваном, и вся так и вскинулась, когда он вошел. От неожиданности он пробормотал по-французски какое-то извинение и быстро ретировался, прикрыв за собой дверь.

Она ужасно, чудовищно его стеснялась, как семнадцатилетняя девочка, а не вполне взрослая женщина, да еще побывавшая замужем.

Свою первую ночь с ней Филипп вспоминал со смесью какого-то истерического веселья и удовольствия.

Конечно, свет был погашен в первую же секунду и плотно задернуты толстые шторы, очевидно, служившие для затемнения еще во времена Второй мировой войны. Конечно, она тряслась, как внезапно схваченный за уши заяц, который за секунду до этого мирно поедая морковку, не догадываясь об ожидающей его участи – «худшей, чем смерть», как писали в каком-то готическом романе, где героине тоже предстояла ночь с мужчиной. Конечно, она продолжала называть его на «вы», чем ужасно его веселила.

Но все последующее удивило многоопытного Филиппа Бовэ. Временная московская жена оказалась пылкой и нежной, как искрящееся вино в ледяном бокале. В какую-то минуту она вдруг забыла, что должна стесняться и трястись, и превратилась в живую, чувственную и неопытную девушку, остро реагирующую на все его прикосновения и ласки.

Должно быть, ее муж был просто больной, решил Филипп, когда она наконец уснула и он смог снять затемнение и зажечь торшер. Он довольно долго рассматривал ее, привыкая. Ему тоже необходимо было свыкнуться с мыслью, что теперь она будет спать у него под боком и что это именно она, та, которую он встретил на вечеринке в свою первую неделю в Москве и вслед которой смотрел, прямо физически ощущая, что должен забрать ее себе.

Теперь, вспоминая о ней по дороге домой или, очень редко, среди дня, он с удовольствием предвкушал, как вернется в ее квартиру, где его будет ждать льняная салфеточка на столе, горячая еда и целая ночь с ней вдвоем под толстой и легкой периной...

Филипп расстегнул куртку. Почему-то в этом магазине вдруг стало чертовски жарко. И все полки с банками и коробками остались, оказывается, далеко позади, а он глубокомысленно и уже, наверное, давно изучает стенной холодильник с мороженым.

– Вам помочь? – спросила из-за плеча продавщица.

– Нет, спасибо, – ответил Филипп по-французски, чтобы отстала, и улыбнулся ей лучезарной улыбкой.

Пришлось возвращаться и делать второй заход, не позволяя мыслям вернуться к Алекс. С тележкой, доверху наполненной едой, он скучал в очереди к одной из многочисленных касс, когда неожиданно услышал восклицание, явно обращенное к нему:

– Филипп! Филипп, это вы?

Он оглянулся, выискивая московских знакомых, и неожиданно обнаружил прямо перед собой... Вику Терехину и Андрея Победоносцева.

Вика сияла ему навстречу зубами, косметикой, голубой норковой шубой, а высившийся за нею Андрей, глядя на Филиппа сверху вниз, рассеянно вспоминал, кто это.

«Пресвятая Дева Мария», – в приступе острой жалости к себе подумал Филипп.

– Вы меня не помните? – искрилась дружелюбием Вика. – Меня зовут Вика, – перешла она на английский.

– Кто это, Викуш? – пробасил сверху Андрей.

– Ах, боже мой, один французик, из «Фигаро» или еще откуда-то, – нетерпеливо ответила Вика. – Ты вряд ли его помнишь, он однажды был у меня в гостях. Привет, Филипп! – опять перешла на иностранный язык Вика.

– Привет! – тоже по-английски идиотски-радостным голосом отозвался Филипп.

– Гуд ивнинг, – старательно выговорил по-английски Андрей.

– Кстати, Катька мне рассказывала, что он женился на твоей бывшей. И вроде живет в ее квартире.

– Что-что? – переспросил Андрей и посмотрел на Филиппа с внезапно пробудившимся интересом.

– А что? – развеселилась Вика. – Или тебе не нравится последователь идей чучхе, великого корейского вождя и учителя? Давай спросим, а? Умираю от любопытства...

– Как-то он не очень... – сказал Андрей, оценивающе глядя на Филиппа. – Мелкий какой-то. И в очках...

– А хвост-то, хвост ты видишь? – наподдала со своей стороны Вика. – Хотя твоя бывшая такая дура, что ей все равно, наверное.

Филипп улыбался все менее старательно.

– Послушайте, – обратилась к нему Вика опять по-английски, и Филиппу пришлось сделать внимательное лицо. – Это правда, что вы... что вы... женились на Александре Потаповой? Она... она... – Английский перетек в русский: – Работала у меня, понимаешь, туземец?

Филипп кивнул довольно холодно: ему надоело изображать Петрушку перед двумя этими типами.

– Ну и что он кивает? – с интересом спросил Андрей. – Что понимает или что женился?

– А черт его знает, – радостно отозвалась Вика. Ее очень веселила мысль, что она может говорить этому человеку в лицо любые гадости, а он все равно не поймет ни слова. – Is it true? Правда?

– What? – спросил Филипп, притворяясь, что ничего не понял, и колесом тележки наехал Вике на ногу.

– Черт! – вскрикнула она так, будто он по меньшей мере оттяпал ей палец. – Вот сволочь неуклюжая!

– Вик, не расходись, – предупредил Андрей. – Может, он отдельные слова понимает.

Филипп опять развеселился.

Надо же, какой деликатный мужчина: заботится о том, чтобы не оскорбить тупого иностранца. И вообще вся эта сцена была до невозможности смешна, вместе с Викиным английским, репликами, которыми они перебрасывались между собой, и – самое главное! – его нелепая попытка отомстить с помощью магазинной тележки.

К счастью, подошла очередь в кассу, и Андрей с Викой, покинув Филиппа, двинулись вперед, а он остался за сверкающей перекладной турникета.

– Проходите, пожалуйста, – пригласила кассирша, и Филипп толкнул свою тележку вперед.

На выходе из магазина кто-то брал у Вики автограф, собралась небольшая толпа, охрана нервничала, девушки, продававшие почти у самых дверей шикарные заморские букеты, вытягивали шеи. Вика сияла. Андрей был мрачен.

«С чего бы это? – подумал Филипп. – Ревнует? Завидует?»

– Сто тридцать девять долларов, – объявила кассирша. – Будете платить наличными или карточкой?

– «Америкэн Экспресс», – возвращаясь с небес на землю, вежливо сказал Филипп. – Подойдет?

– Конечно! – Кассирша засияла привычной леденцовой улыбкой.

Он расписался и покатил свою тележку на улицу. Ему даже в голову не пришло вынуть из пакета чек на эти сто тридцать девять долларов. Но если бы он только мог себе представить, что подумает его жена, сгружая в холодильник еду, купленную на сумму, которую она зарабатывала примерно за целый месяц, он бы не просто выбросил чек – он бы сжег его, а пепел для верности съел...

Бросая машину в пучину вечно перегруженного Лубянского проезда, Филипп, конечно же, не заметил припаркованную на другой стороне у фотоателье бежевую «шестерку», хотя «шестерка» провожала его сегодня по всей Москве.

– Двадцать один семнадцать. Вышел из магазина «Седьмой континент», – сказал водитель «шестерки» в диктофон, вглядываясь сквозь снежную пелену в очертания старой «девятки», номера которой он знал так же хорошо, как собственное имя. Потом он кинул диктофон на свободное сиденье и с тяжелым вздохом двинулся следом.

Материала оказалось так много, что Александра даже приблизительно не представляла себе, когда она его разберет. Одних тридцатиминутных кассет было штук двенадцать, и на всех одно и то же: война, огонь, трупы... Совещались какие-то военные – то в самолетах, то в землянках, то в низеньких, усланных коврами, очень нерусских комнатах. Тяжелые грузовики лезли в горы. Ооновские машины с сине-желтой эмблемой полукругом стояли около каких-то полуразвалившихся зданий. Кое-где в кассеты были вложены сопроводительные бумажки, расписанные по минутам – на какой минуте что. С этими кассетами было проще. Но как разобраться с остальными, Александра просто не понимала.

Ванькины тексты, о которых Света Морозова сказала, что они «почти готовы», никакой ясности тоже не добавляли, ибо состояли из обрывочных предложений, начатых и брошенных заметок, без дат, без выводов, без ссылок на видео.

Словом, работа предстояла не то что гигантская, а прямо-таки чудовищная.

Кроме того, Александра, никогда не писавшая и не снимавшая военную тему, точки зрения Вешнепольского не знала. Следовало идти в архив, брать десятка три, а может, и больше Ванькиных программ и старательно их смотреть, вникая в его оценки политических и военных событий.

Была и еще одна сложность, очень мешавшая Александре. Приставленный к ней режиссер оказался молоденьким, глупым и амбициозным выпускником ВГИКа, который телевизионную камеру видел ровно три раза в жизни, а монтажом занимался и того меньше. Многоопытная Александра сразу поняла, что собирать весь материал ей предстоит вдвоем с видеоинженером – дай бог ему здоровья! – а мальчик-режиссер будет путаться под ногами, мешать и учить всех уму-разуму.

Первый день, когда она после двухмесячного перерыва приехала в «Останкино», ошеломила ее.

Ничего не изменилось. Здесь по-прежнему бурлила яркая, деловая, тусовочная жизнь. Все куда-то неслись и непременно опаздывали, терялись камеры и операторы, не хватало монтажного времени и приходилось воровать его друг у друга, ввязываясь в драки за лишние десять минут. На втором этаже главного корпуса заканчивались съемки новогодней программы, поэтому на всех лестничных площадках толпились и курили зайцы, гномы, феи, несколько бородатых Дедов Морозов, барышни из массовки в вечерних платьях, музыканты из оркестра во фраках и бабочках. Стойкий, как краска для волос «Белль Колор», табачный запах висел в коридорах, небольшая очередь толкалась у киоска, где разогревали пиццу, табличка «Вас здесь не стояло» красовалась на двери в приемную продюсера музыкально-развлекательных программ.

Весь этот, чуточку показушный, блеск жизни ошелолил отвыкшую от него Александру. Она забыла, какое здесь все особенное, но уже, поняла она с острой болью, чужое, не ее, потому что ей все время приходилось прятаться – она до смерти боялась встретить знакомых журналистов или Вику с Андреем.

Во время разговора со Светой в пресс-баре она воровато косилась на дверь, так что Света в конце концов спросила, не опаздывает ли она куда-нибудь. Александра уверила ее, что не опаздывает, но, притворяясь спокойной, продолжала сидеть как на иголках. Хорошо, что аппаратная, в которой предполагалось монтировать фильм, была в другом здании, напротив того, где в основном обитали новостные программы.

Александра засела за просмотр кассет в первый же день, и никогда раньше это в общем-то не слишком интересное занятие не доставляло ей такого удовольствия.

Это было не просто «возвращение к себе». Это был второй шанс, который милостивая и капризная судьба неожиданно ей подкинула. Она наслаждалась каждой минутой, проведенной в этой прокуренной комнате в кресле, с которого клоками свисала обивка, и нельзя было облокачиваться на спинку, потому что оно тут же заваливалось на пол. Видеомагнитофон гудел родным утробным басом, инженер в некотором отдалении зевал до слез, разгадывая кроссворд и стараясь не напоминать о себе, чтобы – не дай бог – не загрузили работой. Окон не было, а потому время суток и даже время года потеряли свою определенность: то ли на дворе день, то ли ночь, то ли осень, то ли зима... В соседней аппаратной за тонкой стенкой что-то в двадцатый раз с выражением говорил Михалков. Там «ловили синхрон», то есть с филигранной точностью вырезали из монолога одну необходимую для интервью фразу.

Под вечер пришло Лада и притащила Александре пластмассовый стакан с тепловатым, а точнее – прохладным кофе и пирог с мясом.

– Жри! – сказала она торжественно. – Очень вкусно.

В одну минуту Лада прогнала видеоинженера с насиженного места, отправив его покушать, сама взгромоздилась на стул и спросила строго:

– Ну, что тут у тебя?

– Конец света, – радостно сообщила Александра, хлебая кофейную бурду. – Ничего не понимаю. Завтра пойду в архив, посмотрю хоть, что он показывал. А то – лес темный.

– Здорово, – оценила Лада ее состояние. – И потому ты счастлива?

– Посиди дома, повой в потолок, а потом говори, – оборвала ее Александра.

– Знаю, знаю... – сказала Лада, рассматривая дырчатые потолочные панели. – Ты у нас несчастная страдальца, а я – ехидна. Что наш муж?

– Все хорошо, – ответила Александра.

– Наш муж объелся груш, – задумчиво произнесла Лада. – Машка, между прочим, совсем черная стала. Что за год такой, у всех трагедии...

– Я на него смотреть не могу, на Ваньку. Как вижу его на пленке, сразу перематываю, – почему-то шепотом сказала Александра. – Не могу...

– Как же ты работать будешь? – спросила Лада. – Тебе на него, как я понимаю, ближайший месяц придется день и ночь смотреть.

– Справлюсь, наверное. – Александра задумчиво покосилась на магнитофон. – Ты знаешь, мне кажется, он найдется. Не верю я, что такого мужика какие-то мудаки могли убить...

– Я его очень мало знала, – печально сказала Лада и закурила тонкую пижонскую сигаретку: она всегда курила не то, что все остальные. – Только в лицо. Ну, и здоровались в коридоре. Не знаю, что тебе сказать, Саш. Васятка тоже говорит – найдется. Просто цену набивают, потому и тянут так долго...

– К Мане нужно бы съездить. – Александра встала и сунула руки в карманы джинсов. – А то я со своими проблемами совсем от нее оторвалась. А ей на самом деле еще тяжелее, чем мне.

– У нее надежда есть, – задумчиво возразила Лада. – А у тебя нет.

– У меня нет, – согласилась Александра. – Это точно.

– Как бонапартист воспринял твой выход на работу, да еще с утра до ночи? – уже обычным своим тоном спросила Лада. Она не была ни распушенной, ни циничной, но, разговаривая подобным образом, проще жить...

– Не заметил, – сообщила Александра, с наслаждением откусывая от пирога. – Про «с утра до ночи» он еще не знает, но, думаю, когда узнает, тоже не заметит. Знаешь, Лад, он тут еды привез из «Седьмого континента» почти на сто пятьдесят долларов. К чему бы это, ты не знаешь?

– На сколько? – выпучила глаза впечатлительная Ладка.

– На сколько слышала, – подтвердила Александра. – Я думаю, может, он жулик?

– Говорила я тебе – не выходи за него! – воскликнула Лада. – А может, он не жулик, а миллионер?

– Это я миллионер, а не он, – отозвалась Александра. – По крайней мере, я больше похожа на миллионершу. Если б ты только видела, во что он одет...

– Я не видела! – отрезала Лада. – Ты же его в секрете держишь, как будто он принц Чарлз, а мы с Маней две герцогини и мечтаем его у тебя отбить.

– Да не в этом дело!.. – с досадой возразила Александра. И они замолчали.

– Поедем, что ли? – предложила Лада. – Девятый час. Я уже все материалы на эфир сдала, мне больше делать нечего.

– Поедем, – согласилась Александра.

– Тогда я за вещами схожу, а ты спускайся. Моя машина на той стороне стоит, почти у входа. Я сегодня рано приехала, мне хорошее место досталось...

Это была вечная проблема – в «Останкине» всегда негде было оставить машину.

– Странно, – внезапно решившись, сказала Александра, когда Лада была у самой двери. – Почему именно меня попросили смонтировать этот фильм? Что-то тут не так.

Лада обернулась, вопросительно посмотрела на подругу:

– Что «не так»? Что ты все время выдумываешь?

– Не могу понять, в чем дело, – призналась Александра. – То ли кажется мне, то ли правда я что-то упустила...

Почему-то интуиция на этот раз подвела Ладку Ильину.

– Когда кажется, креститься надо, – сказала она сердито. – У тебя просто нервное расстройство.

И ушла.

В холле у Александры развязался ботинок. Она нагнулась, чтобы зашнуровать его, а когда выпрямилась, прямо на нее шла Вика Терехина в голубой норковой шубе и высоких, до безупречных бедер, сапогах.

– Я что тебе сказала, дрянь паршивая? – подойдя вплотную, ласково спросила Вика. Александра даже попятилась от нее: не хватало только публичного скандала в переполненном вечернем останкинском холле. – Ты что, не поняла? – наступала на нее Вика. – Мне повторить? Я по два раза не повторяю! Что тебе тут надо? Что ты здесь делаешь? Тебя однажды выставили отсюда, еще хочется? Так я мигом организую!

Александра молчала. У нее пересохло во рту и сдавило горло.

– Здесь тебе не место! – Вика говорила спокойно, даже весело. – Здесь не место шлюхам, не умеющим держать себя в руках. Забудь про телевидение, дура, иди где-нибудь полы помой, в каком-нибудь вокзальном сортире! Там твое настоящее место. Поняла? Еще раз увижу – вышвырну из здания к черту!

Она обошла Александру, как неодушевленный предмет, и, обернувшись, добавила, как будто забила последний гвоздь в гроб Александры Потаповой:

– Сучка!

Александра выскочила на улицу, перебежала дорогу, добралась до Ладиной машины и только тут позволила себе заплакать.

Филипп разговаривал по телефону, а Александра без звука смотрела кассету с одной из программ Вешнепольского. В архиве ей дали десятка два обычных, непрофессиональных кассет, которые можно было смотреть на домашнем видеомэгнитофоне. Это ее очень обрадовало, потому что какое-то время не нужно было ездить в «Останкино», а следовательно, отпадала опасность встретиться с Викой.

Конечно, она придумала тридцать три достойных ответа, которыми при случае могла бы сразить Вику наповал, но отлично знала, что никогда ими не воспользуется. Слаба и труслива была Александра Потапова. Однажды, на экзамене по химии, она упала в обморок, и бабушка потом сказала, что она ведет себя «недостойно».

Филипп разговаривал по-французски. Александра не понимала ни слова и не понимала даже, о чем можно разговаривать так подолгу. В последнее время у него появилась такая манера: приезжая домой, он ужинал, садился на диван со своей щегольской мобильной трубкой и говорил, говорил... Александре страшно было представить, сколько денег у него уходит на эти разговоры.

Может, у него во Франции любимая, которая ждет не дождется его приезда? Спросить бы, но как-то неловко...

Он уезжал из дома довольно рано, около девяти, и приезжал в десять вечера. Чем он занимается целый день, Александра не представляла.

Ну какие особые занятия могут быть у иностранного журналиста в чужой столице?

Присутствовать на каких-нибудь встречах, брать интервью, скучать на популярных театральных постановках и толкаться в толпе возле Царь-пушки. Что еще?

Но этой программы явно маловато на двенадцать часов, да еще каждый день. Он не писал заметок, его лэп-топ большую часть времени простаивал закрытый. Что-то он на нем, конечно, делал, но к скорбному писательскому труду это, совершенно очевидно, отношения не имело.

Раз в неделю он привозил продукты, и все время на баснословные, по меркам Александры, суммы. По субботам уезжал на полдня, а вечером писал на компьютере какие-то факсы. По воскресеньям опять уезжал, только это называлось «в тренажерный зал», потом смотрел телевизор или приглашал Александру в театр. Когда она отказывалась, а она всегда отказывалась, не смея согласиться, хотя иногда ей очень хотелось бы куда-нибудь пойти, он уходил один и на своем не настаивал.

Это была очень странная, но очень спокойная жизнь. Как раз то, что Александру полностью устраивало.

С ее французским мужем было уютно и... предсказуемо. Она всегда знала, во сколько он придет и что будет делать. Он по-прежнему горячо благодарил ее за ужин, и никакого подвоха в этих благодарностях она не могла выискать. Занимаясь своими делами, он почти не обращал на нее внимания, но однажды починил древний утюг, который Александра умудрилась уронить с гладильной доски, налетев на нее по дороге в ванную.

Она боялась нарушить хлипкое равновесие, гарантировавшее ей в данный момент относительную безопасность. И еда, которую он привозил, тоже была очень кстати: в последнее время у Александры совсем не стало денег. Статьи она забросила, занявшись фильмом, а деньги за него обещали выплатить только к Новому году. Не на что было даже починить ботинки. Ноги в них сразу же противно сырели, а о том, чтобы попросить у Филиппа денег на новые или хотя бы на починку, не могло быть и речи.

Филипп попрощался традиционным «о'ревуар», которое Александра уже научилась различать, швырнул телефон в угол дивана, потянулся и потер красное уставшее ухо.

– Врубай звук, – велел он Александре. – Так же неудобно.

Измученная, она повернулась к нему и спросила:

– Где ты взял это слово?

– Какое? – не понял он.

– Ну... «врубай»...

Он хмыкнул:

– Когда-то на одной вечеринке московская журналистка что-то говорила мне про мой слишком правильный русский язык и неформальную лексику. Не помнишь?

– Нет, – соврала Александра.

– Я услышал это слово за бизнес-ленчем. Рядом кто-то сказал: «Врубай телефон, позвонить надо».

Почему-то Александра развеселилась.

– За бизнес-ленчем еще не такое услышишь, – заметила она. – Но всеми этими словами и выражениями нужно уметь пользоваться.

– Еще я выучил слово «братва», «сто пудов» и... как его... А, вот еще: «мимо рыла» и «это совсем не канаец», – похвастался Филипп.

Александра захохотала – он так старательно произнес всю эту чушь и был так откровенно горд собой, что она не выдержала.

– Я никогда не слышал, как ты смеешься, – сказал Филипп и посмотрел на нее как-то странно. – Тебе идет...

Она моментально закрыла рот, удивляясь, что так расслабилась и позабыла об осторожности, которой требовало его присутствие.

Он ничего больше не сказал, тем более что в этот момент громко затрезвонил телефон.

– Алло! – проговорил Филипп в трубку, и Александре показалось, что у него недовольный голос. – Это тебя. – Он протянул ей трубку и зачем-то ушел на кухню.

Проводив его взглядом, Александра сказала:

– Да!

– Саша, – просипел в трубке дрожащий голос, совсем незнакомый, – Саш, ты можешь прямо сейчас ко мне приехать?

– Кто это? – перепугалась Александра. – Кто это говорит?

– Саш, это я, Маша, – ответил голос. – Не пугайся. Но я тебя умоляю, если можешь, приезжай скорее...

– Мань, это ты? – переспросила Александра, не зная, что и думать. – Что случилось?

– Приезжай, – сказала Маша и повесила трубку.

Нажав знакомую с детства облезлую кнопку звонка, Александра прислушалась к тишине за дерматиновой дверью. Внутри у нее все мелко тряслось.

– Ну что? – негромко спросил Филипп.

Александра покачала головой. В подъезде старого дома было холодно и сыро, как в погребе. И пахло так же – плесенью, мышами и почему-то картошкой. В соседней квартире неожиданно залаяла собака, Филипп звякнул ключами от машины, которые держал в руках, и все опять стихло.

Александра позвонила еще раз.

Оглушительно бабахнула подъездная дверь, кто-то торопливо бежал вверх, перескакивая через ступеньки. Филипп посторонился, освобождая дорогу.

– Сань, это ты? – закричала Лада, не добежав до них одного пролета.

– Я, – отозвалась Александра. – Маня не открывает.

– Нужно еще раз позвонить, – спокойно сказал Филипп.

– Ну не открывает же! – в приступе какого-то необъяснимого ужаса выкрикнула Александра. Филипп подошел и сам нажал звонок. И долго не отпуская.

– Здравсте, – негромко проговорила Лада, когда он отпустил звонок. – Это вы Филипп?

– Я, – согласился он. – Филипп Бовэ. А вы Лада?

Она коротко кивнула, и все насторожились, потому что за дверью послышалось какое-то шепуршанье – будто пробежала мышь.

– Мань! – позвала Александра, почему-то уверенная, что подруга стоит с той стороны двери, прижавшись ухом к замочной скважине. – Это мы с Ладкой. И Филипп.

Загремел замок, звякнула цепочка, и дверь открылась.

– Быстрее! – прошипела Маша. – Быстрее заходите!

Все втроем они вломились в крохотную прихожую, и Маша моментально закрыла дверь. Снова прогремел замок и звякнула цепочка. Зажегся свет.

Маша стояла в дверях, прижав к груди желтые старушечьи кулачки. Глаза у нее были дикие.

– Что стряслось? – хрипло спросила Лада. – Что такое, Мань?

– Как хорошо, что вы приехали, – сказала Маша, и неожиданно ее затрясло. – Господи, какое счастье, что вы приехали...

– Да что случилось-то, дура? – заорала Ладка могучим прокуренным басом. – Я чуть инфаркт не схватила, когда ты позвонила, а Васятка, наверное, до сих пор меня в кровати ищет, не понимает, куда я делась!..

– Выпейте, – сказал Филипп, сунув Маше под нос невесть откуда взявшийся у него в руках стакан воды. – У вас есть какое-нибудь успокоительное?

Маша взглянула на него с печальным изумлением, а Лада пробормотала сердито:

– Успокоительное нужно мне. Мань, дай я пройду. И не трясись ты, как припадочная, умоляю тебя.

Расплескивая воду, Маша взяла стакан. Лада с грохотом что-то уронила на кухне и через секунду появилась в прихожей со склянкой в руках. Отобрав у Маши стакан, она сунула ей под нос склянку.

– Сначала это, потом то. Ну, залпом!

Маша покорно выпила и вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Давайте сядем, – предложил Филипп.

В комнате почему-то было темно.

– Ты что, в темноте сидела? – удивилась Александра. – Почему?

– Я боюсь, – прошептала Маша еле слышно. – Ужасно боюсь.

Филипп зажег свет, по-хозяйски взял Машу за руку и усадил в кресло.

– Меня зовут Филипп Бовэ, – сказал он. – Я муж вашей подруги.

– Я знаю. – Маша улыбнулась нервной улыбкой. – Это я придумала, что ей нужно срочно выйти замуж второй раз...

– За меня? – поразился Филипп.

– За кого угодно, – пояснила Маша.

– Я думал, – сказал Филипп с расстановкой, – что из вас троих сумасшедшая только моя жена. Но оказывается, я ошибался.

Лада хмыкнула одобритительно и плюхнулась на диван. Всем почему-то полегчало.

– Мань, ну давай, говори, в чем дело, – велела Александра.

– Вчера вечером, когда я шла с работы, меня остановили два каких-то типа. Сначала я думала, что они собираются меня ограбить. А у меня денег-то – сорок рублей... Потом... Один держал мне руки, а второй достал нож и сказал, чтобы я никуда не ходила и ни с кем не говорила. А то будет хуже. – Голос у Маши был безжизненный и как будто чужой. Александра коротко и глубоко вздохнула, не отводя глаз от ее лица. – Они разрезали на мне пальто. На такие длинные узкие полосы. Я могу показать. И сказали, что в следующий раз так же изрежут меня. И ушли.

Наверное, меняется погода, подумала Александра. Слышно, как ветер бьется о старые рамы.

– И что это значит? – пытаюсь скрыть беспокойство, сердито спросила Лада. – Куда ты не должна ходить? В аптеку свою? Или в бассейн, где ты фигуру улучшаешь?

– Я не знаю, – прошелестела Маша. – Но я всю ночь не спала и на работу сегодня не ходила...

– В милицию звонила? – спросила Александра.

Маша кивнула.

– Что они сказали?

Маша пожала плечами.

– Ну, Маня! – потребовала Александра, тоже начиная сердиться. – Ну что?

– Я знаю – что, – неожиданно подал голос Филипп, и все трое в недоумении уставились на него. Он как-то совсем выпал из их поля зрения. – Они сказали: «Мимо рыла». Или в данном случае уместнее: «Не канает»? Я правильно употребляю неформальную лексику?

Лада захохотала, Александра хихикнула, и даже Маша улыбнулась.

– Почти, – сказала она. – Почти...

– В общем, на работу ты не ходила, свет не зажигала, сидела и тряслась, а позвонила почему-то только в одиннадцать, – резюмировала Лада. – Ясненько...

– Я хочу, чтобы вы остались у меня ночевать, – строго и серьезно сказала Маша. – Я боюсь. Филипп, вы сможете вернуться домой один?

Филипп пожал плечами, вид у него стал недовольный.

– Давайте мы лучше заберем вас к себе, – предложил он, подумав. – Всем будет спокойнее, и ваша подруга сможет вернуться домой, к... Васятке.

– Из дому я никуда не поеду, – твердо сказала Маша. – Простите, Филипп. Считайте, что мы все трое сумасшедшие. И одна оставаться я тоже не могу...

Александра смотрела на Филиппа, не отрываясь, и Лада тоже уставилась на него круглыми немигающими глазами, как будто именно он принимал решение, как будто от него что-то зависело.

«Ничего от него не зависит, – сказала себе Александра. – Он совершенно чужой для нас человек. Даже странно, что он меня подвез. Андрюха бы ни за что ночью никуда не поехал, особенно к Мане...»

– Я совершенно уверена, что приступом нас брать никто не будет, – уже нетерпеливо добавила Маша. – Просто у меня... стресс. Я не могу сидеть одна. Вы меня понимаете, Филипп?

– Пытаюсь, – вежливо отозвался Филипп. – Алекс, я оставлю тебе мобильный. Если вдруг что-то произойдет, даже самое безобидное – пробки вылетят или телефон отключат, – немедленно звони в эту свою милицию и мне. Ты умеешь им пользоваться?

– Я умею, – заявила Ладка и подошла поближе, блестя глазами. – Где он, ваш мобильный? Филипп вынул из кармана нагретую трубку и положил на стол.

– Вы не оставляете мне выбора, дамы, – сказал он и скорчил смешную гримасу. – Придется уехать, хотя – бог свидетель! – лучше бы я остался.

Александра смотрела на него во все глаза.

– Я утром приеду, – робко сказала она. – До работы.

– Я тебя дождусь, – пообещал Филипп. – Пока, Алекс!

– Алекс? – пробормотала Маша.

– До свидания, Филипп, – громко сказала Лада. – Наконец-то мы с вами познакомились. Я даже рада, что все не так плохо, как мы предполагали.

– Ладка! – выкрикнула Александра.

– Все гораздо лучше, чем вы предполагали, – заверил ее Филипп. – Могу еще добавить, что все гораздо лучше, чем предполагал я сам. До свидания, дамы. Не забудьте запереть на засов городские ворота.

Он шагнул к Александре и быстро поцеловал ее в губы, обдав запахом дорогого одеколona, кофе и сигарет.

Александра как сидела, так и осталась сидеть. Вид у нее был слегка ошалелый.

– Что это значит? – спросила вернувшаяся из прихожей Маша. – Он всегда такой?

– Он первый раз в жизни такой, – пробормотала Александра.

– Санька, ты просто больная, он же классный! – завопила Лада. – Кажется, на этот раз мы не промахнулись. Как это ни странно.

– Что ты несешь? – перебила ее Александра. – Слушать тошно.

– Я даже готова ему простить, что он называет тебя Алекс, – торжественно объявила Лада. – Мань, а теперь садись и говори, в чем дело. Зачем ты его выставила?

– Девочки, – сказала Маша, – вчера какие-то бандиты изрезали мне пальто и велели никуда не ходить. А сегодня утром в почтовом ящике я нашла письмо.

– Господи Иисусе, какое еще письмо? – испуганно спросила Александра. – От кого?

– От Вешнепольского, – сказала Маша. – Сейчас я вам его покажу.

Это было даже не письмо, а коротенькая записочка, нацарапанная на мятом, в желтых разводах листочке из школьной тетради в клетку. Листок был свернут военным треугольником.

«Маня! – было написано на его внутренней стороне. Александра читала, держа листок близко к слабому свету торшера, а в ухо ей сопела Лада. – Я жив и скоро выберусь. В моем кармане, где беспорядок – ты еще постоянно меня за него ругала, – возьми желтый японский пакет и отправь по адресу. Будь осторожна. Я очень тебя люблю. Иван».

– Что это значит? – потребовала объяснений Лада. – Это его почерк? Ты точно знаешь? Маша кивнула. Александра перечитывала записочку, шевеля губами от усердия.

– Господи, он жив! – сказала она, поднимая глаза. – Мань, он жив!

Она даже взмокла от волнения.

– Как она к тебе попала, эта записка? – спросила Лада, забирая у Александры листок.

– Я пошла с ведром к мусоропроводу, – монотонно начала Маша. – Пошла потому, что услышала, как соседи вышли с собакой. Я целый день носа высунуть не смела, а тут услышала их и пошла. Пока я там ковырялась с мусоропроводом, какой-то мужик мимо прошел, я не обратила внимания. Марат прыгал как ненормальный. Марат – это соседская собака. Я к своей двери подхожу, а в ящике что-то лежит. Вот... записка...

– Ты точно помнишь, что, когда ты выходила, записки не было?

– Точно, Лад, – устало сказала Маша. – Конечно, точно. Да и какое это имеет значение? Я вытщила письмо, поняла, что оно от Вани, но искать того мужика не побежала, хотя он только что прошел вверх, следовательно, был еще в подъезде. Я перепугалась... И перепугалась еще больше, когда прочитала это письмо...

– А те, вчерашние... они, выходит, знали, что ты его получишь или уже получила... – пробормотала потрясенная Александра. – И предупреждали...

Лада деловито изучала тетрадный листок. Зачем-то она его понюхала и даже попробовала на зуб.

– Мань, у тебя есть еще какие-нибудь записки Вешнепольского? – спросила она, выплюнув катышек бумаги.

– Есть, – сказала Маша. – Он здесь сто раз какие-то тексты писал.

– Неси! – приказала Лада. – И какую-нибудь лупу или очки.

– Какую тебе еще лупу! – возмутилась Маша. – Тоже нашлась мисс Марпл. Я тебе говорю без всякой лупы – это Ваня писал. И мы должны решить, что делать дальше.

– Вот сейчас возьмем лупу и решим, – безапелляционно заявила Лада.

Александра прекрасно ее понимала.

Им было очень страшно. И еще страшнее оттого, что предстояло принять решение, от которого, возможно, зависела жизнь Ивана Вешнепольского, знаменитого журналиста, лучшего друга Александры Потаповой и возлюбленного Маши Вершининой.

Совершенно неожиданно для себя они попали в эпицентр каких-то непонятных и опасных событий, и теперь нужно было смотреть во все стороны, остерегаясь нападения, ждать подвоха, принимать ответственные решения, соблюдать конспирацию и ни в коем случае не ошибиться. Колоссальная ответственность! И не на кого ее переложить, не с кем ее разделить. Не было рядом с ними сильных и храбрых мужчин, говорящих низкими голосами: «Я все улажу!» Уладить все предстояло им самим. Вот только непонятно, *как* именно можно хоть что-нибудь уладить...

Поэтому Ладка разглядывала записку и собиралась сличать почерки, Александра все повторяла про себя: слава богу, что он жив, а Маша ходила по комнате с сухим иезуитским блеском в глазах и, кажется, понимала далеко не все, что ей говорили.

Пока Ладка подковыривала столовым ножом край старой складной лупы, которая никак не хотела открываться, Александра снова взяла записку в руки.

– Маш, а что это за карман? – спросила она, оглядываясь на подругу. – Вот тут написано: «... в моем кармане, где беспорядок – ты меня еще постоянно за него ругала...»

– Понятия не имею, – ответила Маша и опять принялась ходить из угла в угол. Отросшие волосы мешали ей, и она нетерпеливо заправляла их за уши. – Честное слово, Сань. Я целый день над этим думаю, ничего понять не могу. Что за карман? Что за пакет? Что за адрес?

– Мань, свари кофе, – приказала Лада, справившаяся наконец с лупой. – Сань, давай письмо. Ну-с, приступим!

Кофе сварился как раз к тому моменту, как Лада со стуком сложила лупу и сказала задумчиво:

– Пациент скорее жив, чем мертв. Вроде его почерк. А может, и не его...

– Не помогла лупа? – язвительно осведомилась Маша.

– Черт разберет эту лупу, – сказала Лада. – Вроде бы все похоже...

– ...и не похоже... – закончила за нее Маша жалобным голосом и водрузила в центр стола сахарницу. Шел первый час ночи.

– Кстати, ты зря иронизируешь, Мань, – сказала Лада, наливая всем кофе. – Если это подложная записка, то, даже если мы найдем этот пакет и куда-то его отправим, это будет означать, что мы действуем на руку врагу, только и всего.

– Ага, а вчерашние бандиты? Зачем они меня пугали, если это подложная записка? – выпалила Маша – очевидно, она давно уже над этим раздумывала. – Пугать меня есть резон только в том случае, если записка настоящая и пакет существует, и они боятся, что я его куда-нибудь отнесу.

– А может, они тебя для того и пугали, чтобы ты так подумала, – высказала предположение Лада. – Чтобы ты решила, что записка подлинная, нашла бы этот пакет и собственными руками навредила Вешнепольскому. Есть и другой вариант: ты находишь пакет, а они его у тебя отнимают. На улице. Им даже искать не придется, ты им его сама принесешь.

– Следующего раза я не переживу, – мрачно сказала Маша.

– Интересно, что там может быть, в этом пакете? Документы? Деньги? – не унималась Лада.

– Много денег в карман не положишь, – заметила Маша, продолжая ходить по комнате. – Документы, впрочем, тоже...

– Сядь, Мань, – попросила Александра. – Не мельтеши.

Маша боком присела к столу, зажав коленями худые безвольные руки.

– Значит, будем исходить из того, что записка настоящая, – задумчиво проговорила Лада. – Хотя до конца я в этом не уверена.

– Не уверена! – возмутилась Маша. – Может, тебе еще одну лупу принести?

– Давайте думать, девочки, – прекратила их спор Александра. – Мы должны найти пакет и кому-то его передать, а мы даже не знаем, где он может быть и как он выглядит. И не знаем, сколько у нас времени. Может, его уже совсем нет.

Они в молчании попили кофе. Грязный тетрадный листок лежал перед ними на столе.

– Ну, адрес или имя, очевидно, есть в пакете. Найдем пакет – узнаем, кому он адресован, – сказала Лада. – Но что это за карман? Где всегда беспорядок?

– Я не знаю! – в отчаянии воскликнула Маша. – Даже предположить не могу!

– У тебя есть его вещи? – спросила Александра.

– Да нет почти. Куртка и два свитера. Первым делом я посмотрела в карманах куртки. Там ничего нет. В свитерах нет карманов, но я и свитеры перетряхнула... – Маша чуть не плакала. – Это все совсем не то. Про что-то другое он пишет...

– Давай еще раз посмотрим, – предложила деятельная Лада. – Вдруг ты проглядела?

С видом праведника, по несправедливости обреченного на вечные муки в аду, Маша потащила в другую комнату. Лада пошла за ней, а Александра снова стала читать записку.

– Мань! – крикнула она. – А за какой беспорядок ты его ругала?

– Не знаю, – отозвалась Маша, появляясь на пороге. – Ни за какой. Я вообще его никогда не ругала. Я его люблю...

– Это мы знаем, – пробормотала Александра. – А почему пакет японский? Что за японский пакет?

– И про пакет не знаю, – повторила Маша с выражением глубокого отчаяния. – Он мне доверился, попросил помочь, а я даже не могу взять в толк, о чем он пишет...

И она заплакала.

Александра не утешала ее, прекрасно понимая, что утешить ее нечем. Нужно постараться понять, о чем идет речь в записке, и тогда прояснится хоть что-то.

Пришла из соседней комнаты Лада и сказала невесело:

– Ничего. Ни в карманах, ни за подкладкой, ни даже в свитерах. Ни-че-го.

– Что же это за японский пакет? – бормотала Александра. – Может, от фотографий? Мань, ты не помнишь никаких пакетов от фотографий? Они вроде бывают японские...

– Нет у меня никаких японских фотографий, – всхлипывая, с трудом выговорила Маша. – И своих фотографий он мне не показывал. Я видела только ту, что висит у него в кабинете, где

он с папой римским. Когда мы только познакомились, он приносил мне ее, хотел похвастаться. Я тогда решила, что он больной... – И Маша засмеялась сквозь слезы.

– А в квартире у него ты была? – сердито спросила Лада. Она всегда сердилась, когда чего-то не понимала или переживала слишком сильно...

– У него дом за городом, а не квартира, – сказала Маша. – Была, конечно. У меня даже ключи есть, хотя я никогда туда без него не ездила.

– Беспорядок... – пробормотала Александра. – Беспорядок... Кавардак, хаос, свалка, помойка, месиво, бардак...

– Ты чего, Сань? – с тревогой спросила Маша. – Ты о чем?

– Не мешай, – приказала Александра и даже глаза закрыла. – Я пытаюсь придумать, чем можно заменить слово «беспорядок». Что-то такое, мне кажется...

– Что? – шепотом спросила Лада.

– Сейчас, еще раз... Беспорядок, бардак, свалка, помойка, куча, мусор... Ах черт! – Она легла щекой на прохладную поверхность стола. Прямо перед ее носом было Ванькино письмо и пепельница с дымящейся сигаретой.

Что-то ускользало от нее, что-то такое, о чем она уже догадалась, но только никак не могла ухватить это, осознать... Нечто подобное с ней уже было. Совсем недавно в каком-то важном разговоре она точно так же пыталась выловить что-то очень существенное – то ли слово, то ли фразу, царапнувшую сознание, – и ничего у нее не получилось.

А сейчас?

Девушки сидели по обе стороны от нее, не смеядохнуть.

– Беспорядок, – снова забормотала она. – Грязь, мусор, помойка, свалка, бардак... Ах черт!..

Внезапно что-то прояснилось у нее в голове, будто расступился туман и горная вершина, только что казавшаяся неопределенным, расплывчатым пятном, обозначилась отчетливо и ясно.

Александра открыла глаза и выпрямилась.

– Что? – шепотом спросила Лада. – Что ты придумала?

– Бардачок, – торжественно и скромно, с осознанием собственной победы произнесла Александра. – Бардачок в машине. Мань, вспомни, был у вас разговор про бардачок?

– Бардачок?.. – растерянно переспросила Маша. – Кажется, был когда-то... И вроде действительно я ругалась, потому что он сунул туда ключи от дома и потом никак не мог найти. Мы выгребли оттуда всю помойку, и на самом дне оказались ключи...

– Вот! – заорала Александра. – Вот оно! Пакет в машине, в бардачке! Понимаете, тупицы?! Где его машина?

– Саня, ты гениальнейшая из женщин! – одобрительно завопила Лада. – Настоящий мастер работы со словом. Где его машина, Мань?

– В гараже, на даче, – сказала Маша. Происходящее она воспринимала с некоторым опозданием и недоверием.

– Ключи есть?

– Есть, кажется. – Маша оглянулась по сторонам, как бы в поисках ключей. – Они все на одной связке... Там и от гаража, наверное...

– Вот кто истинная мисс Марпл! – вновь провозгласила импульсивная Лада, но Александра, окрыленная своей победой, на грубую лесть не поддавалась.

– Маш, а у него одна машина? – спросила она, подумав.

– У него «десятка», не очень новая, и «Тойота», недавно купленная. Джип. Он все мечтал, что купит джип и поедет со мной в какую-то псковскую деревню карасей ловить и в бане париться...

– Только не рыдай, – предупредила Лада.

– Вот тебе и японский пакет, – заключила Александра. – То, что мы ищем, в бардачке, в «Тойоте». Если я не ошибаюсь, «Тойота» – это японская машина?

– Господи, как здесь пусто, – пробормотала Лада, сворачивая на проселок. Ее очаровательная ярко-красная «Хонда», очень похожая на нее саму, обиженно ревели, преодолевая раскисшую от вчерашнего снега дорогу. Кое-где стояли уже застывшие глубокие лужи, от которых капризная красавица «Хонда» шарахалась в испуге.

– Ваня говорит, асфальт на следующий год положат, – с заднего сиденья подала голос Маша. – Только он не хочет. Говорит, понаедут толпы «новых русских», будут по поселку носиться как полоумные...

– Это уж точно, – подтвердила Лада. – У Васятки на Рублевке знаете что творится? Просто конец света, а не зона отдыха.

Они старательно пытались болтать всю дорогу от Москвы до Ильинки, но у них это не очень получалось.

– Далеко еще, Мань? – спросила Лада, переваливаясь через очередную лужу.

– Нет, почти приехали, – глядя в окно, сказала Маша. – Вот сейчас направо и все время прямо. С правой стороны высоченный желтый забор.

– Жалко, что вчерашний снег растаял, – прокашлявшись, сказала Александра. Она сидела на переднем сиденье, стискивая на коленях рюкзачок, с которым никак не хотела расстаться.

– Почему? – спросила Маша.

– А помнишь, в фильме «Место встречи изменить нельзя»? Они там по снегу проверяли, подъезжал кто к булочной или нет...

– Заткнись, дура, – велела Лада. – Здесь тебе не «Место встречи...».

– Тормози, Ладка, приехали, – спохватилась Маша. – Вот он, желтый забор. А вон дом за забором. – Они смотрели на дом из машины, и выходить им не хотелось. – А вон с правой стороны гаражи с железными воротами.

– Они автоматически открываются? – спросила Лада и решительно отстегнула ремень.

– Пульт, конечно, есть, – подтвердила Маша, – но я не знаю, где он. Придется в дверь заходить, с участка.

Они немного помолчали.

Ночью все это казалось интересным приключением. И было не так страшно. Окрыленные победой над Ваниной запиской, они, конечно же, решили, что утром поедут на дачу, заберут из машины этот проклятый пакет, и дело с концом. А там – судьба покажет.

Александра позвонила Филиппу и тонким голосом соврала, что должна срочно ехать в «Останкино». Неискушенный в ее вранье, Филипп сразу же поверил и сказал, что тогда он не будет ее ждать и они увидятся вечером.

– А как же ты без телефона? – робко спросила она.

– Обойдусь, – сказал он равнодушно. – Только отключи его, чтобы не вводить никого в заблуждение.

Почему-то Александру это обидело, как если бы, уезжая на курорт, он оставил дома обручальное кольцо. Конечно, глупо обижаться на Филиппа, ночью притащившегося с ней к Мане и добросовестно поверившего в ее ложь о работе. Да и кроме того, он же... он же чужой человек. Потому на него нельзя обижаться.

– Мань, а нам обязательно отсюда заходить? – осторожно спросила Лада. – Нет калиточки поменьше?

– Есть, – объяснила Маша. – С той стороны дома. Правда, оттуда в гараж не заедешь. Но мы вроде и не собираемся заезжать, верно?

Да, ночью им все представлялось совсем по-иному. Не так, как сейчас. Открывшаяся их взору картина казалась таинственной и даже зловещей.

Пустынная поселковая улица. Ни звука.

Слышно только, как кричат в хмуром небе замерзшие галки и негромко, интеллигентно гудит отопитель «Хонды». За высоченным забором с резными фигурками просвечивают голые, сиротские ветви деревьев, а глубже, за деревьями, высится молчаливый необитаемый дом.

И им предстоит открыть дверь в это спящее царство, войти в него и даже побыть там некоторое время. Ужас! Лучше убраться отсюда и позвонить на Петровку.

– Ваня написал не на Петровку, – хмуро проговорила Маша. – Хотите, я одна схожу, а вы меня в машине подождете?

– Хотим, – заявила Лада, открывая дверь. – Давай доставай ключи, у меня мороз по коже дерет, я тут долго стоять не могу.

«Хонда» легкомысленно свистнула, докладывая, что она заперла себя на все замки и будет верно ждать возвращения хозяйки.

– Ах ты, моя умница, – обернувшись, сказала ей Лада.

На улице сильно похолодало, и хрупкий снежный наст лежал на жухлой, порыжелой траве. Он приятно хрустел под ногами, и на нем оставались четкие темные следы.

Калитка отворилась совершенно бесшумно, хотя Александра заранее решила, что она непременно должна заскрипеть.

– В дом не пойдем, – напомнила идущая в хвосте Лада. – Вдруг там менты камер каких-нибудь понаставили.

Они гуськом пошли по дорожке. Для того чтобы попасть в гараж, нужно было обойти дом справа и вдоль забора дойти до приземистого симпатичного строения из желтого кирпича, в котором Вешнепольский держал свои машины.

– Тихо как... – сказала Александра.

– Тут вообще замечательно, – отозвалась Маша, оглядываясь. Глаза у нее блестели. – Ваня говорит, детей мы будем растить здесь, а в школу возить в Москву.

– Вы их родите сначала, – буркнула Лада, – а уж потом повезете... Ты точно знаешь, какие ключи от гаража, а какие от машин?

– Точно, точно, – с досадой отмахнулась Маша, – сто раз уже говорила.

Подойдя к затейливой железной дверце, похожей на ту, что была за очагом в каморке у папы Карло, Маша стала возиться с ключами.

– Ванька-то какой затейник, – удивилась Александра. – Я и не знала... Забор у него со зверями, дверь с орнаментом...

– А в доме как красиво! – подхватила Маша, вставляя ключ. – Приезжайте, девчонки. Вот он вернется, и приезжайте. Будем пить шампанское, смотреть старые фильмы и валяться на диванах.

Дверь в темную глубину гаража тоже открылась беззвучно. Оттуда сразу потянуло холодом и специфическим приятным запахом машин. Маша боязливо оглянулась и сказала:

– Свет с правой стороны. Сейчас я зажгу...

Яркий желтый свет залил громадное выстуженное и почти пустое помещение. У гофрированных железных ворот дремал синий джип, а чуть поглубже сверкала полированными дельфиньими боками «десятка».

Александра шагнула внутрь, следом за ней протиснулась Лада.

– Мань, давай ключи от «Тойоты». Я лучше тебя открою. Ты не знаешь, он сигнализацию включает, когда машины в гараже?

– Вроде да, – сказала Маша.

– Вроде или да? – потребовала Лада, забирая у Маши ключи. – А то сейчас разорется на весь поселок...

– Открывай, – нервничая, прошипела Александра.

Машина доверчиво подмигнула фонарями, что-то невнятно произнесла, щелкнули замки.

– Открылась... – почему-то с удивлением прошептала Лада. – Кто полезет? Ты, Мань?

Маша осторожно приблизилась к джипу и потянула на себя дверь пассажирского сиденья.

– Я сейчас, – бормотала она, – я очень быстро...

Она нагнулась, заглядывая внутрь. Александра замерла, вытягивая шею.

– Черт! – вскрикнула вдруг Маша и отшатнулась, будто наткнулась вдруг на ядовитую змею. – Черт возьми!

Александра все поняла прежде, чем Маша успела объяснить, в чем дело.

Содержимое бардачка было выворочено и валялось на сиденье и на полу. Обшивка кресел и дверей распорота, из них во все стороны торчали клочья белого поролона. Коврики сбиты. С мясом выдрано зеркало заднего вида. Джип, такой благополучный и надежный снаружи, был совершенно искалечен внутри.

– Закрывай, Лада! – крикнула Маша. – Закрывай быстрее!

Она захлопнула дверцу и понеслась к «десятке», на ходу доставая из сумочки фонарь, который они все-таки догадались прихватить с собой. Добежав до машины, Маша трясущимися руками вытащила фонарь и быстро осветила внутрь.

Александра и Лада были уже у затейливой дверцы. Маша выключила фонарь и через секунду стояла рядом.

– Ну что? – спросила Лада.

– Все то же самое, – тяжело дыша, ответила Маша. – Бежим!

На улице оказалось светлее, чем думала Александра. Она выскочила первой и, пропустив девиц, навалилась на дверь, как будто за ними гнался людоед. Маша быстро и точно, с одного попадания, вставила ключ, замок повернулся, закрываясь, и они стремглав помчались по дорожке, огибающей дом, прямо к спасительной машине...

Наблюдатель был не слишком добросовестным. Кроме того, ему почти сразу надоело слоняться вокруг явно пустого дома, в который никто и не собирался приезжать. Он замерз, промочил ноги и мечтал не то чтобы согреться, а хотя бы покурить и переобуться. В машине у него были сигареты и сухие носки, и он с легким сердцем решил, что ничего не случится, если он на десять минут отойдет от этого проклятого дома.

– Ты чего?! – вытаращил глаза его напарник, когда он дернул запертую дверь машины. Легко ему тарашиться, когда он целый день продремал в теплом и сухом салоне, слушая кассету, на которой квакали грудастые девчонки, уверенные, что они поют.

– Носки переодеть, – мрачно сказал наблюдатель. – Заболею, к фигам...

Он вернулся к дому не через десять минут, а через двенадцать. «Вот козлы, – вяло сердился он на своих нанимателей. – Заказали пустой дом сторожить. Однозначно, козлы, блин...»

И вдруг краем глаза он неожиданно уловил какое-то движение на безмолвном участке. Совершенно уверенный, что за забор забежала очередная выброшенная дачниками собака, он не спеша повернулся и... остолбенел – там кто-то бежал, явно не собака. Это были люди, довольно много, – с перепугу он сразу не углядел, сколько именно. Они удалялись от него к другой стороне участка, а он даже не представлял, что ему делать.

Он был недобросовестный, не слишком умный и слишком молодой наблюдатель. Конечно, из его головы моментально вылетели все инструкции, которые ему давали, отправляя «на точку». Да он их почти и не слушал. Только думал, что все вокруг козлы...

Он еще раз растерянно посмотрел на людей с другой стороны забора, трясущейся от волнения рукой дернул «молнию» куртки и достал из-за пояса пистолет.

Никаких звуков Александра не услышала. Она просто бежала по мокрой садовой дорожке, зная, что спасение уже близко. Сквозь неплотные доски забора виднелся красный блестящий бок верной «Хонды». Что-то неожиданно и сильно дернуло ее за сумку. Не останавливаясь, она рванула ее на себя, и вдруг прямо перед носом увидела, как на мокром гравии дорожки появилась маленькая продолговатая ямка, потом вторая, потом еще одна...

– Пригнитесь! – не своим голосом закричала Лада. Или это была Маша?

В нас стреляют, поняла Александра, – совсем как в кино про бандитов. Вот до чего дошло.

Очень уж все обыденно. Тысячу раз видано и слышано – с экрана, конечно. Она даже не испугалась.

Калитка распахнулась и закрылась, с силой бабахнуло пружиной. Александра рванула переднюю дверь «Хонды» и услышала, как с другой стороны участка, визжа тормозами, к забору подлетела машина. Едва она, головой вперед, воткнулась в сиденье, Лада рванула с места. «Хонда» взревела, из-под бешено крутящихся колес полетела грязь. Александра оказалась наконец в сидячем положении, и желтый забор Ваниного дома стал стремительно удаляться в боковых зеркалах.

– Догонят, – сквозь зубы сказала Маша.

– Не догонят, – выкручивая руль, отрезала Лада. – У них машина с другой стороны, а у нас уже шоссе близко...

Колесо попало в выбоину, иностранная машина в испуге присела, задев за что-то днищем.

– Ну, давай, – просила ее Лада, – давай, ты же можешь... Не дай пропасть, маленькая...

Александра оглянулась. Бешено мчащийся назад переулок был необитаем. Не сбрасывая газа, Лада свернула влево – так резко, что машину занесло, потом вправо, и еще метров через пятьдесят они оказались на асфальте.

«Как это Ладка помнит, куда ехать?» – в удивлении подумала Александра.

– Ну все, хрен теперь догоните, – продолжала бормотать Лада. – На асфальте мы – сила, правда, девочка? Покажем козлам вонючим, какие мы с тобой быстрые, да, девочка?

Отчаянно сигналив и подрезая всех подряд, она вылетела сразу на середину многополосного шоссе и еще прибавила газу.

– Ладка, разобьемся... – прошептала Александра.

– До ГАИ, – словно отдала приказ Лада, не отрываясь от дороги, – до первого ГАИ едем так, а потом притормозим...

Гаишную будку они прошли на скорости девяносто и сразу за ней свернули на МКАД.

– Объедем кружок, – сказала Лада уже обычным, будничным голосом. – Никогда тебя не продам. – Она наклонилась и поцеловала «Хонду» в руль. – Ни за что. Ты моя хорошая!..

Потом она выпрямилась и в зеркало заднего вида осмотрела свой экипаж.

– Все живы? – поинтересовалась она. – Дайте мне сигарету.

– Я так и не поняла, чего мы побежали-то? – наверное, в двадцатый раз спрашивала Маша.

– С перепугу, – тоже в двадцатый раз хмуро отвечала Александра. – Ну, умны мы, конечно, очень, надо сказать...

– Я бы еще добавила – не по годам умны, – подхватила Лада.

Они не спеша ехали по средней полосе и, не переставая, курили. В машине висел плотный сизый туман, но окна они не открывали.

– Значит, нас ждали, – сказала Маша задумчиво.

– А может, и не нас, – возразила Александра. – Просто следили, и все.

– Ага, а стрельба? Зачем в нас стрелять, в идиотов? – спросила Лада.

– Ну, на нас же не написано, что мы идиотки, – рассудительно заметила Маша. – Они, может, думали, что мы не идиотки, а как раз очень умные.

– Были бы умные, догадались бы хоть кого-нибудь снаружи оставить, – буркнула Лада. – Для смеху. А мы, как стадо баранов, поперлись в гараж, потом рванули бежать...

– Не баранов, а баранок, – поправила Александра. – И не как стадо, а как сиамские близнецы, неразрывно связанные общей пуповиной.

– Мозги у нас связаны общей пуповиной, – заявила Ладка. – Ведь чуть не застрелили! Это сдохнуть от смеха можно... Охранник, наверное, был какой-то недоделанный.

– В общем, хочу я вам сказать, дамы, как нас называет мой муж Филипп Бовэ, – начала Александра, – вляпались мы в какой-то черный криминал, и как из него выбираться, я, например, не представляю.

– Это Вешнепольский ваш нас втравил, – буркнула Лада.

– Прекрати! – тут же взвилась Маша. – Тебя насильно никто не тащил. Сидела бы у Васятки на даче, смотрела телевизор...

– Ладно тебе, Мань, – примирительно сказала Александра. – Самое плохое, что мы так ничего и не сделали. Ясно, что пакета нет, кто-то забрал его раньше нас.

Лада посигналила грузовику и перестроилась в правый ряд.

– Нет, – задумчиво проговорила она, – они уверены, что пакет у тебя. Иначе не стали бы предупреждать, чтобы ты никуда не ходила и никому не звонила.

– Да кто эти «они»? – с раздражением спросила Александра. Этот вопрос мучил ее со вчерашней ночи. – И сколько их? Мы ж ни черта не знаем. Кто в этом задействован, в чьих интересах идет игра, как Ванькин плен связан с этим пакетом?

– Может, на Петровку пойдем? – предложила Лада. – Или в отдел по борьбе с терроризмом? Никто не знает, есть такой?

– И что мы там скажем? – спросила Маша. – Что Вешнепольский, которого «ищут пожарные, ищет милиция», положил мне в ящик письмо, совершенно бессвязное, но мы почему-то решили, что речь в нем идет о его машине, хотя речь о машине там вовсе не идет. Ну а потом мы приперлись без разрешения на его участок, влезли в гараж, машины почему-то оказались вскрытыми и изуродованными, а затем в нас кто-то стрелял, но доказательств тому никаких нет.

– Следы на дорожке, – вяло подсказала Александра. – Я сама видела.

– Я тебя уверяю, нет там никаких следов. Как только мы скрылись, они вернулись на участок и все там привели в первозданный вид. Нет следов и не было. Да никто и искать ничего не будет!

– Поговорить бы с кем-нибудь, кто в этом хоть что-нибудь понимает, – тоскливо сказала Лада. – Плохо наше дело, бабоньки. Домой, Мань, тебе никак нельзя. После нашего сегодняшнего налета на ювелирный магазин Бергера все, кто еще сомневался в нашей причастности к криминалу, наконец-то уверились, что мы в курсе всех дел.

– Что еще за ювелирный магазин Бергера? – спросила Маша.

– Метафора, – пояснила Александра, усмехнувшись.

– Я буду Атаманша, – объявила Лада.

– Я Шурка Бульдозер, – подхватила Александра.

– А Маня у нас типичная Манька Золотая Ручка. Облигация – это как-то затасканно, а вот Ручка вполне сойдет, – закончила Лада. – Ну, роли распределены, можно валить в «малину».

И все трое захохотали.

– Вряд ли они нас разглядели, – отсмеявшись, сказала Александра. – Через забор не перелезть, а в переулок за нами никто не выскочил. И... стреляли только из одного места. Правильно? То есть вряд ли это было широкомасштабное наступление.

– Все равно нас вычислить – раз плюнуть, – заметила Лада. – С кем Маня могла пойти на «дело»? Только с нами. Мань, тебе есть куда съехать на время?

– К тете Лиде, – беспечно махнула рукой Маша. – Скажу, что воды горячей нет или отопление отключили. Она рада будет до смерти.

– А вещи? – спросила Александра.

– С вещами надо бы что-то придумать, – поддержала ее Лада. – Хотя лучше бы там вообще пока не появляться...

– Господи! – вдруг схватилась за голову Маша. – Во что же мы влипли, девочки?

– В дерьмо, – коротко сказала Лада. – И хуже всего то, что мы даже точно не знаем, в какое именно.

– Да, домой нельзя... – начиная осознавать происшедшее, зашептала Маша. – Убьют... Но кто? За что? Пакет мы не нашли, значит, может, убьют и Ваньку. Если найдут меня, в одну минуту вычислят и вас. А потому встречаться нам нельзя. Господи, как же я боюсь!

Александра неожиданно заревела. Лада посмотрела на нее и тоже зашмыгала носом. Маша достала из кармана белоснежный носовой платочек и, уткнувшись в него, присоединилась к общему хору.

Ревели они долго и старательно, оплакивая свои загубленные молодые жизни.

– Что делать-то будем? – трубно сморкаясь, спросила Лада. – Думайте давайте. Не знаю, может, Васятке рассказать?..

– Какое отношение Васяткин МИД может иметь к кавказским и околокавказским разборкам? – засомневалась Александра. – Он же у тебя не криминальный авторитет, чтобы в этом соображать. Он просто госчиновник супервысокого уровня, вот и все. Ты его напугаешь до полусмерти, еще – не дай бог! – он тебя со страху бросит, на что ты тогда жить будешь?

– Васятка бросит, найду Грину, – отмахнулась Лада. – Это как раз не проблема. Но если не Васятка, то кто еще поможет?

– Да никто, – сказала Маша. – Об этом можно даже не думать. Никто никому не поможет. Сами вляпались, сами и вылезать будем. Ах, черт возьми, знать бы как...

Они решили, что Маша прямиком едет к тете и про квартиру в Потаповском переулке забывает до лучших времен. Что созваниваться они будут только из автоматов. Что с завтрашнего дня Маша ляжет с высокой температурой недели на три и, следовательно, в аптеке не появится. Что Лада стороной попытается навести Васятку на разговор о Вешнепольском – может быть, он слышал в своих верхах, кому понадобилось его исчезновение. Что про Ванькину записку и обстрел на участке они никому не скажут. Александра доделает фильм по его материалам. Может, что-нибудь прояснится из видеокассет. Хотя надежды мало. Самое плохое – что они не знают подоплеку дела, а пакет пропал.

– Надо искать, – мрачно сказала Александра.

– Где?! – чуть ли не с возмущением спросила Лада.

Александра вздохнула. Искать действительно было негде.

Они примолкли. Пора возвращаться в Москву и начинать жить по новым правилам. Но знать бы – по каким? Им до сих пор казалось, что все это какая-то глупая игра. Хорошо бы остановиться и сказать: «Я не играю» – и бежать куда глаза глядят, время от времени радостно подпрыгивая от ощущения собственной свободы.

Но... это не игра, и к этой мысли им еще предстоит привыкнуть.

«Бедная баба Клава, – подумала Александра с грустной усмешкой. – Кажется, на этот раз твоя непутевая внучка вляпалась по полной программе...»

Домой она приехала поздно, измученная всем пережитым, заплаканная и бледная.

– Ужасно устала, – сказала она Филиппу. – И сумку порвала.

Нужно же как-то объяснить сквозную дырку в рюкзаке, пока Филипп сам ее не обнаружил и не спросил, что случилось.

Но Филипп Бовэ не был наивным иностранцем. За свою жизнь он перевидал немало пулевых отверстий и, сунув палец в аккуратную дырочку, спросил себя, за кого принимает его дорогая супруга.

Едва за ней закрылась дверь в ванную, он вытащил телефон и набрал номер.

– Павлик, – сказал он по-русски, – ты можешь мне помочь?

– Ну? – спросила Вика. – И что дальше?

– Ничего, – бодро ответил Андрей. – Все отлично.

– Да ладно, не надо мне свистеть, ты не на летучке. Говори толком, что у тебя с эфиром, что с фильмом этого козла, Вешнепольского! А то что-то все волнуются. Время-то идет...

«Она не дает мне дышать, – с привычным пафосом подумал Андрей. – Просто невозможная баба. Истеричка, шлюха, ведущая – из рук вон плохая, журналист – никакой».

И самое главное, что больше всего его бесило, – она получила над ним абсолютную власть, ничем не ограниченную!

Как же это вышло?

Ведь все начиналось так хорошо, так романтично. Он, женатый на Александре Потаповой, как бы позволил себе влюбиться в Вику. Она страдала, требовала, чтобы он развелся... Он тянул и мямлил, а она сулила ему золотые горы, почти умоляла, почти унижалась...

А теперь что? А теперь он, как чеховский герой, вынужден жить с постоянной оглядкой, под неусыпным контролем и присмотром, ничтожный, маленький человечешка, взятый из низов для «облагораживания», которого нужно еще «поднимать до себя»...

То ли дело Александра – смотрела ему в рот, ухаживала и превозносила его. А что теперь?

– Дуся! – повторила Вика нетерпеливо. – Я жду.

Она покачивала ногой в лакированной туфле, на которой вспыхивал и пропадал отблеск огней тысячедолларовой люстры. Андрея это раздражало, но приходилось терпеть. Отчитываться. Служить.

– Я все уладил, – сказал он, морщась. – Фильм делается, к Новому году будет. Я попросил Светку, она его подсунула моей бывшей жене...

– Что?! – вскричала Вика и перестала качать ногой. – Твоей суке?

– Викуш, не сердись, – умоляюще сказал он. – Она не сука, а просто дура. Ей наплели семь бочек арестантов про то, что это имеет огромное значение для спасения Вешнепольского. Ну она и ухватилась за этот фильм. Говорят, из аппаратной сутками не вылезает...

– Ты что, – подозрительно тихим голосом спросила Вика, – видишься с ней?

– Нет, нет... – заспешил Андрей, стараясь потушить разгорающийся скандал. – Не вижу, конечно. Только иногда встречаю эту ее, Ладу, что ли. Но она меня не видит и не замечает. Отворачивается. Я считаю, это замечательная идея. Если что – после этого фильма мою бывшую на работу точно никто не возьмет!

– Но она там наклеит совсем не то, что нам нужно! – взвизгнула Вика. – Ты ублюдок, ты хочешь все дело испортить!..

– Да какая разница, что она там наклеит! – заорал Андрей, не в силах более сдерживаться. – Я потом все переклею... На это нужен день, ну, может, два! А пойдет все, как будто это она собирала. Ты же сама не хотела, чтобы она возвращалась на работу. Ну и успокойся, теперь она никогда не вернется! Все, нет ее, сдохла, пропала, утонула...

– А я-то думала, какого хрена она в «Останкино» таскается... – задумчиво проговорила Вика, забыв, что минуту назад чуть не билась в истерике. – Я ей сказала, пусть идет навоз возить, а она все шмыгает и шмыгает, мне девчонки рассказывают.

– Забудь ты о ней, – посоветовал Андрей, притворяясь, что заботится о душевном спокойствии супруги. – Она тебе не противник. И не соперница...

– Еще бы она была мне соперницей, дуся! – язвительно бросила Вика. – Нет, это и вправду хорошо задумано – прикрыться ее именем. Ты молодец, Победоносцев. И главное – благородно до невозможности: поставить в программу нечто, сделанное бывшей женой. И хорошо, и умно. Никаких личных претензий, все строго по-деловому... Дай я тебя поцелую, зайка. Мы далеко пойдем, это точно...

Они смачно поцеловались, думая каждый о своем. Но со стороны это выглядело очень мило.

– А Вешнепольский не вернется? – задал Андрей давно мучивший его вопрос.

– Нет, дуся! – игриво воскликнула Вика. – Ну, ты дурачок, ей-богу! Разве ребята, которые это затевали, совсем больные? Не-ет, дуся, они как раз здоровые. Только тебе еще нужно продумать, что сделать потом с твоей сукой. Ну, после эфира. Она ведь такая... непредсказуемая. Еще пойдет доказывать, что кино не ее...

– О боже! – простонал Андрей, бледнея, это не приходило ему в голову.

– Не переживай! – пропела Вика. – Придумаем что-нибудь!

Александр приснился кошмар. В последнее время они часто ей снились. И все очень похожие друг на друга.

В них Филипп почему-то гнался за ней по залу какого-то заброшенного аэропорта, где она должна была встретиться с Иваном и передать ему огромный мешок из-под сахара с напечатанными на нем японскими иероглифами. Мешок этот мешал ей бежать, она все время хотела его бросить, но знала, что нельзя... Потом в нее целился какой-то киллер с лицом Иисуса Христа и грустными глазами, которые говорили, что ему совсем не хочется ее убивать, но придется. Затем она оказывалась под столом в комнате «Новостей», и мусор из корзины сыпался ей на колени, а в щели между столом и полом она видела лакированные ботинки Андрея. Потом Иван тащил ее в машину, и у нее в руке был зажат тот злосчастный пакет с хлебом, из-за которого она тогда вернулась...

Плача, она села в постели.

За окном, за белой пеной кружевных занавесок, было совсем темно. Филипп не любил толстые портьеры, оставшиеся со времен бабы Клавды, и как-то так получилось, что Александра тоже постепенно от них отвыкла, теперь они редко их закрывали.

– Сколько времени? – спросил проснувшийся Филипп.

– Полшестого, – ответила Александра, перегнувшись через него, чтобы взглянуть на будильник. – Спи. Еще целый час можно спать.

– А ты? – спросил Филипп. – Опять что-нибудь приснилось?

«Еще как, – хотелось сказать Александре, – еще как приснилось...» Но она не могла обсуждать с ним свои проблемы. И теперь дело было даже не в том, что он «чужой человек». Просто это стало опасно. Как ни крути, она ничего о нем не знает, кроме того, что он ведет странную жизнь. А от ее молчания в данном случае зависела безопасность Лады, Маши и ее собственная.

Они теперь почти не виделись. По телефону общались ровно двадцать секунд, сообщая друг другу, что живы и здоровы. Лада с Васяткой опять улетела в дальние края, Александра не вылезала с работы, Маша успешно симулировала какую-то сложную болезнь и жила у тетки.

– Алекс, мне не нравится, что ты совсем перестала спать, – сказал Филипп в темноте. Голос у него был холодный. – Может, ты скажешь мне, в чем дело?

– Ни в чем, – поспешно отозвалась Александра, и он шевельнулся. В мертвенно-бледном свете уличного фонаря она увидела, что он повернулся на бок и подпер голову рукой. Очень смуглый, с длинными волосами – ну просто герой какого-нибудь героического американского сериала.

– Я не должен задавать вопросов, правильно я понимаю? – спросил он вежливо.

– Филипп, мне нечего тебе сказать, – заторопилась Александра, испытывая огромное искушение выложить ему все, разделить с ним ужас перед тем, во что они неожиданно влипли, и понимая, что делать этого нельзя. – Просто у меня очень тяжелая жизнь... Муж бросил, с работы выгнали, потом взяли обратно, но при каких-то странных обстоятельствах. Человек, о котором я делаю фильм, пропал. Я не имею права ошибиться с трактовкой его материалов, потому что, во-первых, он знаменитость, а во-вторых, мой друг... Или наоборот. Во-первых, друг, а во-вторых, знаменитость...

– Ты его сильно любила, что ли? – вдруг перебил он.

– Кого, Ивана? – удивилась Александра.

– Да не Ивана, – с досадой сказал Филипп. – Того. Который бросил.

– Черт его знает, – задумчиво проговорила Александра и вдруг поняла, что это правда. –

Не знаю.

– Не знаешь? – переспросил Филипп.

– Когда выходила замуж, то была уверена, что люблю, – начала она медленно, как бы оценивая со стороны правдивость своих слов. – Бабушка умерла, мне было очень одиноко, я, как всегда, едва сводила концы с концами... Это ведь только кажется, что у нас приличные деньги платят, а на самом деле как у всех: задерживают, дают меньше, чем ожидаешь, и так далее... Он был умный, перспективный, свой. Почему бы и нет? Но с ним было трудно. Как-то сразу очень трудно. Он моментально перестал меня замечать. Мы с ним жили, как... с тобой. Ой, прости...

– Все в порядке, – заверил Филипп.

– Ему наплевать было на мои дела, а я за него очень болела. Думала, он в программу меня возьмет. В новую. Его раздражало то, что я мало чего добилась. Ему нужно было все сразу: признание, деньги, прайм-тайм, дружба с начальством...

– Так не бывает, – уверенно сказал Филипп.

Александра засмеялась.

– Еще как бывает! – воскликнула она. – Теперь у него все это есть.

– Вряд ли, – стоял на своем Филипп. – Это было бы слишком просто. Жизнь была бы слишком простой, – добавил он, подумав.

Александра легла щекой на подушку и прикрыла глаза, чтобы не видеть, как матово поблескивает католический крестик у него на шее. Почему-то ее это очень смущало.

Когда они занимались любовью, крестик свешивался на нее, и она ловила его губами...

– Ты знаешь, – стремясь отделаться от непристойных мыслей, заговорила она, – вчера я опять столкнулась с Викой. Ну, на которой женился Андрей. Она мне все время говорит, что я сука и чтобы я не попадалась ей на пути. Но в последнее время как-то поостыла, без прежнего, так сказать, энтузиазма... Наверное, мы правильно сделали, что поженились.

– Это точно, – загадочно сказал Филипп. – Это ты тонко подметила.

Он давно сдерживался, чтобы не засмеяться, а тут не выдержал. Она так добросовестно отводила от него глаза, так искренне печалилась о каких-то идиотах, не стоящих того, чтобы плюнуть в их сторону, что, даже понимая, как это для нее важно, все-таки рассмеялся.

– Ты что? – с удивлением спросила она.

Он обхватил ее коротко стриженный затылок и с силой притянул к себе.

– До церемонии поднятия флага еще час, – сказал он шепотом. – За это время можно успеть многое.

Удивительно, как действовал на нее этот человек! Она моментально забыла обо всем на свете. Остался только он, его католический бриллиантовый крестик, который по неизвестным причинам совершенно завораживал Александру, и неумная радость от того, что у них много времени и они могут с пользой его потратить.

– Ты сегодня поздно? – спросил Филипп, когда они уже попивали кофе, собираясь убежать на целый день, каждый по своим делам.

– Не особенно, – ответила Александра, соображая. – Мне немного осталось, я думаю, за неделю мы все закончим. Вообще фильм получился ничего.

– Покажешь?

Александра пристально на него посмотрела.

Он пробежал глазами какую-то англоязычную газету и прихлебывал кофе из огромной белой кружки. «Мое приданое!» – гордо объявил он, водружая эту кружку на стол в первый же день пребывания в доме у Александры. В длинных загорелых пальцах – вкусно дымящаяся сигарета.

«Зачем ему мой фильм?» – в некотором смятении, до конца еще не осознанном, подумала Александра. Он выглядел совершенно равнодушным. Наверное, таким он и был. Тогда зачем?

– Впрочем, если не хочешь – не надо, – сказал он, мельком взглянув на нее. – Я не особенно увлекаюсь российской политикой.

– Да нет, почему же, – пробормотала Александра. – Я могу принести...

Он развернул газетную простыню и перегнул ее.

– Дня через два я улетаю, – сообщил Филипп. – Вернусь пятого января.

«Только и всего, – подумала Александра. – «Вызван с докладом в Малый Совнархоз. К обеду не жди, твой пупсик». Или суслик? Кажется, все-таки суслик...»

Она стремительно поднялась, открыла воду и стала мыть посуду, хотя, как правило, утренние чашки они оставляли на вечер. Ей не хотелось, чтобы он заметил ее огорчение.

– Что ты хочешь к Рождеству? – спросил он, как показалось Александре, с некоторым самодовольством.

– Бриллиантовое кольцо, – буркнула она, не сдержавшись, и тут же прикусила язык.

– Что-что? – удивленно переспросил он.

– Если можешь, – попросила она довольно кисло, – дай мне денег. Не пугайся, мне нужно всего лишь починить ботинки. «Старые-то совсем прохудились...» – добавила она сварливым тоном старухи из «Сказки о рыбаке и рыбке».

Она понимала: сердиться на то, что он уезжает, смешно и унижительно, к тому же нарушает все условия их договора, однако не смогла преодолеть своих чувств. Ей стало ужасно себя жалко. Почему-то она не подумала, что у него могут быть свои планы на Новый год, и заранее решила все за них обоих.

Лада с Васяткой в теплых странах и прилетят не раньше конца европейских каникул. Маша в глубоком подполье. Сослуживцев у Александры теперь нет, поэтому наплыва гостей не предвидится. Она собиралась нарядить елку, напечь пирогов – в этом она была мастерица – и накрыть стол со свечами для них двоих. Для себя и своего мужа.

Она давно уже продумала меню, идиотка. Господи, какая идиотка!

Она воображала, как они будут чокаться тонкими бабы-Клавиными фужерами, оставшимися еще от царских времен, когда куранты ударят в двенадцатый раз. А потом будут есть все, что она наготовит, и смотреть телевизор, лежа на полу и поставив бокалы на животы, не в силах пошевелиться – именно так нужно наесться на Новый год! Часа в три они пойдут гулять, чтобы порастрясти пироги и индейку, которую она тоже придумала ради него. Они придут с улицы, когда на Первом канале уже начнется какая-нибудь старая комедия, и будут пить кофе, заедая его пирогами, мороженым и комедией...

Слеза капнула в чашку, которую Александра старательно терла под краном.

– Я не понял, – сказал Филипп, – при чем тут ботинки?

– Не нужно мне никаких подарков, – злым голосом сказала она. – Дай мне денег на починку ботинок, и все.

Зашуршала газета, он поднялся. С замершим сердцем Александра ждала. Он протопал в коридор и оттуда громко сказал:

– Я не могу ничего отменить. Слышишь, Алекс?

– Пошел к черту, – сквозь стиснутые зубы произнесла она, но так, чтобы он не слышал, и с мстительным стуком сунула его чашку на полку.

Он подошел сзади и укусил ее за шею, довольно сильно.

– Ты что, больной?! – взвизгнула Александра, поворачиваясь. Он был уже в куртке и очках, загадочно поблескивающих.

– Деньги по традиции на пианино, – сообщил он. – Пока.

– Пока, – пробормотала красная как рак Александра.

Он уже был в дверях, когда в кармане у него зазвонил мобильный.

– Алло! – сказал он, поворачивая ключ.

– Фил, это я, – озабоченно откликнулся знакомый голос. Только один человек называл его Филом.

– Ну что? – спросил Филипп.

– Ничего утешительного, – сказал голос. – Можешь подъехать?

– Так я и знал, – пробормотал Филипп. – Когда?

Фильм был доделан и сдан Свете Морозовой за два дня до Нового года. Филипп давно улетел, и от него не было ни слуху ни духу. Почему она решила, что он непременно будет звонить? Дура, сказочница, ругала она себя. Ты думаешь, если он с тобой спит и, кажется, даже получает от этого удовольствие, значит, ты ему нужна? Или он тебе нужен? Уехал – и слава богу! Меньше народу – больше кислороду.

«Мне не нужны никакие мужики, с уходом Андрея я перестала им доверять, и неизвестно, когда теперь вновь воспрянет мое надломленное «я». Хотя...

Разве Андрей был мужиком? Так, какое-то существо, капризное, недовольное, зависимое... Слизняк в дорогих брюках...

Позвольте, но я чуть не умерла, когда он меня бросил».

Ты чуть не умерла вовсе не из-за него, а оттого, что он бросил тебя как-то особенно подло. Отвратительно подло. Тебе бы радоваться, что он тебя бросил. Умница, молодец, как это он догадался! Если б не он, такой решительный, и его новая любовь, еще более решительная, ты прожила бы с ним всю жизнь, терпела бы его подлости, боялась бы его взгляда, прощала бы ему все капризы и издевательства... Ты же слабая. Слабая и трусливая. У тебя не хватило бы характера развестись с ним, даже если бы ты в конце концов все про него поняла.

«Нечего о них думать, – злилась на себя Александра, – да еще сравнивать их друг с другом. И без них забот полон рот. Фильм сдала, работы опять нет, денег тоже нет, история с Иваном еще не закончена. Пока все тихо, но неизвестно, что будет дальше...»

Она шла по Тверской, намереваясь дойти до Маяковки, сесть на метро и вернуться к себе на Сокол. Был ранний вечер, всего четыре часа – она специально посмотрела на часы, – но уже стемнело, и это ее угнетало.

В магазинах, полных предновогодних вещей, толпились люди.

В витринах, шикарно и по-иностранному украшенных, всю буйствовало Рождество. Искусственные елки, в миллион раз краше настоящих, сверкали почти натуральным снегом, водопадами огней, многожды отраженными друг в друге громадными шарами на золотых, белых, синих бантах... Зимние коллекции сочетали в себе теплый уют и неброскую элегантность. Крошечные женские головки принакали к меховым воротникам почти с живой нежностью.

В ювелирном магазине творилось нечто невообразимое. Озабоченные мужчины в длинных кашемировых пальто тыкали мобильными телефонами в раскрытые атласные коробочки,

из которых брызгал во все стороны острый ледяной свет, и требовали показать им то одно, то другое. В кассу стояла очередь.

В «Елисейском» было как в метро в час пик – не войти и не выйти, в дверях затор.

То и дело попадались озабоченные дяденьки со спеленутыми елками в руках и на плечах. Машины у магазинов стояли в два ряда, и никто не слушал осипшего гаишника, пытающегося навести порядок...

Ах, как Александра любила Новый год! Не было в году праздника лучше. Когда она, маленькая, играла в куклы, у ее кукольной семьи все праздники были – Новый год.

Даже в свои двадцать пять лет Александра все еще свято верила, что этот праздник – волшебный. Она совершенно точно знала, что желание, загаданное с двенадцатым ударом колокола, обязательно сбудется, а в душистой глубине елки, пахнущей хвоей, детством, счастьем, живут тролли, которые – конечно же! – приготовят ей подарок.

Она всегда была чрезвычайно озабочена добычей этого необыкновенного дерева, и бабушка, как ни странно, разделяла ее заботы.

Баба Клава выстаивала за елкой огромные очереди – в Москву почему-то завозили раз в тридцать меньше елок, чем требовалось, – а потом они с маленькой Александрой везли ее на санках, иногда издалека, за несколько километров, смотря по тому, где был елочный базар. Они привозили ее и отдыхали у подъезда, обе очень гордые собой, и отвечали на взволнованные вопросы соседей по поводу елки с сознанием своего превосходства, а потом тащили ее на четвертый этаж, потому что в обычный лифт она не входила, а грузового в старом доме, конечно, не было. И баба Клава, ненавидевшая малейший беспорядок, никогда не ругалась, если с елки на пол натекала лужица растаявшего снега или сыпались упругие зеленые иголки.

И тролли никогда не подводили.

Подарков всегда было два – от бабушки и от троллей. От бабушки – что-нибудь очень практичное, но веселое. Например, новое платье с кружевами, или носки с забавными кисточками, или шапка с необыкновенным помпоном – когда и как бабушка успевала все это сшить и связать, Александра не представляла.

Тролли придумывали что-нибудь «для души»: новую куклу, необыкновенной, завораживающей красоты пластмассовые бусы, шкатулку с секретом, маленькие, с палец, фигурки жениха и невесты в настоящих нарядах...

Господи, что это были за подарки и что за праздник! Александра вспоминала его потом целый год и с замиранием сердца ждала следующего...

Те игрушки стояли в кладовке, задвинутые на самую верхнюю полку, и Александра уже проверила их сохранность.

Елками торговали теперь везде и без всяких очередей. У Александры было немного денег, и она рассчитала, что на елку, мандарины, кусок буженины и бутылку шампанского ей вполне хватит. И даже останется немного, чтобы дожить до возвращения Филиппа. Если он вернется, конечно.

Мысль о том, что он может не вернуться, ужасала ее. Александра твердо решила не думать об этом, но опасливая мыслишка время от времени возникала в глубине сознания и обнаруживала себя, как утопленник, всплывающий вдруг на поверхность заросшего пруда.

Вот и сейчас она шла и опять размышляла о том же.

В конце концов, Филипп ей ничем не обязан. Возможно, у него изменились планы – а они вполне могли измениться: мало ли кто ждет его в Париже, – и он не вернется. Он имеет на это право, у них всего лишь фиктивный брак. Нет, не фиктивный, а как раз настоящий, но временный и по расчету. Значит...

Но додумывать до конца эту до смерти пугавшую мысль она не стала. «Как бог даст», – сказала она себе словами бабы Клавы. Будь что будет...

В витрине какого-то дорогого магазина ей бросилось в глаза белое кашемировое пальто. Она прошла было мимо, но вернулась, не в силах оторвать от него взгляда. Потрясающее, длинное, очень уютное пальто. Простота и элегантность. Элегантность и шик. Шик и сдержанное достоинство очень дорогой вещи.

В таких пальто беззаботные и веселые дамы приезжают тридцать первого декабря в Большой театр на «Щелкунчика». Под его нежным кашемировым теплом обязательно должно быть маленькое черное платье и скромная нитка натурального жемчуга и, конечно, аромат дорогих духов. А рядом обязательно должен быть уверенный в себе и в жизни мужчина и маленький мальчик с розовым ротиком и блестящими от возбуждения глазами, вывезенный в театр впервые.

Александрю, застывшую у витрины и уже сочинившую к этому пальто целую жизнь, вдруг кто-то толкнул с такой силой, что она едва не упала.

– Чево пялился, дура? – спросил налетевший на нее поддатый мужик. – Пшла вон!

Вот и все.

Никаких сказок, никаких троллей и никакого «Щелкунчика»... Будь оно все проклято.

Александра поддернула сползающий с плеча ремень портфеля, сунула руки в карманы и нарочито бодрой походкой зашагала к метро. Она боялась грубостей и долго потом их переживала.

Водитель бежевой «шестерки» убедился, что она нырнула в метро, и нажал на газ. Следовало добраться до Сокола раньше этой фигуристой девицы с мечтательным лицом и занять привычную наблюдательную позицию.

Елка в этом году получилась совершенно необыкновенной. Намного лучше, чем всегда. Каждый Новый год Александра говорила себе это и к следующему Новому году благополучно забывала.

Александра нарядила ее утром тридцатого числа, немножко полюбовалась и стала развешивать по квартире бумажные фонари и гирлянды. Пусть в этом году она совсем одна, но нарушать традиции нельзя ни при каких обстоятельствах. Занимаясь украшением своего дома, она то и дело заглядывала в дверь большой комнаты, где стояла елка. Елка была до потолка и уже вовсю пахла, пригревшись в домашнем тепле. Вечером Александра зажжет на ней огоньки, будет смотреть в ее волшебную глубину и ждать чуда. Интересно, тролли уже там? Нет, наверное, они придут, когда стемнеет и она ляжет спать.

А завтра ночью, ровно в двенадцать, она пожелает, чтобы нашелся Ваня, и позвонил Филипп, и она вернулась на работу, и тогда, конечно же, все сбудется. Или этих желаний слишком много для одного Нового года?

Паркет был натерт до зеркального блеска. Смешиваясь с ароматом хвои, в квартире витал едва слышный запах полироля – она протерла всю мебель – и теста, которое Александра все же поставила, втайне надеясь, что, может быть, кто-нибудь из старых приятелей заглянет к ней завтра, не побоявшись запрета всемогущей Вики. Она собиралась печь пирог с мясом и два сладких рулета, с орехами и изюмом. На буженину денег, конечно, не хватило, но без нее легко можно обойтись, когда есть пироги. Даже если никто не придет, все равно она правильно решила – что за Новый год без пирогов!

Стоя на шаткой стремянке, она старательно привязывала к люстре ярко сверкающий фонарь из разноцветной фольги, когда раздался звонок в дверь.

Александра вздрогнула и уронила фонарь.

Кто это может быть? Она никого не ждет! Никто не может прийти к ней сегодня.

Ладони внезапно и сильно вспотели. Резко забило сердце.

Маша? Она звонила утром, сказала, что перезвонит первого. Ладка на Канарах. Кто же?

Звонок нетерпеливо и длинно прозвучал во второй раз.

Медленно, как под гипнозом, Александра слезла со стремянки, вытерла о джинсы вспотевшие руки. Подойти или нет? В раздумье она ногой убрала с дороги упавший фонарь. Он тихо зашуршал по паркету, но Александре показалось, что он загрохотал, как пустое ведро.

Третий звонок.

Она вышла в прихожую, ожидая чего угодно – выстрела, взлома, разбойного нападения с автоматами. Все-таки они до нее добрались. Вычислили. Нашли. И сейчас будут убивать. Она закрыла глаза.

– Алекс! – раздался из-за двери приглушенный и нетерпеливый голос Филиппа. – Открой вай, у меня заняты руки!

И, в продолжение, возмущенный вопль соседки напротив:

– Что вы шумите, молодой человек?!

Александра накинулась на замки, в одну секунду открыла все три, изо всех сил дернула медленную тяжелую дверь...

Он стоял в окружении каких-то коробок, коробочек, пакетов, сумок... Они занимали буквально всю лестничную площадку. Вид у него был сердитый – наверное, замучился тащить все это вверх: лифт уже дня три не работал.

Совершенно растерявшись, Александра стояла и молча смотрела на него.

– Можно мне войти? – уже обычным, вежливым тоном спросил Филипп.

– Откуда ты взялся? – очнулась наконец Александра.

– Из Шереметьева, – ответил он, перелезая через коробки. Добравшись до Александры, он поцеловал ее долгим и каким-то неуместным для лестничной площадки поцелуем, от которого Александра покачнулась, и распорядился: – Помоги мне все это внести. Вот та, что длиннее всех, – легкая. Там антенна.

– Какая антенна? – пробормотала Александра, вцепившись в его куртку – другую, не ту, в которой он уезжал, – и радостно заглядывая ему в лицо.

– Обыкновенная, телевизионная, – объяснил Филипп, тоже глядя ей в глаза. – Если я и дальше буду смотреть *ваше* телевидение, меня придется сдать в дом для сумасшедших.

– В сумасшедший дом! – поправила Александра, задыхаясь от счастья. – Не в дом для сумасшедших, а в сумасшедший дом!

– Вот именно, – сказал он, подхватывая какую-то коробку. – Придержи дверь, Алекс.

Он вошел в квартиру и длинно свистнул:

– Вот это да! Как же ты ее приперла?

От глупого, невозможного, не поддающегося никакому анализу счастья она как бы совершенно потерялась, не зная, что делать, что говорить, как не таращить на него глаза.

Господи, спаси и помилуй, он же приехал! Приехал к ней на праздник. Из Парижа.

В это невозможно поверить, но вот же он, смуглый и румяный с мороза, в распахнутой куртке, и очки привычно сдвинуты на середину переносицы, и волосы завязаны в привычный стильный хвост. Было время, когда ей не нравилась его прическа, но только не сейчас. Сейчас она от нее в восторге.

Да что же с ней такое творится?

Как лунатик, она ходила за ним, пока он таскал свои коробки, в том числе и ту, в которой была антенна и которую должна была тащить она. Потом он стянул с плеч куртку, влез на стремянку и привязал фонарь. И принялся.

– Пироги, – тонким голосом пояснила Александра. – Я поставила пироги. Надо посмотреть, может, уже подходят. Что-то мне показалось, я переложила сдобы...

– Остановись, – сказал он и приложил к ее губам длинный загорелый палец. Она сразу замолчала и заморгала глазами.

Ей очень хотелось его обнять. Его приятно было обнимать, одетого и раздетого, какого угодно. У него красивое сильное тело – широкие развернутые плечи, прямая спина и крепкие ноги. А, черт, зачем она об этом думает?!

– Я очень рад тебя видеть, Алекс, – тихо сказал он.

– Я тоже, – пробормотала она. – Как это ты догадался приехать?

– Сам не знаю, – сказал он и потянул ее на пол, под елку. – Давай уже начнем праздновать Новый год...

Они «праздновали» часа полтора. «Праздновали» бы и дальше, но внезапно очень захотели есть. Пришлось подниматься с толстого и теплого ковра, на который Филипп кинул еще атласное одеяло, собирать разбросанную одежду и, поминутно целуясь, отправляться в ванную.

«Это не я, – уверенно сказала себе Александра, увидев свое отражение в зеркале. – Не может быть, чтобы это была я. Не может быть, чтобы ко мне на Новый год приехал Филипп. Или может?»

– Алекс, твои пироги вылезли из кастрюли, – сообщил Филипп, сунув в дверь голову. Увидев, что голая Александра стоит посреди ванны и скептически рассматривает себя в зеркало, он пролез дальше и ущипнул ее за попу.

– Ты очень красивая, – заверил он ее. – Не смотри на себя так критически. Ты самая красивая из всех известных мне женщин.

– Ты просто извращенец, – пробормотала Александра и покраснела.

– Конечно, – согласился он.

Пресвятая Дева, как же он рад, что ему удалось прилететь!

Странно даже подумать, что еще вчера он сомневался, стоит ли затевать все это. Одно только выражение ее лица, когда она наконец открыла дверь, стоило того, чтобы вернуться в Москву почти на неделю раньше. Ему решительно нечего было делать в Москве эту неделю, но он замучился, думая о том, как она встретит Новый год – одна. Он знал, что две ее лучшие подруги не смогут быть с ней, а на остальных мало надежды. Он все думал и думал и в конце концов решился.

В Париже его внезапного отъезда никто не заметил. Мать давала ежегодный благотворительный бал – ей было не до Филиппа. Сын гостил у друзей в Лондоне и тоже Филиппом не интересовался. Оказалось, по-настоящему он нужен лишь своей временной московской жене, которая окаменела при виде его и от счастья двух слов связать не могла.

Решив лететь в Москву, Филипп промчался по немногочисленным открытым магазинам, тратя деньги с русской бесшабашностью и думая только о том, как она его встретит. Но действительность превзошла все его ожидания...

Подставив лицо под горячую воду, он с удовольствием слушал, как она поминутно роняет что-то на кухне и иногда жалобно вскрикивает:

– Черт побери!

Улыбаясь, он закрутил кран и вышел, обвязавшись полотенцем.

– Ты знаешь, – сказала она озабоченно, не поворачивая головы, – у меня совсем нет еды. Я же не знала, что ты приедешь... Только пироги, но их придется ждать.

– Еды полно, – возразил он. – Я все привез.

– Да? – недоверчиво спросила она, оборачиваясь к нему. Руки у нее были в муке. Увидев его в полотенце, распаренного и влажного после душа, она отвела глаза. Филипп засмеялся.

– Я сейчас принесу, – сказал он.

Через пять минут он жарил на тяжелой чугунной сковородке отбивные размером с небольшой поднос, рядом в кастрюльке грелась вода для цветной капусты. Чуть затуманенные, как будто только что с грядки, твердые огурчики с желтыми цветочками на наивных попках сосед-

ствовали в раковине с крошечными помидорами на пахучих ветках, и Александра, раскатывая на столе тесто для рулета, все косилась на них, как на заморскую диковину...

Пожалуй, даже бабушка одобрила бы такой Новый год и этого мужчину, подумавшего обо всем.

И в первый раз после ее смерти Александре показалось, что она довольна внучкой...

С утра Андрей выпил. Потом, когда Вика была в ванной, а она валялась в джакузи часа по два, он, воровато оглянувшись на домработницу Люду, выпил еще. Не то чтобы ему хотелось выпить, но на душе было как-то мутно, а тут еще этот Новый год...

Он был убежден, что всякие слюни и сопли по поводу того, что это исключительно семейный, домашний и еще какой-то праздник, всего лишь утешение для нищих и неустроенных придурков, которым некуда деваться в новогоднюю ночь.

Они с Викой, например, пойдут сегодня в ресторан, где будет вся тусовка, а потом поедут танцевать в престижнейший загородный клуб. На билеты ухлопано столько, что страшно подумать. А уж под утро – к родителям супруги, в Рублево-Успенское, где будет другая тусовка, и она должна будет оценить Андрея.

Смотрины, блин...

Так что пить, тем более с утра, не следовало бы. Но было противно, так противно, как будто вчера на банкете в «Останкине» его накормили червями.

Все шло как надо, можно даже сказать – все шло просто замечательно. Поэтому его состояние было неправильным, ненужным, от него следовало избавиться, и он выпил, хотя знал, что Люда все видала и, конечно же, доложит «барыне».

Нынешний Новый год выгодно отличался от предыдущего, проведенного в квартире у первой жены. Вот для кого это было святое – семейный праздник! Дура чертова. Будь она хоть чуть-чуть поумнее, разве попался бы он на крючок к этой шлюхе, что мокнет сейчас в джакузи, и ее высокопоставленному папаше?!

Как она его тогда раздражала, со всеми ее пирогами, елками, свечками, гостями, подружками... Как ему тогда было душно, тесно, словно Гулливеру в лилипутском домике, как он мечтал о хорошем ресторане, об обществе великих и могучих, где он был бы свой, равный.

Теперь все есть – ресторан, компания, правительственная дача тестя. Даже «БМВ».

Андрей вытер со лба холодный пот. Сейчас его стошнит. Несмотря на выпивку.

Он трус, жалкий и презренный. Он боится того, что наступит после, когда придется выходить на работу и делать то, для чего его наняли. И недаром боится. Дорогая супруга, контролируя каждый его вздох, фильм тем не менее смотреть не стала. Предусмотрительная, умная сука хотела остаться вообще ни при чем.

Его убьют. Таких случаев сколько угодно. Даже Вешнепольского в конце концов прикончили, а он был – сила. Куда до него Андрею Победоносцеву.

От страха и жалости к себе он тяжело вздохнул, хотя ему хотелось завить.

У него неразрешимые проблемы, а его бывшая жена небось вовсю печет свои пироги. Для нового мужа. Ну, конечно, их не сравнить: его, Андрея, и того, нового. Только и достоинств, что француз. Во всем остальном – ниже всякой критики. Конечно, другого такого, как он, Андрей, его толстуха вряд ли бы еще раз заполучила, но все-таки противно, что его место занял этот облезлый. Могла бы получше найти, и не так скоро. Все говорила «люблю, люблю», а через два месяца – бац, и за другого. Как это ей в загсе разрешили?! Для Андрея разрешение тесть получал, а для нее кто? Небось французик этот недоразвитый...

Пошатавшись по квартире, Андрей вошел в спальню и упал поперек кровати на французское покрывало ручной работы.

Еще предстояло «подумать» о бывшей жене, как называла это Вика. Чтоб не наплела лишнего про фильм. Она ведь удивится, ох как удивится, когда он выйдет...

А, собственно говоря, что она может сделать? К кому кинуться?

Конечно, есть этот замминистра, с которым спит грудастая Ладка, но станет ли он связываться? Хотя... если и не станет, то что все-таки подумает, узнав, что фильм подложный? Как отреагирует его окружение, если он решит просто рассказать кому-нибудь об этом?

Андрей застонал.

И что значит «подумать»? Напугать ее как следует? Отправить почтовым переводом на Камчатку? Убить?..

Убить, конечно, вернее...

– Что ты все валяешься, Андрейка? – На пороге стояла Вика в халате, стоимость которого, наверное, равнялась месячному бюджету небольшого города. Она любила такие вещи. – И джинчику уже тяпнул, а?

У нее было отличное настроение, она не собиралась с ним ссориться, это он сразу понял и расслабился. По крайней мере, сегодня ему ничего не угрожало.

– О делах думаю, – сказал он с нарочитой озабоченностью. – Всякие мысли одолевают.

– А пусть они тебя не одолевают, – посоветовала Вика. – Все будет хорошо, я знаю. Ты мне верь. Ты мне веришь, Андрейка?

Дьявол, как ему надоели эти собачьи кликухи – от дуси до Андрейки! Где она только их берет?!

– Верю, – через силу улыбаясь, сказал он. – Верю, конечно. Ты же все у нас знаешь...

– Я слышала, что Михайлова снимают, – пропела Вика из-за двери гардероба стилия деко. – Говорят, сразу после праздников...

«Михайлова? Да ведь это Ладкин любовник! – пронеслось у него в голове. – Неужели и его достали? – запаниковал он. – Да или нет? Они или не они?»

– А... почему? – просипел он.

– Кто его знает, – беззаботно ответила Вика. – Но как только снимут, я его шлюху в один момент под увольнение подведу. Надоела она мне, как прыщ на заднице.

– Да-да, – сказал Андрей, теперь уже уверенный, что это Викин папанька организовал для дочки отставку незадачливого замминистра.

И ужас, вполне оформившийся и вполне реальный, заставил его встать, аккуратно опра-вить за собой французское покрывало ручной работы и, сохраняя видимость достоинства, выйти в туалет, где можно было посидеть в безопасности, закрывшись на защелку.

Сразу после Нового года Филипп все-таки улетел.

– Дела, – коротко сказал он Александре, и больше никаких объяснений. У них все было чудесно в постели, но в обычной жизни они по-прежнему почти не общались. Только теперь это сильно ее тревожило.

Что никакой он не журналист, она догадалась давно, но просто не разрешала себе об этом думать.

То, что он писал, никак не походило на обычные журналистские заметки. То, что он читал, никак не походило на знакомство с жизнью страны, о которой он вроде бы собирался писать. В компьютере у него стоял пароль, дискеты он всегда носил с собой, как будто боялся, что Александра будет за ним шпионить. Он отправлял куда-то десятки факсов, иногда даже на японском языке. Или это был китайский?

Но сам факт, что в его лэп-топе стоит еще и японская версия «Windows», поверг ее в состояние, близкое к панике.

Может, он шпион? Обычный шпион, или, как их называют в кино, резидент. Его схватят, посадят в тюрьму, и Александру вместе с ним. За пособничество.

Он часто повторял, что он не слишком удачливый журналист и заработки у него невелики. Александра поначалу безоговорочно ему верила. Но деньги он тратил не как человек,

ограниченный в средствах. Он никогда не помнил, сколько заплатил в магазине, на сколько в очередной раз подорожал бензин и сколько он оставил «на хозяйство».

Каждое утро он клал на пианино деньги – не бог весть что, но на шампунь, колготки и проездной хватало. А мобильный телефон, круглосуточно доступный, а «девятка»? Какой бы старой она ни была, наверное, все же не даром ему досталась...

Его джинсы и куртки стоили бы в Москве целого состояния, в этом отношении Александру просветила Лада. Она зашла к ней как-то в отсутствие Филиппа и, конечно, первым делом залезла в гардероб.

После этого, загружая в стиральную машину его льняные рубашки со скромной надписью «Хэрродз» на изнанке воротничков, Александра робко выразила удивление, что у него такая дорогая одежда. Он ответил, что в Москве это действительно очень дорого, а в Париже все почти даром.

Она старалась не особенно задумываться над этим – ей сразу становилось страшно, да к тому же она не могла взвалить на себя еще и эту проблему. Сил не было.

После того как их обстреляли на Ванькиной даче, наступило затишье. Ее фильм, отданный Свете Морозовой, куда-то канул, а телефон, оставленный Светой, не отвечал. Это очень пугало Александру. К тому же она не могла поговорить с девчонками, потому что конспирация по-прежнему соблюдалась строго, хотя Александра уже не понимала, нужно ее соблюдать или нет. Ведь ничего же не происходит!

Проводив Филиппа – до дверей, а не в аэропорт, – она решила, что следует разобрать шкафы. Она всегда разбирала шкафы, когда была не в своей тарелке. Она ненавидела эту работу и начинала злиться, едва только подумав, что надо бы это сделать. А злясь, Александра забывала обо всем остальном.

Она решительно подошла к зеркалу, повязала голову легкомысленным шарфиком – якобы для того, чтобы защититься от пыли, которой не существовало в шкафах у Александры Потаповой, а на самом деле, чтобы потянуть время, – и приступила к уборке.

Едва только она открыла дверь встроенного стенного шкафа в коридоре, как в нос ей пахнуло горьким и тонким ароматом французской туалетной воды. Пахло Филиппом, и это было нечто новое в ее жизни. Содержимое шкафа тоже принципиально изменилось. Ровными рядами, как в магазине, лежали аккуратно сложенные мужские свитера. На вешалках висели куртки – справа две куртки, принадлежавшие Александре, кожаная и дубленка, а слева штук пять, принадлежавших Филиппу, не считая той, в которой он улетел.

«Зачем ему так много?» – окинув неподготовленным взором кучу барахла, удивилась Александра.

Этот человек стал занимать слишком много места не только в ее шкафах, но и в ее жизни. Так много, что пришлось даже разобрать шкаф – крайняя мера! – чтобы не тосковать и не думать о том, кто же он на самом деле – неужели шпион или бандит?

В его вещах был идеальный порядок. Не было никакой необходимости перекладывать их с места на место, но Александре хотелось подержать их в руках, и она вытащила со средней полки всю стопку – надо же под ней протереть и обновить средство от моли!

Как будто погладила Филиппа. На ладони остался едва уловимый приятный запах.

Александра осторожно сгрузила стопку на диван и вернулась в коридор.

В образовавшемся пустом пространстве она заметила какой-то смятый полиэтиленовый пакет. Странно, откуда он там взялся? Пакеты лежали отдельно и совсем в другом месте. Александра достала его – он оказался довольно тяжелым – и заглянула внутрь.

И ничего не поняла.

Внутри лежал какой-то заплесневелый высохший ком. Похоже, когда-то это был хлеб, полбуханки черного и батон, и перегнутая пополам прозрачная файловая папка вся в серых и черных точках плесени.

Александра потянула ее за уголок. В ней оказалась видеокассета и черная компьютерная дискета без этикетки.

Вскрикнув, Александра уронила пакет на пол. Он сухо и твердо стукнулся о паркет. В руках у нее осталась грязная файловая папка.

Сразу стало нечем дышать, потому что она уже поняла – это именно *та* папка, которую они безуспешно пытались найти в раскуроченной Ваниной машине...

Александра бросилась в комнату, нетерпеливо спихнула с дивана кучу Филипповых свитеров и дрожащими руками вытряхнула содержимое папки.

Дискета была нема и черна – никаких надписей. На кассете – профессиональной, не общеупотребительной – почерком Вешнепольского было написано: «Алексею Глебову», – и больше ни слова.

Оказывается, она стояла возле дивана на коленях, потому что, увидев надпись, быстро села на пол. Дискета и кассета лежали прямо перед ней как смертоносный, не обезвреженный снаряд.

Ванька все перепутал.

Вот в чем дело.

В угаре того страшного вечера, когда он тащил ее вместе со злополучным хлебным пакетом в свою машину, он по рассеянности сунул эту папку не в бардачок, а в ее пакет, который сам же и нес. А она потом неизвестно зачем запихнула ее в шкаф, к которому не прикасалась со времени развода. Филипп занял его своими вещами, их было очень много, и за ними затерялся задвинутый к стене пакет с заплесневелым хлебом.

Александра поднялась и пошла на кухню. Налила себе попить.

Это лежало на диване, безмолвно и угрожающе.

Нужно звонить.

Но куда? Куда?!

Алексей Глебов – вице-премьер по делам национальностей. По слухам, хороший Ванькин друг, у которого он не раз получал и подтверждал информацию. К нему не прорваться. Если бы она все еще работала в «Новостях», можно было бы придумать какое-нибудь интервью. Хотя организовать интервью с человеком такого уровня – дело непростое и, главное, не быстрое. Теперь же это вовсе отпадало.

Доверить эту папку кому-нибудь из друзей, кто мог бы такое интервью сделать, нельзя.

Нет, нельзя.

Но при чем здесь Глебов? Значит, все-таки Вешнепольский не просто попал в плен, что-то тут было... Или это никак между собой не связано и кассету Ванька приготовил в каких-то других целях?

У Александры заболела голова – всегдашний признак внезапного и сильного выброса адреналина в кровь.

«Думай! – приказала она себе. – Думай, ты это умеешь».

Итак, есть папка, есть адресат и нет возможности ее передать. Значит, угрозы, выстрелы на пустой даче, Манино изрезанное пальто – все не случайно. Не было никакого затишья, было ожидание – кто шевельнется первым. Как на охоте.

Александра ходила по комнате. Елка тонко подрагивала серебряным «дождем» и цепляла Александру колючей лапой.

Александра сунула в карманы ледяные влажные руки.

«Думай, думай, – мысленно твердила она. – Выстраивай логические цепочки. Найди то, что помогло бы разложить по полочкам события последних нескольких месяцев. Давай же!»

Темнело, и отступивший на время животный страх перед темнотой, перед невидимыми существами, поджидающими в этой чернильной морозной мгле, вновь захлестнул душу.

– Не трясись! – вслух приказала себе Александра и поняла, что ее голос тонок и слаб и от страха она готова привычно поднять лапки кверху.

Еще можно сделать вид, что нет и не было никакой кассеты с дискетой. Ваньке она вряд ли уже поможет, а дела вице-премьера Глебова никак ее не касаются. Шутки и приключения кончились. Теперь у нее в руках то, за чем, очевидно, охотятся какие-то неизвестные ей темные силы, и она должна принять решение.

Какое?

Выбросить папку в помойку? Положить ее обратно за Филипповы свитера? Утопить в унитазе? Варианты, конечно, весьма достойные. Особенно последний.

Но это не экзамен по химии. В обморок, конечно, упасть можно, однако нельзя пребывать в нем вечно. Очухавшись, все равно придется принимать какое-то решение.

Если бы она была посильнее! Если бы она умела бороться и побеждать!

Ничего этого она не умела...

Отдать папку Маше, чтобы она справлялась как знает? Тоже вариант. У Мани нет даже той мифической близости к сильным мира сего, которая была у нее, пока она работала. Маню в два счета пристукнут – ведь уже предупреждали! – и папка достанется невидимому, виртуальному врагу.

Ах черт, какая жалость, что ее выгнали с работы и она давно упустила из виду всю ситуацию – кто за кем стоит, кто кого поддерживает, топит, лоббирует... Кто против кого дружит. Может, это и помогло бы...

Не зажигая света, Александра принялась варить кофе. На ощупь сделать это было непросто.

Посмотреть кассету нельзя. Для этого нужен профессиональный видеомэгнитофон. Возможно, из кассеты можно было бы что-нибудь узнать. Конечно, она посмотрит дискету, но – голову можно дать на отсечение – через Ванины пароли ей вряд ли пробраться.

Может, отдать ее кому-нибудь из его группы? А кому: Свете, которая не отвечает на звонки, или Владу Донскому, режиссеру?

Кофе из чашки выплеснулся Александре на колени. Охнув, она поставила чашку на стол. Стоп.

Света Морозова позвонила ей домой и сказала, что готовится фильм по материалам Вешнепольского. Александра, сказала тогда Света, самая подходящая кандидатура, потому что всю Ванину группу сразу же расформировали. Группу не расформировали бы так быстро, если бы не знали *точно*, что Иван никогда не вернется. Программа Вешнепольского выходила в редакции общественно-политического вещания, его сотрудники подчинялись продюсеру этого самого вещания, который группу моментально распустил. Именно это царапнуло ее ухо, но тогда она так и не смогла понять, что же ее задело в Светиной речи.

Знали точно...

Никуда Ванька не пропал, его хладнокровно убрали, и готовится что-то очень важное, ради чего все это и было проделано.

Очевидно, это «что-то» связано с Глебовым, раз за этим стоит высокое телевизионное начальство, приказывать которому имеет право только еще более высокая власть.

Зачем же им понадобился совершенно нейтральный фильм, который она склеила? Она-то тут при чем?

Холодея от предчувствия надвигающейся беды, Александра бросилась в коридор, роняя вещи, сорвала с вешалки свой портфель и, дрожа от нетерпения, откопала в нем записную книжку. Пришлось все же зажечь свет, потому что совсем стемнело и ничего было не разобрать. Боясь ошибиться, она набрала номер, молясь, чтобы кто-нибудь ответил.

– Але, – буркнул в трубке заспанный голос.

– Михаландреич, – торопливо сказала Александра, – это Саша Потапова. С Новым годом!

– Здорово, Саша Потапова, – пробурчал шеф-редактор недовольно. – И тебе того же.

– Михаландреич, я прошу прощения, что беспокою, но, помните, у Вешнепольского была редакторша Света Морозова?

– Помню, – ответил шеф-редактор с некоторым удивлением. – Мы с ней в университете вместе учились. В шестьдесят шестом году. Она год как на пенсию ушла. А что ты спрашиваешь?

– Это точно? – переспросила Александра упавшим голосом. – Точно ее звали Света Морозова?

– Это так же точно, как то, что меня зовут Михаил Андреевич Барсуков, – нащупав свой обычный тон, приободрился шеф-редактор. – Да на что она тебе? Она у Ваньки по старости лет и не делала ничего, только молодняку грамматические ошибки исправляла. Выгнать ее Ванька не мог, ты же его знаешь. Он за нее сам работал. Он за всех сам работал...

Свете Морозовой, с которой общалась Александра и которой она отдала фильм, было лет тридцать пять. Она сказала, что она Ванькин редактор, и они в это поверили – и Александра, и Лада. Да и смешно было бы не поверить. Конечно, никто из них не помнил точно Ванину редакторшу, а девицу, которая сказала, что это она – Света, они сто раз видели в лифтах и барах. Она была... как бы это выразиться... своя, «останкинская».

– Останкинская колбаса, – пробормотала Александра. – Спасибо, Михаландреич.

– Не за что, Потапова, – откликнулся шеф-редактор. – Ты как там? Говорят, замуж вышла?

– Вышла, Михаландреич, – подтвердила Александра нарочито-бодрым голосом. – До свидания.

– Ну, до свидания, – согласился шеф-редактор.

Итак, Света тоже не Света.

Кому же понадобился военно-полевой фильм о локальном конфликте, сделанный по материалам пропавшего журналиста? И зачем?

Прижав к щекам руки, Александра раскачивалась на стуле. Как китайский болванчик, подумала она. Впрочем, что за странное выражение? Она никогда не знала, что это за болванчик и почему он раскачивается.

Соображай. Соображай, трусиха, дура!

Фильм такой, каким она его смонтировала, никому не может быть нужен. Просто фильм о войне. Даже не слишком интересный, потому что делал его не сам Иван, который *умел* показывать такие вещи.

Будем мыслить как мисс Марпл.

Значит, важно не содержание, а форма. Значит, нужен просто *какой-нибудь* фильм, смонтированный по материалам Вешнепольского. Значит, он подлежит дальнейшей обработке. Значит, что-то с ним будут еще делать...

Что?!

Сидя почти в течение месяца в аппаратной, которую, кстати, кто-то оплачивал, – и, как только что выяснилось, не Ванин редактор, – Александра не скрывала от окружающих, что монтирует фильм по материалам Вешнепольского. То есть в курсе дела теперь, наверное, пол-«Останкина»: видеоинженеры, случайные корреспонденты, забегавшие что-то подклеить, начальники смен... И что из этого?

Трудно думать как мисс Марпл. Гораздо легче думать как Александра Потапова.

Зачем нужно было, чтобы этот фильм клеила именно она? И кому?

Да, начнем отсюда: кому это может быть нужно?

«Мотивы, мотивы, Ватсон» – так, кажется, говаривал Шерлок Холмс.

Если в фильм будет что-то добавлено, что-то такое, к чему Вешнепольский не имеет отношения и что, допустим, изменит общественное мнение относительно чего угодно, «заказ-

чики» всегда могут сказать, что они ни при чем. Что «добавление» сделано человеком, смонтировавшим фильм. Этого человека можно будет легко обвинить в том, что за несанкционированное «добавление» он получил хорошие деньги, разве нет?

У Александры Потаповой запятнанная репутация, и в трудовой книжке – увольнение в связи с «несоответствием». Она – идеальный вариант для козла отпущения. Даже не для козла, на козла она не тянет, – для козы.

Если все это так, дело пахнет керосином. И Викиными духами.

Ну вот, она и добралась, кажется.

Чудовищные игры на уровне телевизионного руководства, очевидно, стоили Вешнепольскому жизни. Возможно, они будут стоить жизни и Александре Потаповой, если после показа злополучного фильма разразится скандал, а в том, что он будет показан в измененном варианте и скандал разразится, Александра теперь почти не сомневалась. Где-то на заднем плане маячит еще и Алексей Глебов – не с ним ли связан весь этот сыр-бор?

И что же прикажете делать?

Скорее всего это Викина идея – подсунуть ей фильм и избавиться от нее раз и навсегда. Чей заказ выполняет Вика, она скорее всего никогда не узнает. И на какой день назначен фейерверк, тоже неизвестно.

Нет, не будет она спускаться в унитаз эту кассету, провались все пропадом. И Маше ее тоже не повезет.

У Александры даже руки потептели от бешенства. От самого настоящего, первоклассного, почти неконтролируемого бешенства.

Хотите всех на кривой козе объехать? Не выйдет, голубчики! Ничего у вас не выйдет. Вы думали, что все организовали лучше некуда. Вы только не учли, что на пути у вас окажется Александра Потапова, бывший журналист, очень смелый и ловкий человек...

Александра зажгла свет во всех комнатах – не будет она никого бояться! – боком присела к компьютеру и, почти не думая, написала:

«Уважаемый господин Глебов! Этот пакет просил передать лично Вам Иван Вешнепольский. По моим сведениям, в ближайшее время по Первому каналу будет показан фильм, якобы по материалам Вешнепольского, но скорее всего подложный. О его содержании мне ничего не известно, но уверена, что он имеет к Вам прямое отношение. С уважением, Александра Потапова».

Она пустила текст на печать и, сверяясь по записной книжке, набрала номер.

Если этот человек ей не поможет, останется еще Ладин Васятка. Если не поможет и Васятка, можно будет попробовать организовать публичный скандал – ведь у нее полно друзей в прессе. Это, конечно, очень опасно, но так просто Александра Потапова не отступится.

– Катя, – сказала она, когда трубку сняли, – это Потапова.

– Привет, Саш, – ласково отозвалась трубка. – Что-то у тебя голос странный.

– Катя, мне нужно с тобой встретиться, – твердо сказала Александра. – Когда у вас в министерстве пресс-конференция Глебова?

– Послезавтра, – безмятежно отозвалась Катя. – Аккредитоваться хочешь?

– Нет, – сказала Александра, – не хочу. Ты его на ней увидишь?

– Конечно, – сказала Катя и добавила серьезно: – Что случилось, Саша?

– Я сейчас к тебе приеду и все привезу. Только боюсь, что послезавтра будет уже поздно...

– Приезжай, – пригласила трубка, подумав. – Ты меня пугаешь.

– Я сама боюсь, – созналась Александра.

Екатерина Матвеева работала руководителем пресс-службы Министерства по делам национальностей и иногда вела глебовские пресс-конференции.

После разговора с Александрой Потаповой Екатерина Матвеева быстро разыскала по мобильному телефону вице-премьера, чего не делала никогда в жизни.

Грязная файловая папка с кассетой и дискетой – почему-то ни Александра, ни Екатерина не догадались ее заменить – оказались в портфеле у Глебова в тот же вечер.

А еще через два дня грянул гром.

На летучке у продюсера общественно-политического вещания Андрею Победоносцеву наговорили много приятных слов. Первый эфир прошел блестяще. Секретный материал из архивов Вешнепольского вызвал массу откликов и бурю справедливого негодования общественности в адрес коррумпированного вице-преьера Глебова. Оказывается, Глебов замешан в махинации с оружием, наркотиками и, можно сказать, лично организовал похищение Вешнепольского, разгадавшего его козни. Ни у кого не осталось сомнений, что теперь Генеральная прокуратура возбудит уголовное дело против проштрафившегося Глебова и очень скоро выяснится, куда он запрятал Вешнепольского.

Вице-премьер моментально и с громким треском был снят с должности, но Генеральная прокуратура никаких дел не возбудила. Прошло некоторое время, и всем заинтересованным лицам стало ясно, что все «будет спущено на тормозах».

– Папанька говорит, что ему накануне стукнул кто-то, – задумчиво сказала Вика Андрею, когда спустя десять дней никаких дополнительных разоблачительных сообщений в прессе не появилось. – Он приготвиться успел. И компромат там какой-то всплыл. Папанька сам не видел, но ему знающие люди сказали. Пришлось уголовное дело придержать. Иначе бы он своими материалами много ненужного шума наделал...

– Ну а мне-то что теперь делать? – спросил Андрей.

Комплименты начальства несколько согрели его истерзанную душу, но то, что вице-премьер до сих пор не сидел в Матросской Тишине, а разгуливал на свободе, расстраивало его ужасно. В конце концов получилось, что он – единственный публичный враг Алексея Глебова.

Именно Андрей Победоносцев обнародовал «секретные» материалы Ивана Вешнепольского, не побоявшись бросить вызов могущественному чиновнику, позабывшему, что такое честь. Именно Андрей Победоносцев заявил на всю страну, что Глебов взяточник и махинатор. Можно сказать, крикнул. И никто его не поддержал.

В могучем хоре его голос не потонул, а остался, так сказать, соло. И Андрей был совершенно уверен, что вице-премьер расслышал его очень хорошо. А с ними, с вице-преьерами, хрен поймешь – сегодня он безработный или подследственный, а завтра, глядишь, уже премьер... Опала опалой, но неизвестно, сколько она будет продолжаться и чем для вице-преьера закончится. Может, повышением. Тогда Андрея Победоносцева ждет, как бы это сказать... понижение... Узнал же он откуда-то о готовящемся ударе. Узнал и соломки подстелил, зараза...

На даче у Викиных родителей было просторно и красиво. Как в Лувре. В Лувре Андрей не был, но так он себя здесь ощущал.

Вика о чем-то думала, задумчиво включая и выключая ногой торшер светлого дерева с резными фарфоровыми купидонами, на котором Андрей однажды прочел имя мастера.

– Да не вылезет он, – убеждая скорее себя, чем Андрея, проговорила она. – Нечего даже и думать. Но кто же его предупредил? Ладно, бог с ним... В случае чего... Да нет, не будет ничего такого.

– Чего не будет? – Раздражение и испуг смешались в душе Андрея. – Чего? – повысил он голос. – Не темни, Вика, я тебя умоляю!

– Не надо меня умолять, – холодно сказала она. – Ничего не будет. И не пугайся ты каждого звука, так ты меня с ума сведешь. Ну, плохо, конечно, что его не додали...

– Я же тебе говорил! – закричал Андрей, моментально теряя над собой контроль, однако следя за тем, чтобы не выплеснуться за пределы, когда уже нельзя будет взять себя в руки. – Я тебя предупреждал, что меня подставят!

– Подставили Вешнепольского, а не тебя, жалкий деревенский сопляк! – проговорила его женушка с таким презрением, что он даже попятился. – Ты же ничего не можешь. Еще ничего не произошло, а у тебя поджилки трясутся! Не смей устраивать мне сцен, недоносок! Лучше займись своей сукой, которая уж точно в курсе всех дел.

Андрей хотел закричать, но раздумал и спросил, опять с замиранием сердца:

– Каких дел?

– А таких, – сказала Вика. – Все забыл с перепугу? Она фильм делала? Она. А какой фильм вышел – тот, что она сделала? Не тот. И она это где хочешь заявит. Хоть в прессе, хоть в прокуратуре. Ладно бы Глебов в тюрьме сидел, а так... Что, если кто-нибудь из его стаи примется копать и до нее докопает?

– Она не знает, что монтировала ту кассету для меня, – возразил Андрей.

– А то она эфир не видела! – воскликнула Вика. – Нет, ты и вправду того или притворяешься? Она в титрах твоей программы была, придурок! А кино она монтировала совсем не то. В ее кино про Глебова ни слова не было. Конечно, при случае ты все на нее свалишь, а если она станет опровергать? Что, в суд пойдем? Права качать, как шахтеры?

– Я думал, Глебов сгинет... – пробормотал Андрей.

– Все так думали, – отрезала Вика. – На то и мозги, чтобы думать. Я тебе телефончик дам. Ты позвонишь, скажешь адрес и заплатишь. И все.

– Что? – спросил Андрей. – Убить?..

– А у тебя есть другие предложения? – улыбнулась Вика.

– Как же ты одна справилась, Санька? – удивленно спросила Маша.

Они сидели втроем у Маши на кухне, в Потаповском, пили кофе и обсуждали свои не слишком веселые дела.

– Сама не знаю, – сказала Александра. – Такая злость напала, я думала, что кого-нибудь поколочу или окна разобью, что ли...

– Позвонила бы, – перебила Ладка.

– На Канары? – спросила Александра.

– Да хоть бы и на Канары, – ответила Лада. – Все равно не отдых был, а черт знает что. Ни секса, ни кайфа, одни телефонные звонки с утра до ночи.

– Почему? – спросила Маша.

– У него неприятности какие-то, – поморщилась Лада.

Ей не хотелось об этом говорить. Уже несколько дней Васятка не звонил и не приезжал, а она, будь он неладен, как-то незаметно к нему... привыкла. Остальные любовники появлялись и исчезали, не оставляя следов, а к этому вот... привыкла.

– У всех неприятности, – подытожила Маша. – Черт побери их совсем...

– У меня приятности, – вклинилась Александра. – Вчера Леша Бобров позвонил, они делают какой-то опрос для «Нестле», и мне предложили смонтировать...

– Ты уже один фильм смонтировала, – заметила Лада. – Остановись.

– Но деньги же... – жалобно отозвалась Александра, понимая, что Лада права. – И нужно приехать всего один раз. И монтажная не в «Останкино», а рядом со мной, на Соколе.

– А деньги сразу дадут? – спросила недоверчивая Лада.

– Сегодня же, – заверила ее Александра. – Боброва я давно знаю, он себе не возьмет, а сотрудникам заплатит.

– Знаем мы таких Бобровых, – хмуро сказала Ладка. – И тоже довольно давно.

– Да что ты все бухтишь? – повернулась к ней Маша. – Не пропадет твой Васятка. Выберется. Он в замминистры без тебя вышел! Что это ты взялась за него переживать?

Они помолчали. Александре смерть как не хотелось ехать в монтажную, да еще на ночь глядя, поэтому она, как могла, тянула время.

– Нашлась, значит, Ванькина кассета, – задумчиво проговорила Маша. – И все это время она была у тебя в шкафу...

Александра рассказала девицам все, включая беспримерный подвиг Кати Матвеевой, поверившей ей и заставившей поверить Глебова. Тогда же они решили, что конспирацию можно пока отменить.

– Но видишь, все равно ничего не помогло, – пробормотала Александра. – Глебова сняли, а от Вешнепольского ни слуху ни духу...

– Был бы жив... – сказала Маша, встала и ушла на кухню.

– Что-то мне кажется, – раздумчиво проговорила Лада, – что этим дело не кончится. Глебов – он, поди, не совсем дурак и наверняка попытается найти тех, кто его подставил.

– Ну, к нам это отношения не имеет, – уверенно заявила Александра. – Те где-то намного выше. Очевидно, даже выше Викиного папаши.

– А Победоносцев? – заводясь с полоборота, начала Лада. – Он на всю страну его «прославил»! А вдруг Ванька вернется?!

Они тяжело задумались.

– А как бонапартист отреагировал на перспективу провести ночь без тебя? – спросила Лада. – Не выразил желаний встретиться-проводить?

– Да чего меня встречать-проводить, когда от монтажной до дома ровно семь минут, а сейчас еще рано? – Александра чувствовала необходимость заступиться за Филиппа, которому, конечно, и в голову не пришло, что ее нужно бы встретить с работы.

– Ты бы хоть ему намекнула, чтобы он к подъезду выдвинулся, – посоветовала из кухни Маша. – Постоял бы, воздухом подышал...

– Идите вы... – буркнула Александра и поплелась в прихожую одеваться.

Куртка была холодной и влажной. Сразу после Нового года вместо крещенских морозов пришла оттепель, лил дождь, подъевший почти весь снег, на тротуарах стояли глубокие лужи, и по дороге от метро Александра попала под дождь. Куртка промокла, и одеваться было противно.

– Подожди, – приказала Ладка, поднимаясь. – Я, конечно, не Филипп, король Франции, но, так и быть, отвезу тебя хотя бы туда. Кто знает, во что ты еще по дороге можешь вляпаться...

– Ничего страшного, – убеждал Филипп усталый молодой врач, приехавший на «Скорой». – У нее просто нервный шок, довольно сильный, и еще эти порезы...

– Да, да, порезы, – повторил Филипп.

Он не мог смотреть на Александру, он отворачивался от дивана, на котором она лежала, неподвижная и бледная, как неживая. Ему было стыдно. Он знал, как виноват перед ней.

– Ничего страшного, – твердил врач, который с первого взгляда понял, что Филипп иностранец. И это раздражало его еще больше.

«Да, – думал он язвительно. – У нас на улицах, случается, убивают. Нечего по ночам болтаться. А уж коли ты такой заботливый, мог бы оторвать задницу от кресла и подождать у подъезда, глядишь, ничего бы и не было...»

– Вы слышите меня? – спросил он раздраженно. – Ну хотите, я заберу ее в больницу?

– Нет, нет, спасибо, – сказал Филипп, очнувшись, и посмотрел на врача так, что тому показалось: сейчас этот бледный взъерошенный мужик кого-нибудь ударит. Он даже отступил немного. Кто его знает, может, и вправду переживает...

Зазвонил телефон. Филипп долго не мог сообразить, где он звонит, пока фельдшер не тронул его за плечо и не кивнул на надрывающуюся трубку.

– Я уже еду, – сказали в трубке, когда Филипп ответил. – Насколько все плохо? Нужно везти в больницу?

– Вроде нет, – сказал Филипп спокойно. – Но, если можешь, привези... врача.

– Хорошо. Только это займет какое-то время. Ничего?

– Ничего, – ответил Филипп.

Теперь почти все – ничего.

«Ишь ты, – подумал, раздражаясь, врач со «Скорой», – мне он не доверяет. Требуется другого. Ну, и пошел к черту...»

– Полицию вызывали? – спросил он грубо. – Вызовите, они хоть протокол составят...

– Она поправится? – вдруг спросил нервный иностранец. – Вы точно уверены, что она поправится?

Врач чуть не заскрипел зубами:

– Да говорят вам, нет никакой опасности! У нее два пореза, совершенно бессмысленных и не представляющих угрозы для жизни. Чистенькие, никакой инфекции, только крови много. Через две недели они заживут. Ну, через три. Если вы положите ее в хорошую клинику, и следов никаких не останется. Вообще никаких. Вы меня понимаете?

– А почему она в обмороке? – спросил Филипп, чувствуя себя идиотом. Она была не в обмороке, она спала, ей вкололи снотворное. Но Филипп хотел, чтобы врач подтвердил это.

– В обмороке она была очень недолго, – призвав на помощь все свое терпение, в который раз начал объяснять врач. Ему казалось, что он говорит с душевнобольным. – Она пришла в себя, заплакала, почувствовала боль, я вколол ей снотворное. – Он ткнул пальцем в ампулу со спиленной головкой. – Если повезете ее в больницу, я напишу вам, что именно я колол...

– Да, – сказал Филипп, – да, пожалуйста...

Фельдшер маялся у двери. Он был еще моложе врача, и ему давно уже надоела и эта квартира, и тупой иностранец, и его явно преувеличенные опасения за пострадавшую девушку. Интересно, в этих их Европах все такие пугливые суслики?

– Спасибо, – поблагодарил Филипп. – Спасибо.

Он забыл что-то еще, что обязательно нужно сделать... Что же? Ах да... Заплатить.

Он вынул из бумажника деньги и протянул врачу. Должно быть, там было много, потому что врач вдруг перепугался.

– Что вы, что вы, не надо... – забормотал он, оглядываясь на фельдшера, у которого тоже стало растерянное лицо. – Нет, нет, я не возьму.

Филиппу было не до споров. Кроме того, ему хотелось, чтобы они поскорее уехали. Он чуть не за пазуху сунул деньги все еще что-то бормочущему врачу и вежливо сказал:

– Большое спасибо, вы очень нам помогли.

Врач дико на него посмотрел, стиснул в кулаке деньги и направился к двери. За ним – фельдшер. В ночной тишине Филипп отчетливо слышал, как они спускаются по лестнице, что-то громко обсуждая, как натужно и неохотно заводится мотор машины, на которой они приехали, и как она выезжает со двора, хрустя по намерзшему на асфальте льду.

Они остались вдвоем, Филипп и его жена.

«Зачем я отпустил ее на эту дурацкую работу? – горестно думал Филипп. – Вполне мог бы не отпускать. Она послушалась бы. Она всегда всех слушается и меня бы послушалась...»

Он подошел к дивану и сел рядом на ковер. Александра дышала ровно, у нее было удивленное лицо и уже не такое безжизненное, как в первое мгновение, когда ему показалось, что она непременно умрет. Ухо перевязано, на щеке наклеен толстый больничный пластырь.

Как, должно быть, она испугалась! Или не успела?

Бедная, одинокая девочка, которую некому поддержать и которой приходится справляться с жизнью в одиночку.

– Я заберу тебя в Париж, – сказал ей Филипп по-французски. – Я не знаю, согласишься ли ты, но, если не согласишься, мы что-нибудь придумаем. И никто не посмеет тебя обидеть. Даже мой сын.

Зазвонил телефон, Филипп снял трубку.

– Я уже в подъезде, – сообщила трубка. – Врача привез. Он говорит, что все равно нужно будет в больницу, если ранение лицевое.

– Сейчас посмотрим, – сказал в отдалении чей-то голос, очевидно этого самого врача. Филипп поднялся с пола и вышел в коридор.

– А лифт не работает, что ли? – спросили в телефоне.

– Нет, – сказал Филипп. – Придется пешком.

– А этаж-то пятый... – с наигранным испугом проговорили в телефоне. – Прибытие откладывается на неопределенный срок. Кто знает, сколько потребуется времени, чтобы поднять себя по лестнице.

Но в гулком подъезде уже звучали шаги. Филиппу показалось, что поднимается человек сорок.

Он открыл дверь. Оказалось не сорок, а всего пятеро.

– Привет, – сказал Филипп. – Хорошо, что тебе удалось приехать.

В палате у Александры было просторно и красиво. Как в санаторном люксе, подумала она, хотя никогда не была в санатории, тем более в люксе. По ту сторону – зимний подмосковный бор, засыпанный снегом, а по эту – тепло, чисто, спокойно. Телевизор, ковры, цветы, картины.

Как бы дико это ни звучало, но ей нравилось здесь лежать.

Когда она проснулась и в недоумении уставилась в лепной потолок со старинной бронзовой люстрой, ей показалось, что ее похитили и держат в заложниках. Она резко села, намереваясь бежать, но в голове зашумело, в ушах зазвенело, в глазах потемнело, и побег пришлось отменить.

За окном в тихом и чистом зимнем бору начинались сумерки, и Александра, забыв про побег, легла на подушку и стала смотреть в этот меркнувший между соснами закат и вспоминать, как на зимних каникулах баба Клава возила ее, маленькую, на дачу. Как скрипел снег под полозьями санок, как здорово было идти с электрички к дому и предвкушать его ровное тепло – соседка всегда топила печь к их приезду. И на ужин в первый вечер всегда было что-то вкусное: «Докторская» колбаса с черным хлебом – сколько хочешь! – или ветчина в импортной банке, специально прибереженная в дорогу, и чай с конфетами, тоже пока не наешься.

Конечно, и в каникулы они с бабушкой работали не покладая рук. Вернее, работала бабушка и Александру заставляла. Ни разу в жизни Александра не видела ее без дела. Она была превосходная портниха, у нее был хороший вкус и необыкновенная хватка, как сказали бы сейчас, профессионализм. Александра, томясь, шила фартуки, а бабушка – платья, блузки, брюки и даже пальто.

Но все-таки на каникулах бабушка загружала ее меньше.

У Александры были лыжи, довольно неказистые, но вполне подходящие для деревенских горок. И санки с загнутыми полозьями, очень красивые. «На них еще твой папа катался», – говорила баба Клава с гордостью, но папу Александра не помнила.

Почему-то теперь ей стало очень жалко себя. Она лежала и тихо плакала, и слезы перестали катиться только тогда, когда толстый бинт на щеке совсем промок.

Почему-то ее абсолютно не волновало, что с ней случилось и заживут ли раны. И где она находится.

Но оказалось, этот день все-таки смог ее удивить и вывести из состояния странной апатии, в которую она впала.

Когда совсем стемнело, Александра решила выйти в коридор и посмотреть – есть ли еще кто-нибудь в этом сказочно тихом доме.

Она осторожно села, придерживаясь рукой за какие-то очень уместно прилаженные к стене поручни. Голова уже не так кружилась, и в глазах уже почти не темнело. В кресле, рядышком с кроватью, лежал длинный и толстый халат, и Александра, поколебавшись, надела его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.